

Юрий Шанин **ОТ ЭЛЛИНОВ
ДО НАШИХ
ДНЕЙ**

Юрий Шанин ОТ ЭЛЛИНОВ
ДО НАШИХ
ДНЕЙ

МОСКВА
«ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ»
1975

7А 8
Ш 20

Шанин Ю. В.

Ш 20 От эллинов до наших дней. М., Физкультура
и спорт, 1975.

143 с.; 8 л. ил.

Состязания и упражнения, которые сегодня мы наблюдаем на стадионах, в спортзалах и на спортилощадках, берут свое начало от древних народных игр и забав. В книге рассказывается о спортивных играх народов разных времен и континентов.

Ш $\frac{60902-020}{009(1)-75}$ 22-75

7А 8

© Издательство «Физкультура и спорт», 1975 г.

ОТ АВТОРА

Представьте, что вас, читателя второй половины XX столетия, спросили бы: «Как вы думаете, действительно ли Геракл совершил свои легендарные подвиги или все это лишь прекрасные мифы?»

Вероятнее всего, вы бы улыбнулись, припоминая бой с Критским быком, победы героя над Лернейской гидрой и Немейским львом, Аргивы конюшни, прогулку в Подземное царство за трехглавым псом Цербером плюс многое другое, и ответили бы почти без колебаний: «Конечно же мифы!»

Так же, при всем уважении к таланту великого Шота Руставели, мы с понятной осторожностью воспринимаем рассказ Тарнэля — витязи в тигровой шкуре — о том, как он в течение нескольких минут убил мечом льва и голыми руками задушил тигрицу. Ибо очень трудно поверить, что все это было в действительности (хотя бы даже и очень давно). Впрочем, лишь к слову заметим, что в те далекие времена леопарды (не тигры!) и львы нередко встречались и в Элладе, и на Кавказе...

Но обратите все же внимание: среди подвигов Геракла и Тарнэля есть один сходный: победное единоборство с самыми могучими из хищников. И так ли уж фантастичны эти поединки?

В конце июля 1907 года почти все газеты Чикаго взхлеб описывали состязание, равного которому жители Америки еще не видели. В один из вечеров на арену городского цирка (переполненного, как никогда) вышел борец в синем трико. Обязательные поклоны публике. Барабан забил тревожную дробь. И атлет, сделав несколько глубоких выдохов, спокойно вошел в клетку с огромным львом.

Хищник не проявил дружелюбия. Он взревел и стремительно бросился на человека. Но тот быстро уклонился, и лев ударился о решетку. Вторая атака, третья... Когти и клыки «царя зверей» впиваются в тело атлета. Но человек, преодолевая дикую боль, мощным рывком поднимает хищника над головой и с огромной силой швыряет на песок. Через несколько секунд лев мертв...

Победителем в этом певиданном единоборстве стал украинский богатырь, цирковой борец Терентий Корень. В тот вечер он завоевал единственную в своем роде награду: большую золотую медаль с надписью: «Победителю львов» — и 30 тысяч долларов.

Этого силача хорошо знали не только в России и Америке. Ему рукоплескали Париж, Лондон, Брюссель, Стамбул. А в 20-е годы Терентий Корень — один из основателей молодого советского цирка. Вот так встали рядом миф и действительность. А еще вернее — один из древнейших мифов перестал быть таковым уже в наши дни.

О почти фантастических (но, к сожалению, еще мало исследованных) возможностях человеческого организма написано и много, и мало. На I Олимпийских играх современности высшее достижение американца Берка Томаса в беге на 100 метров равнялось 12 секундам. Победитель соревнований по прыжкам в длину показал тогда результат 6,35 метра. А сегодня (хотя прошло всего 76 лет) эти до-

стижения не считаются рекордными даже для женщин. Комментарии, как говорится, излишни. С каждым годом все выше поднимаются «окончательно предсказанные» учеными предельные (?) потолки мировых рекордов по разным видам спорта. И отрадно, что конца этому явлению пока не предвидится. Но откуда же берутся столь неистощимые резервы?

Когда в 1912 году на V Олимпийских играх в Стокгольме никому ранее не известный североамериканский индеец Джим Торп стал одновременно чемпионом в легкоатлетическом пятиборье и десятиборье, это поразило не только журналистов и зрителей, но и специалистов по спорту. Не меньшей сенсацией в 1960 году на Олимпиаде в Риме стала победа на марафонской дистанции эфиопского стайера Абебе Бикилы, который, вдобавок ко всему, 42 километра 195 метров пробежал босиком.

Безусловно, и Терентий Корень, и Джим Торп, и Абебе Бикила — явления исключительные. Но... нельзя забывать и об условиях жизни этих рекордсменов, и о многовековых состязательных традициях их соплеменников. Ведь современный спорт возник не на голом месте. Соревнования и упражнения, которые мы наблюдаем и выполняем в спортзалах и на стадионах, родились на благодатной почве народных игр и развлечений. И если про олимпийские игры эллинов мы знаем сравнительно много (хотя далеко не все), то, например, о племенных состязаниях австралийских аборигенов и жителей африканских джунглей, о военных упражнениях запорожских казаков и ритуальных играх гуцулов, о монгольских «великанах» и сверхвыносливых индейских стайерах широкому читателю пока мало что известно.

Наконец, важно понять и то, что в неодинаковых общественно-исторических условиях даже сходные явления могут развиваться по-разному. Так, и древние греки, и древние римляне устраивали ритуальные состязания в честь умерших. Но в Элладе они переросли в мирные и солнечные олимпийские игры, а в Риме выродились в кровавые гладиаторские бои.

В этой книге вы прочтете о традиционных спортивных развлечениях и упражнениях народов разных времен и континентов. Именно о тех развлечениях, без которых физическая культура и спорт никогда не приобрели бы на нашей планете такого интернационального и всеобщего характера и (главное!) олимпийские игры не стали бы столь интересными и многогранными, как теперь.

Глава I   МИФЫ И ЛЮДИ   ОЛИМПИИ

Хотя со времени могучего культурного расцвета Эллады прошло более двух тысячелетий, мы и сегодня восхищенно рассматриваем, изучаем и репродуцируем произведения античных скульпторов. Наши музеи, дворцы и парки украшают копии всемирно известных статуй: Аполлон Бельведерский, Венера Милосская, Геракл (которого изваял Гликон), Дискобол работы Мирона...

И почти каждая скульптура того времени — это безукоризненное изображение не менее безукоризненного, совершенного человеческого тела.

В большинстве случаев автору не приходилось фантазировать: перед его взором ежедневно проходили сотни людей, развитых гармонично и красиво. Они-то и служили «натурой» античным мастерам. Подобное совершенство не было случайным: постоянные и разнообразные физические упражнения делали организм стойким и выносливым, а тело — прекрасным и сильным.

Азартные и неутомимые

Когда буйные весенние воды размывали могилу Тезея, очевидцы обнаружили, что кости благородного и отважного героя эллинских мифов необычайно велики: коленные чашечки своими размерами превосходили, по преданию, диски, которыми пользуются атлеты на состязаниях. Так, по крайней мере, писали некоторые античные авторы.

Впрочем, уже в древности этот факт подвергался сомнению. Да, гигантские кости действительно существовали. Только принадлежали они, конечно, не древним героям-великанам, а ископаемым животным. Их останки ученые в изобилии находят и в наше время.

Так на реальной почве возникали мифы, которые впоследствии получали вполне научное объяснение. Надо только уметь расколоть скорлупу мифологического ореха, чтоб извлечь из нее ядро истины.

Еще более весомым доказательством того, что древние сказания опирались порой на действительные факты, может служить история открытий археолога Генриха Шлимана. Обладая удивительной интуицией, исследователь сумел увидеть в строках «Илиады» описание давних событий и раскопал город, оказавшийся гомеровской Троей.

Многие атлеты античности обладали поистине феноменальной силой. Древние греки имели обыкновение (счастливое для нас) фиксировать достижения сильнейших в виде кратких надписей на специальных мраморных плитах, пьедесталах статуй и даже на простых камнях.

В музее Олимпии (в той самой долине бурного некогда Алфея, где родились олимпийские игры эллинов) хранится большой камень. Неправильный по форме, сглаженный временем, водой и человеческими руками, он напоминает гигантскую каменную гирию, размеры которой $68 \times 39 \times 33$ сантиметра, а вес — 143,5 килограмма.

Сам по себе этот факт вряд ли был бы достоин упоминания (мало ли больших камней на земле!), если бы не надпись на античной гантели: «Бибон поднял меня над головой одной рукой». Атлет, носивший это имя, жил в VI веке до н. э. И выжал он не штангу (за ее гриф можно удобно взяться), а продолговатую каменную глыбу, сбалансировать которую нелегко. А его современник Ев-

мист приподнял с земли каменный блок весом в... 480 килограммов (!).

Ученые многократно убеждались (путем косвенной проверки), что древнегреческие надписи в подавляющем большинстве случаев документально точны. Но как поверить столь фантастическим утверждениям?!

Спартаец Ладас (о нем рассказал в своей книге «Описание Эллады», II век н. э., древнегреческий писатель и путешественник Павсаний) был столь великолепным бегуном, что дал повод для рождения многих легенд. Он якобы так быстро бежал, что даже... не оставлял на песке следов. Состязаясь в Олимпии на самой длинной дистанции, он почувствовал себя плохо, но и не подумал прекратить борьбу. Примчавшись к финишу первым и завоевав победный венок, Ладас по дороге домой упал и умер. Его статую изваял Мирон (V век до н. э.).

К слову сказать, расчеты показывают: чтобы не остаться на песке следов, Ладасу пришлось бы бежать с первой космической скоростью (!).

О юном Полиместоре из Милета, олимпийском победителе в беге мальчиков (тех, кому еще не исполнилось 18 лет), рассказывали, что он не только легко догонял любую из коз (которых пас), но и зайцев.

В 490 г. до н. э. на Марафонской равнине афиняне и их союзники отстаивали свободу Греции. Персидское войско своей численностью превосходило эллинское во много раз. Но греки (в отличие от персов) сражались за свою независимость. И они победили.

Радостную весть о победе понес в Афины быстроногий Филиппид — лучший бегун из войска Мильтиада. Окровавленный и обессиленный, но безмерно гордый и счастливый, он вбежал на городскую площадь, выдохнул: «Победа!» — и упал замертво. Сердце гонца не выдержало. В наше время марафонская дистанция (42 километра 195 метров) введена в программу легкоатлетических состязаний в память о подвиге древнего воина.

Но почему же опытный (по свидетельствам многих авторов) атлет умер, пробежав расстояние, доступное теперь тысячам бегунов?

Вы поймете это, узнав, что накануне битвы Филиппид «сбежал» через горный перевал из Афин в Спарту, чтобы заручиться помощью союзников. За двое суток он пробе-

жал более 200 километров! А вернувшись и даже не отдохнув, гонец принял участие в знаменитой битве.

Еще один примечательный факт. Подобно тому как в русских былинах богатыри выступают в одиночку против целого войска, так и от греческого племени ахейцев в Ламийской войне участвовал только борец Хилон. Он совершенно официально был приравнен к целому отряду. И оправдал надежды соотечественников: Хилон шел впереди объединенного войска и снискал себе в этой битве славу не меньшую, чем на Олимпийском стадионе.

Кстати, если в осажденный город надо было послать парламентаря, обычно туда отправлялся или знаменитый атлет, или актер. И тех, и других эллины буквально боготворили, и не было случая, чтобы отправившемуся на переговоры спортсмену или артисту причинили хоть малейший вред.

...Древние писатели называют много причин поражения персов при Саламине: и удачный стратегический план Фемистокла, и отвага свободолюбивых греков, и высокое искусство эллинских моряков. Но историк Фукидид писал еще об одной причине: падая с корабля в воду, греческие матросы быстро взбирались обратно на свое судно (если, конечно, не были серьезно ранены) и продолжали бой. А персы в такой ситуации почти неизменно тонули. Дело в том, что все эллины были хорошие пловцы, а матросы Ксеркса (как это ни парадоксально для моряков) в большинстве своем плавать не умели. И гибли часто не от греческой стрелы или копья, а лишь от того, что оказались в воде.

Вот несколько на первый взгляд разрозненных легенд и фактов, имеющих прямое или косвенное отношение к физическому воспитанию в Древней Греции. Но если сквозь кружева мифологических сюжетов мы сумеем разглядеть реальных людей и реальные события, то жизнь античного мира неожиданно засияет новой, неведомой нам ранее гранью.

* * *

Было бы смешно думать, что древнегреческие девчонки и мальчишки меньше любили игры, чем наши юные современники. Нет, поверьте, они были такими же азартными и неутомимыми, так же стремились во что бы то ни стало выяснить, кто из них самый сильный, ловкий и быстрый.

Маленьким эллинам уже были известны качели. С уносом запускали они в небо ширококрылых змеев (успешно применяя вместо не изобретенной еще бумаги рыбий или бычий пузырь). А прообразом современного бильярда была игра в орехи: каждый старался поточнее попасть в специальные углубления, сделанные в земле. Чуть ли не с двухлетнего возраста эллинские малыши увлекались «петушиным боем»: подскакивая на одной ноге, они старались сбить противника ударом плеча.

Но, конечно же, и тогда самыми любимыми и популярными были игры с мячом. Несколько позднее древнеримский врач Гален назвал мяч «счастливым спутником людей», ибо он был одинаково доступен и сильным, и слабым, и богатым, и бедным.

Существовали разные виды мячей: сшитые из цветных доскутов и набитые волосом (по-гречески «пиля»), наполненные воздухом кожаные оболочки («фоллис»), те же футляры, набитые перьями («паганика»), и, наконец, самые тяжелые, наполненные песком («гарпастон»).

Вы помните странствия Одиссея? Когда он был выброшен волнами на остров феаков, из глубокого сна его вывели веселые возгласы царицы Навсикаи и ее подруг-служанок, игравших на морском берегу в мяч. Уже хотя бы поэтому можно сказать, что древние греки любили эту игру еще за много-много веков до нашей эры.

В Элладе существовало два типа учебных заведений. Как только греческому мальчику исполнялось шесть или семь лет, он поступал в «палестру» (от слова «пале» — борьба), где три года занимался лишь физическими упражнениями. Впрочем, на последнем году учеников знакомили с музыкой и лирической поэзией, учили читать и писать.

Лишь в 14—16 лет юные эллины переходили в своего рода среднюю школу, которая называлась «гимнасий» (от слова «гюмнос» — обнаженный: юноши упражнялись и состязались без одежды). Здесь они учились быстро бегать и нередко делали это на морском берегу, где их ноги увязали в глубоком песке. Зато после таких изнурительных упражнений по твердой дорожке бежалось особенно легко...

В гимнасии юноши занимались борьбой, прыжками, дискосметанием, бросали копье на дальность и в цель, учились преодолевать рвы. Конечно, и мячу тут принадлежало почетное место.

Сначала мальчики обучались в частных гимназиях, а затем переходили в государственные. Разумеется, это были дети свободных и зажиточных эллинов. Рабы для такого обучения не имели ни прав, ни возможностей. Занимались молодые эллины под руководством педотрибов и педономов (так назывались тренеры-наставники). А всей школой руководил гимнасиарх — лицо очень уважаемое и наделенное большой властью.

Существовали школы для более привилегированной молодежи и для тех, чьи родители были победней. А в Афинах широкой известностью пользовался гимнасий Киносарга для мальчиков «полублагородного происхождения» (их отцы были свободными гражданами, а матери — рабынями).

Трудно перечислить все упражнения, которым обучали педотрибы своих учеников. Их были десятки: трудных и легких, приятных и не очень. Для развигия силы мальчики поднимали и переносили с места на место камни: сначала небольшие, а потом все тяжелее и тяжелее. На одной древнегреческой вазе неизвестный художник изобразил юношу, который, наклонясь вперед и держа в каждой руке по солидному камню, поочередно поднимает их.

Совершенно ясно, что с помощью таких упражнений можно было достичь значительных результатов. И невольно соглашаешься с тем, что поднятая одной рукой 143,5-килограммовая каменная гиря, может быть, не фантастика, а закономерная награда за упорные, многолетние тренировки.

Государство атлетов

Основу воспитательной системы эллинов в классический период (т. е. два с половиной тысячелетия назад) составлял тезис о гармоническом развитии человека. Справедливо считалось, что люди должны быть одинаково совершенны как в духовном, так и в физическом отношении. Древнегреческий философ Платон называл «хромым» каждого, у кого тело и разум были развиты неодинаково. А, например, в городе Пеллене юноша мог получить гражданские права лишь выдержав испытание по атлетике.

Наилучших результатов можно достичь тогда, когда физическое и умственное воспитание будут идти рядом. Не случайно идея гармонического развития так понятна и близка нам сегодня.

Однако даже в самые лучшие времена в государствах Древней Греции не существовало единой системы физического воспитания, равно как и единой общеобразовательной системы. А главенствовали в Элладе преимущественно две школы: спартанская и афинская.

Если в большинстве древнегреческих городов-государств (они назывались полисами) обязательное физическое воспитание касалось только юношей, то в Спарте и девушки не отставали от них. В этом отношении спартаки были полной противоположностью изнеженным афинянкам.

Сами спартиаты, занимаясь исключительно военным делом, с помощью оружия поддерживали свое господство над массами государственных рабов — илотов. Суровый коллектив влиял на все сферы жизни древней Спарты, и молодой спартаец воспитывался буквально под присмотром всей страны.

Каждый ежемесячно вносил определенное количество продуктов для общих товарищеских обедов (сисситий). Распорядок жизни каждого был подчинен интересам общины. Чтобы затруднить возможность обогащения одних и разорения других свободных граждан, в Спарте были в ходу только громоздкие и неудобные железные деньги: копить их было и трудно, и бессмысленно.

Как только в семье рождался ребенок, его несли к старейшинам — геронтам. И те решали судьбу будущего гражданина. Слабых детей сбрасывали с обрыва горного хребта Тайгета, ибо считалось: жизнь такого младенца не нужна ни ему самому, ни родителям, ни государству.

Таким жестоким (с нашей точки зрения) образом спартиаты не допускали в свою среду слабых и болезненных людей. А диктовалось это тем, что даже в самые лучшие времена спартиатов-мужчин было лишь около десяти тысяч. Они должны были обеспечить не только безопасность границ, но и господство над илотами, число которых обычно колебалось от 200 до 300 тысяч человек. Так, силой законов, оружия и крепких мышц спартиаты поддерживали свою гегемонию.

С семи лет дети воспитывались в общественных школах: режим мальчиков строился так, чтобы приучить их к неприхотливости и максимальной выносливости. Среди них избирался старший (ирэн), который полностью распоряжался своим отрядом.

Еду себе юные спартиаты обязаны были добывать крѣпей. Так, по мнению геронтов, воспитывалась ловкость. Одежда, даже зимой, сводилась к минимуму: юноши должны были закаляться. За малейшую провинность следовало жестокое наказание: так воспитывалось терпение.

А с 18 лет юноша становился эфебом: получал оружие и занимался чисто военными упражнениями. С этого времени молодые спартиаты принимали участие в криптиях — ночных походах в поисках беглых илотов. По их мнению, всякий илот, находящийся ночью вне дома, был заговорщиком, и его немедленно убивали.

Умственное образование государством не поощрялось. Это было частным делом каждого спартанца. А одним из самых серьезных испытаний воли и мужества для четырнадцатилетних был праздник в честь Артемиды — богини охоты. На ее алтаре мальчиков секли розгами в присутствии родителей и всех граждан. Те, которые переносили жестокое наказание с молчаливым мужеством, получали награды. Но случалось, что юноши без единого стога умирали под ударами. В их честь воздвигали статуи...

Вряд ли сегодня кто-нибудь одобрит подобную «педагогику». Но спартанцы были твердо убеждены, что лишь таким путем можно воспитать настоящих воинов: сильных, бесстрашных и беспощадных к врагам.

Они презирали все, что способствовало изнеженности духа и тела. Согласно закону, каждые десять дней эфебы должны были обнаженными показываться старейшинам. По этому поводу Павсаний писал: «Если они были крепки и сильны, словно высечены из камня, благодаря телесным упражнениям, то удостаивались одобрения. Если же старейшины-эфоры замечали у них следы дряблости и рыхлости, связанной с выросшим от недостатка трудов жиром, юноши подвергались телесному наказанию».

Наконец, стоит упомянуть и о том, что суровые лакедемоняне безжалостно изгоняли за пределы общины поваров, которые готовили вкусно и разнообразно. Ибо пища настоящих спартанцев должна была состоять лишь из самых простых блюд. Деликатесы считались вредными, как и все, что могло избаловать человека.

И у спартанцев, и у афинян расцвет, «золотая пора» атлетики приходится на VI—V века до н. э.

Но афинская воспитательная система значительно от-

началась от спартанской. Правда, и в Афинах существовал обычай умерщвления слабых младенцев. Но здесь, в демократическом государстве, вопрос о жизни и смерти ребенка решали не чиновники, а сам отец.

В Афинах, в отличие от Спарты, ребенка не отрывали от семьи даже в учебный период. До 14—16 лет мальчик под присмотром раба или «дядьки» посещал частные школы, где обучался музыке, чтению, письму и, разумеется, физическим упражнениям. А с 16 лет воспитание афинянина протекало в общественных гимнасиях. Здесь уже значительно увеличивалась физическая нагрузка. Вводились и элементы общественного воспитания: беседы со взрослыми, посещение театров, судов, народных собраний, музыкальных, поэтических и атлетических состязаний. Восемнадцатилетний юноша мог уже быть принят в число свободных граждан. Принеся присягу на верность государству, он вступал в ряды эфэбов. В торжественный этот день на агоре (городской площади) ему вручали экипировку воина.

Но было бы грубой ошибкой считать, что единственной и главной целью педотрибов, педономов и гимнасирхов являлось воспитание боеспособных воинов. Было немало и других причин, благодаря которым физическое воспитание в античной Греции достигло таких вершин. Но об этих причинах мы скажем чуть позже.

* * *

Трудно назвать еще какую-нибудь страну, где любил бы самые различные состязания так же, как в Элладе. Вся жизнь эллина была проникнута духом соревнования.

Состязались между собой музыканты и поэты. Известны соревнования герольдов-трубачей. Устраивались даже единоборства обжор. Но, разумеется, самыми любимыми и почитаемыми были состязания атлетов.

По-древнегречески всякое состязание называлось «агон». А вся система тренировок и состязаний получила отсюда название «агонистика».

В каждой аристократической семье не только доброй традицией, но и почти обязательным элементом «хорошего тона» считалась агонистическая преемственность от отцов к сыновьям. Бывало, что цепочка агонистических триумфов протягивалась и дальше: от деда к внукам, от прадеда к правнукам. Наиболее знамениты в этом смыс-

ле, пожалуй, атлеты из семейства Диагоридов с острова Родос.

Сам могучий Диагор неоднократно побеждал в кулачном бою. Удостоился олимпийского венка и его брат Акусилаи. Стали победителями в Олимпии сыновья Диагора — Доризей, Дамант и Сосий. Наконец, не посрамили своего рода и внуки знаменитого атлета: Эвкл и Пейседор также удостоились высшей награды в Олимпии. О последнем и его матери Каллипатере (ее второе имя — Ференика) передавали такую легенду.

Не доверяя педотрибам, Каллипатера сама обучала сына кулачному бою, готовя его к состязаниям. Проходили месяцы упорных тренировок, и вот наступило время отправляться в Олимпию. Не сомневаясь в победе сына, Каллипатера хотела во что бы то ни стало быть свидетельницей его триумфа. Но путь на Олимпийский стадион для нее был закрыт: по древним законам женщин не допускали туда под страхом смерти.

Однако любовь матери-тренера к сыну была слишком велика, чтобы считаться с законами и бояться смерти. Переодевшись мужчиной, Каллипатера смешалась с группой педотрибов.

И она увидела, как в тяжком кулачном бою Пейседор победил одного за другим пятерых соперников! Голова ее сына будет увенчана! Забыв обо всем, мать бросилась вперед, чтобы обнять Пейседора, и мужская одежда, прилаженная наспех, слетела с нее...

По закону Каллипатеру должны были сбросить со скалы. Но судьбы не нашли в себе силы так поступить. Ибо эта женщина была дочерью олимпийского победителя, сестрой олимпийских венценосцев и матерью олимпийского триумфатора. И Каллипатера осталась жива.

Однако с той поры все педотрибы во время игр должны были находиться в специальной загородке. Там стояли они абсолютно нагие. Чтобы впредь никакая другая гречанка не имела возможности повторить уловку своей знаменитой соотечественницы.

* * *

Да, греки любили и умели состязаться. А в мифах они порой вызывали на единоборство даже богов. Знаменитый Геракл победил в честной борьбе речного бога Ахелоя. А во время Троянской войны разгоряченные бит-

вой войны, случалось, шекотали копьем или мечом какого-нибудь подвернувшегося под руку небожителя.

Да и самих богов греки представляли себе как могучих и ловких атлетов, обладателей незаурядных спортивных качеств. Вся эллинская мифология населена атлетами. Аполлон — искусный стрелок из лука, борец, кулачный боец и метатель диска. Прекрасным пятиборцем и дискоболом считался Персей (победитель страшной Медузы Горгоны). Братья Диоскуры славились искусством верховой езды. В быстроте ног (а не только на поле боя) не знал себе равных могучий Ахилл. Этот перечень можно продолжить.

Но самым «разносторонним» греческим богом был Гермес. Римляне называли его Меркурием. Вестник богов, он считался покровителем путешественников, торговцев и даже воров. Но в первую очередь Гермес опекал молодых атлетов. Именно его призывали они на помощь перед состязаниями в беге и борьбе.

Обязательной принадлежностью гимнасиев были так называемые «гермы» — столбы, увенчанные изображением Гермеса. Там же часто находились статуи двух других мифических силачей: Геракла и Тезея. При взгляде на их могучие и прекрасные фигуры молодые эллины ощущали прилив сил и отваги.

А самым первым педотрибом и педономом легенды называют мудрого кентавра Хирона. Именно он на горе Пелион обучал, по преданию, атлетике мальчиков Ахилла, Кастора, Полидевка, Амфиарая и многих других не менее славных персонажей эллинской мифологии и эпоса. Поэтому Хирона можно считать учителем всех древнегреческих атлетов.

Так как же могли греки не состязаться, если это было любимым занятием их богов и героев! Богов и героев, которых создали они сами.

Законы Ликурга

Раз в четыре года из маленького древнегреческого городка Элиды с пальмовой ветвью в руке выходили священные послы-феоры. Они несли весть о предстоящем олимпийском празднестве, приглашая участников и зрителей. Феоры посещали не только все греческие города. Их приветливо-торжественные голоса звучали на побережье Малой Азии, в южноиталийских и

сицилийских колониях, на самых маленьких островках Эгейского моря и даже в Северной Африке. И приглашения феоров не оставались безответными.

Древнегреческие государства не всегда жили дружно. Военные столкновения не были редкостью. Особенно часто происходили стычки на полуострове Пелопоннес. И однажды элидский правитель Ифит обратился к оракулу с вопросом: как прекратить междоусобицы? Ответ якобы гласил: «Возобнови забытые олимпийские игры!»

Поскольку враждовала Элида преимущественно со Спартой, то Ифит предложил мудрому спартанскому законодателю Ликургу совместно последовать совету оракула. Они составили устав священного перемирия (впоследствии получивший название «Законов Ликурга»): во время праздника среди участвующих должны были прекращаться любые враждебные действия. Шедшие и едущие в Олимпию пользовались правом свободного прохода через неприятельские страны. Под страхом смерти и проклятия никто не имел права силой оружия вторгаться в священную область. Если же через нее должны были проследовать дружественные войска, то они сдавали оружие на границе и получали его обратно лишь при выходе за священную черту. Нарушителей перемирия карали огромным денежным штрафом и лишали права участия в празднике.

Хотя Ифит и Ликург относятся к личностям полубогам, большинство современных исследователей склонны думать, что эти правители существовали действительно. Время их жизни относят к началу IX века до н. э. Как уже было сказано, речь шла не об учреждении, а о возобновлении олимпийских игр, мифические истоки которых теряются во тьме веков. Поэтому 776 год до н. э. — тот самый год, когда на мраморной доске впервые официально было записано имя победителя в беге — элейского повара Коройба, — можно считать началом исторического периода олимпийских игр, но не олимпиад вообще.

— Сама Олимпия располагалась в долине реки Алфея при впадении в нее ручья Кладея. Одна из окрестных гор называлась Олимп. Эта гора была одноименной вершиной, на которой якобы обитали все эллинские боги; вообще же на карте Греции и Кипра находится семь возвышенностей, каждая из которых называется Олимп. Соседняя гора называлась холмом Крона. Местом праздника

была священная роща Альтис. Тут заранее собирались тысячи нетерпеливых зрителей, которые разбивали лагерь в долине и на холмах. Их многочисленные палатки белели повсюду. Устраивались основательно: ведь им предстояло прожить тут не менее четырех дней!

Правда, многие съезжались сюда не только ради состязаний, а и для заключения торговых сделок. Поэты, ораторы и ученые читали перед олимпийскими зрителями свои новые произведения, а художники выставляли картины и скульптуры. Государства имели право оглашать здесь договоры, новые законы и другие важные документы. Раз в четыре года Олимпия становилась центром духовного общения лучших умов Греции, ибо второго такого праздника античность не знала.

И хотя в промежутках между очередными олимпийскими греки праздновали панафинейские, истмийские, немейские, пифийские и другие игры (программа которых также предусматривала обязательные состязания атлетов), торжество в долине Алфея всегда оставалось главным.

Посвященный в первую очередь Зевсу (а потом и другим богам), олимпийский праздник распадался на две части: священнодействия и состязания. Хотя, по сути, первая часть должна была быть основной, у эллинов она вызывала значительно меньше энтузиазма, чем игры. Вот главное доказательство: в античной литературе священный церемониал олимпийского праздника описан гораздо более скупо, нежели соревнования атлетов. Жертвоприношениям и прочим священнодействиям отводился в классический период первый день, а играм — последующие четыре...

Но вот наступал наконец долгожданный срок! В назначенный час элланодики (дословно — «эллинские судьбы»), пройдя потайным ходом, неожиданно появлялись на стадионе в сопровождении атлетов. Облаченные в пурпурные одежды, с венками на головах, они молча занимали места на возвышении.

Четырежды звучала труба, и глашатай — самый громкий голос Эллады — извещал о начале состязаний. Став полукругом, участники слушали главного элланодика, который призывал их к честной борьбе...

Один за другим проходили атлеты по стадиону. Глашатай громко объявлял имя и родину каждого и трижды спрашивал, обращаясь к зрителям и судьям: «Все ли вы,

счастливые гости Олимпии, согласны с тем, что этот атлет является свободным и достойным гражданином?»

Дело в том, что не только рабы, но и «варвары» (так эллины называли всех негреков) к участию в играх не допускались. Правда, некоторые исключения, сделанные для иностранцев, известны. Но это было позже, в период заката олимпиад.

Все участники должны были записаться у судей за год до открытия состязаний и провести в неустанных тренировках не менее десяти месяцев. Лишь победители предыдущих игр могли обойти это условие. А последние 30 дней полагалось упражняться непосредственно в Элидском гимнасии, на глазах у требовательных элладиков. Лишь они могли окончательно решить, готов ли атлет к всеэллиническим играм.

В списки участников не могли быть внесены святотатцы, убийцы, злостные неплательщики налогов и те, кто находился под судом. Запрещалось убивать соперника с умыслом или по неосторожности. Виновный в этом (даже победитель!) лишался награды и подвергался крупному штрафу. В особо тяжелых случаях его казнили.

Опоздавших к играм не допускали. Пытающихся подкупить судей публично секли розгами. Так же наказывался и тот, кто хотел запугать или подкупить соперника.

Небезопасно было публично опротестовывать определения судей. Недовольный решением элладиков имел право обратиться к Олимпийскому совету и добиваться осуждения необъективных (по его мнению) судей. Но — многозначительно подчеркивалось — лишь на свой страх и риск. Это предупреждение было тем более внушительным, что на стадионе все время находились номофилаки (чиновники, следящие за строгим соблюдением всех правил), в распоряжении которых были отряды «палочников». Провинившихся, в том числе и подавших ложные жалобы, наказывали на месте энергично и весьма оперативно. Древние греки не любили бюрократии.

Не только фантастический прыжок...

На первых тринадцати олимпиадах атлеты состязались только в простом беге на один стадий (дромос). Дистанция эта, как ни странно, в разное время и в разных городах измерялась неодинаково. Дело

в том, что стадий должен был соответствовать шестистам ступням жреца Зевса. А поскольку у разных жрецов ноги были, естественно, разных размеров, то и стадий колебался от 175 до 192,27 метра. Самый большой стадий был именно в Олимпии: по преданию, его отмерил сам Геркулес. Так возникло и общеупотребительное слово «стадий».

Параллельно существовал еще и «большой стадий», равный 950 метрам. Им измерялись расстояния конских бегов и некоторые стайерские дистанции.

С 14-й Олимпиады (724 г. до н. э.) в программу включается диаулос (двойной бег): атлеты пробегали стадий и, обогнув столбик, возвращались на старт. Причем уже с 720 года до н. э. все участники состязались обнаженными. По преданию, в тот год юный Орсипп потерял в пылу соревнования набедренную повязку, но пришел к финишу все же первым. С той поры атлеты выступали без одежды.

Долихос (длинный бег) чаще всего равнялся 24 стадиям (что примерно соответствовало 4500 метрам).

Во всех видах состязаний существовали три возрастные группы: дети, безбородые и мужи. В пору расцвета эллинической агонистики атлеты были универсальны. Так, Полит из Карии великолепно сочетал в себе спринтерские и стайерские качества. От «длинного бега», слегка отдохнув, он переходил к состязаниям на самой короткой дистанции. Победив в обоих видах, Полит в тот же день прибавил к этим двум и третью победу — в двойном беге.

Очень хочется знать: как быстро бегали греки и смогли бы они состязаться с бегунами современности? Прекрасный знаток античного быта Ф. Ф. Велишский сообщает, что лучший бегун 22-й Олимпиады Тисандр из Кеифа первым пробежал за час 20 больших стадий (т. е. 19 200 метров). В свое время, чтобы выполнить норму мастера спорта СССР по «часовому бегу», надо было пробежать за час 18 600 метров. Таким образом, Тисандр вполне мог бы претендовать на это почетное звание. Однако сегодня мировой рекорд в часовом беге равен 20 784 метрам (1972 год, бельгиец Рулантс).

Начиная с 65-й Олимпиады к общему комплексу прибавляется «дропитон дромос» — бег вооруженных воинов, которые преодолевали от 1 до 4 стадий в шлеме, в поножах (щитки, прикрывающие ноги) и со щитом. Впрочем, впоследствии остался только щит.

А знаете ли вы, как возникло слово «академия»? С самых древних времен так называлась роща, посвященная афинскому герою Академу. Здесь в большом гимнасии упражнялись юноши, тут же прогуливался и вел беседы со своими учениками эллинский философ Платон. Его последователи и стали первыми «академиками».

Но афинская академия прославилась еще и тем, что отсюда обычно начинались самые интересные состязания бегунов: лампадодромия (бег с факелом).

В роще находился жертвенник Прометея — бога, подарившего людям огонь. Именно возле него глубокой ночью бегуны зажигали восковые факелы и, крепко держа их в руке, устремлялись к городу. Факел передавался от одного бегуна к другому (как в современной эстафете). Выигрывала команда, участник которой первый, не погасив огня, добегал до жилища пекаря или кузнеца. Там, по старинной традиции, он своим факелом разжигал печь ремесленника.

Разумеется, древние греки состязались не только в беге. Агонистическая программа олимпийского праздника неуклонно расширялась. Вот сроки рождения новых видов:

- 18-я Олимпиада (708 г. до н. э.) — легкоатлетическое пятиборье и борьба.
- 23-я Олимпиада (688 г. до н. э.) — кулачный бой.
- 25-я Олимпиада (680 г. до н. э.) — состязания колесниц.
- 33-я Олимпиада (648 г. до н. э.) — скачки и панкратий (соединение кулачного боя с борьбой).
- 37-я Олимпиада (632 г. до н. э.) — борьба и скачки для мальчиков.
- 38-я Олимпиада (628 г. до н. э.) — пятиборье для мальчиков.
- 41-я Олимпиада (616 г. до н. э.) — кулачный бой для мальчиков.
- 65-я Олимпиада (520 г. до н. э.) — бег с оружием.
- 70-я Олимпиада (500 г. до н. э.) — бег колесниц, запряженных мулами.
- 71-я Олимпиада (496 г. до н. э.) — скачки на кобылах.
- 84-я Олимпиада (444 г. до н. э.) — отмена состязаний на мулах и кобылах.
- 93-я Олимпиада (408 г. до н. э.) — гонки на пароконных колесницах.
- 99-я Олимпиада (384 г. до н. э.) — гонки на четверке жеребят.
- 128-я Олимпиада (268 г. до н. э.) — скачки верхом на жеребят.
- 131-я Олимпиада (256 г. до н. э.) — гонки на колеснице, запряженной парой жеребят.
- 145-я Олимпиада (200 г. до н. э.) — панкратий для мальчиков.

В олимпийское пятиборье входили: простой бег, прыжок в длину, дискометание, метание копья и борьба.

Чтобы стать победителем, надо было выиграть хотя бы в трех видах из пяти. Сократ называл универсальных победителей красивейшими из людей.

Одной из загадок античной агонистики для нас является обычный прыжок в длину. Впрочем, обычный ли? Судите сами: в 500 году до н. э. на 70-й Олимпиаде Фаилл из Кротона прыгнул на 55 дельфийских стоп, что равняется... 16,3 метра. А известный спартанский бегун Филон еще за полтора столетия до Фаилла опустился на отметке 16,66 метра!

Даже те, кто не слишком интересуется легкой атлетикой, знают: это почти вдвое больше современного мирового рекорда. Но возможно ли это?

Венгерский исследователь Ф. Мезе считает: «...вероятно, складывали результаты трех прыжков и сумму их объявляли как окончательный итог». Другие ученые полагают, что эти фантастические цифры — результат тройного прыжка (правда, полагают без достаточных оснований). А, например, Б. Ривкин, автор интересной книги «В долине Алфея», вообще подвергает сомнению рекорды древних прыгунов. Он пишет: «Впервые об удивительном прыжке Фаилла в древней литературе говорится со II века н. э., тогда как сам Фаилл жил за 600 лет до этого, в V веке до н. э. Во II веке н. э. любили занимательные и даже неправдоподобные рассказы о знаменитых подвигах прошлого. О них сочиняли легенды. Одной из таких легенд и была история с необыкновенным прыжком Фаилла».

Сразу скажем, что «занимательные и даже неправдоподобные рассказы» любили не только во II веке н. э., и вряд ли это является научным аргументом. Однако действительно, очень трудно поверить в реальность шестидесятиметровых прыжков. Но тут стоит вспомнить, что не две тысячи, а всего 15—20 лет назад специалисты единогласно утверждали: тяжелоатлеты никогда не преодолеют в троеборье шестисоткилограммовый рубеж. Однако в 1970 году Василий Алексеев преподнес осторожным теоретикам весьма весомые доказательства их неправоты. А затем бельгиец Серж Рэдинг и еще десяток атлетов подтвердили «доводы» советского тяжелоатлета.

Кстати, в свете этих фактов уже не так страшно поверить и приведенному ранее рассказу об эллинском си-

лаче Евмасте, приподнявшем 480-килограммовый камень...

Итак, античные авторы называют имена не одного, а даже двух прыгунов, преодолевших шестнадцатиметровый рубеж. Против их утверждений выступают здравый смысл и объективная оценка человеческих возможностей. Но только что был приведен пример того, как объективные оценки оказались сугубо субъективными.

Как же тренировались и состязались античные прыгуны? Они прыгали и с места (стартуя с невысокого каменного возвышения), и с разбега. Эллины взлетали в воздух, держа в руках специальные металлические или каменные гантели. Впрочем, дадим слово Павсанию: «Эти гири имеют такой вид: посередине они представляют несколько удлиненный, не совсем правильный диск, он сделан так, что через него можно пропустить пальцы рук таким же образом, как через ручку щита».

Впрочем, судя по вазовой живописи, прыжковые гантели бывали различной формы. Вес их колебался от 1,48 до 4,629 килограмма. Нам это известно, ибо многие гири сохранились до наших дней.

Местом для прыжков служила скамма — заполненная морским песком яма длиной от 15,25 до 16,35 метра. Атлеты разбегались и, как в наши дни, отталкивались от пограничной полосы. В заключительный момент разбега прыгун выбрасывал руки с гантелями вперед. В полете, после толчка, совершались, вероятно, волнообразные движения всем телом и гантели еще раз перемещались вперед и — снова за спину. Ясно, что тут использовалась дополнительная инерция, создаваемая весом гирь и маховыми движениями.

Все попытки современных спортсменов повторить эллинский прыжок пока успехом не увенчались. Но почему бы не предположить, что греки владели техническим секретом, неизвестным нам сегодня? Ведь, например, шест, который помогает хорошему спортсмену взлететь над пятиметровой планкой, неумелому прыгуну будет лишь помехой. Быть может, так и в данном случае...

Тем более что имя Фаилла упоминается многими греческими писателями и при самых различных обстоятельствах. Вот что пишет о нем Павсаний: «Он два раза был победителем в пятиборье, а третий раз победу одержал в беге. Я укажу, что ему есть статуя в Дельфах. Он, между прочим, сражался с мидянами на своем собствен-

на корабле, куда посадил всех кротонцев, которые
шли в Элладу».

Упоминает об атлете и воине Фаилле «отец истории»
Геродот. Замечательный прыжок Фаилла описывает и
Эвфрат: «Сей муж пролетел над скамьей от начала до
конца и, опустившись на твердую, каменистую землю,
задел левую ногу».

Но единком ли много свидетельств и реалистических
описаний для мифа? Но пока тайна греческого прыжка,
она, не раскрыта.

Следующим видом пятиборья было метание диска.
Когда-то этот снаряд применяли на войне при осаде го-
родов. На деревянных, металлических или каменных
дисках осаждавшие писали предложения о капитуляции
и через крепостную стену забрасывали снаряд в город.
Но со временем диск с поля боя перешел на стадион и
премно там обосновался.

Длины метали этот снаряд и вдаль, и в высоту.
В последнем случае выигрывал тот, чей диск падал на
землю последним.

Что же касается бросков вдаль, то, по свидетельству
римского поэта Публия Паппиния Стация, легендарный
Фаил метнул однажды диск на 38,31 метра. Вы, веро-
ятно, скажете: жалкий результат, ниже современного
третьего разряда! Но не спешите с выводами. Ведь
древнегреческие диски весили, судя по сохранившимся
музейным экземплярам, и 3, и 3,5, и 4,5 и даже 5,7 кило-
грамм! Мальчики тренировались, пользуясь более лег-
кими снарядами, а с возрастом их увеличивался и вес
диска.

По словам Публия Паппиния Стация, пятиборец
Влагий перебросил диск через Алфей, т. е. совершил
бросок примерно на 50 метров. Если бы даже его диск
не превышал по весу нынешние, то и тогда результат
Влагия — достижение международного класса. Ну, а
если бы перебросил через Алфей снаряд весом в 3 или
даже в 5 килограммов?.. Невольно вспоминается пре-
красный рассказ Карела Чапека «Рекорд», где рассер-
женный мастеровой бросает через реку огромный бу-
лыжник...

Копье родилось на охоте и на войне. Тяжелые пяти-
метровые копья из ясеня и ели упоминаются еще в поэ-
мах Гомера. Такой снаряд легко пронзал даже металли-
ческий панцирь (не говоря уже о льняных доспехах, рас-

пространенных в Элладе I тысячелетия до н. э.). Охотничьи копья, конечно, были и короче, и легче. От них ведет свое начало спортивное копьё.

К середине древка прикреплялся эластичный ремешок. Перед броском его плотно обматывали вокруг копья, а указательный и средний пальцы вдевали в петлю, которой заканчивался ремешок. В момент броска копьё начинало вращаться, что заставляло его лететь дальше.

Завершающим видом пятиборья была борьба. Борлись в палестре на площадках, специально для этого подготовленных: мягкая, разрыхленная земля, а сверху — слой песка. Борцы натирались оливковым маслом, а затем посыпали себя песком. Тело становилось эластичным и упругим, а осуществить захват было значительно труднее, чем в обычных условиях. Кроме того, как мы знаем теперь, слой масла уменьшал теплоотдачу, и борец меньше уставал.

В этом древнейшем виде агонистики не было разделения на весовые категории (как и в кулачном бою). Пары определялись по жребию. Перед началом агона участники подходили к серебряной чаше (или глиняной амфоре), в которой лежали бронзовые жетоны. На каждой стояла буква греческого алфавита, а жетонов с одинаковыми буквами было по два. Атлеты, вытянувшие жетоны с альфой или, предположим, гаммой, становились агонистическими партнерами и должны были бороться друг с другом. Если состязающихся было нечетное число, то оставшийся лишний (он назывался «эфедр») оказывался в очень выгодном положении: победители каждой пары последовательно боролись все с новыми противниками, а эфедр — лишь с последним, сильнейшим из них. То есть он сразу выходил в финал.

Естественно, что сохранивший силы, абсолютно свежий эфедр имел много шансов на успех. Впрочем, победа, достигнутая таким путем, не слишком высоко ценилась древними.

А вот если никто не решался выступить против знаменитого борца, то такая победа была весьма почетна. II тогда говорили: «Он победил не запылившись».

Борлись только стоя, и время схватки не ограничивалось. Применялись различные подножки, броски через бедро и т. п. Для достижения первого успеха надо было вынудить соперника коснуться земли спиной, бедром или

палом. Однако для полной победы следовало трижды прибить противника на землю.

Существовал миф, по которому изобретателем борьбы считался афинский герой Тезей. Но его самого приемы и правилам борьбы научила, по преданию, богиня Афина.

Тонкие знатоки агонистики, эллины восхищались борцами, которые брали верх не грубой силой, а виртуальной техникой. Именно благодаря прекрасному владению приемами борьбы прославился олимпийский победитель Аристодем из Элиды (хотя он не отличался могучим телосложением). Так же искусен был Кратин из Агр. В Олимпии поставили статуй не только ему, но и его тренеру.

Если же отсутствие техники борец пытался компенсировать грубостью и недозволенными приемами, то наградой ему служили палочные удары суровых номофилов. Ибо далеко не всякая победа на берегах Алфея считалась почетной.

Милон Кротонский — атлет и герой

В самом начале этой книги вы уже встретились с одним из главных героев мифологии эллинов — могучим Гераклом. И выяснили, что не все его подвиги недостижимы для человека, кое-что из того, что рассказывали древние греки о силе и отваге бесстрашного Геркулеса, по силам и обычным людям. Впрочем, конечно же, не совсем обычным. Для этого надо не только родиться потенциальным атлетом, но и посвятить всю жизнь непрерывным тренировкам и состязаниям. И не случайно в мифах воспеваются такие человеческие качества, как смелость, ловкость, честность и, разумеется, сказочная физическая сила. Так народ воздаст должное лучшим своим представителям: домысел, переплетаясь с реальными фактами, делает их еще прекрасней.

Итак, хотя мы не можем, конечно, утверждать, что Геракл действительно жил и совершал свои удивительные подвиги, но зато нам известно имя эллина, который для своим современникам немало поводов для восторгов и впоследствии стал героем многих легенд.

Знаменитый эллинский атлет и силач Милон из города Кротона был непобедим в борьбе. На протяжении двенадцати лет он шесть раз завоевывал венок победителя

на олимпийских играх (не считая многих побед на прочих общегреческих празднествах).

Впервые Милон победил в борьбе среди юниоров в 532 году до н. э., а шестой венок из ветвей оливы он получил в 516 г. до н. э., когда уже прославился не только в самой Греции, но и далеко за ее пределами. И эта слава не умирает вот уже более двадцати пяти столетий.

О победном шествии Милона Кротонского по античным стадионам мы узнаем из книг древнегреческих писателей, ученых и мифографов: Афенея, Страбона, Аполлодора, Лукиана и Павсания. Завидное спортивное долголетие Милона все авторы объясняют как его природной силой и здоровьем, так и прекрасной тренировкой и легендарным упорством атлета.

Рассказывают, что в детстве и юности Милон, как и многие его сверстники, был пастухом. Он любил по утрам, подняв над головой теленка, обносить его вокруг родного города. Шли годы. Теленок рос. Росли и силы будущего олимпионика. И в один прекрасный день он вызвал всеобщее восхищение, когда на плечах перенес через поле стадиона в Олимпии четырехлетнего быка.

Самое же удивительное то, что при всей своей кажущейся исключительности этот случай не был единственным в античной истории спорта. В книге Павсания мы читаем о том, как атлет Битон также поднял большого быка, которого эллины гнали в Немею.

С этой темой своеобразно перекликаются и некоторые шедевры древнегреческой скульптуры. Еще в VI веке до н. э. неизвестным мастером был изваян из камня «Мосхофор» («Несущий теленка») — интересный и значительный памятник ранней аттической скульптуры (Аттика — одна из областей Греции).

Кроме шести упомянутых побед в Олимпии, Милон по далеко не полным данным, десять раз побеждал на истмийских играх, девять раз — на немейских и шесть — на пифийских. По дружному свидетельству современников, ударом кулака он валил на землю быка. И нет ничего удивительного в том, что со временем реальные события обросли полуфантастическими подробностями.

Историк и географ Страбон (ученый, достойный доверия) писал, что в молодости Милон был учеником Пифагора. Он посещал знаменитого математика и философа в течение нескольких лет, принимая участие в общих беседах. Однажды во время занятий стала рушиться

на опорная колонна жилища Пифагора. Чтобы предотвратить катастрофу, Милон сам встал на место колонны и до тех пор поддерживал свод здания, пока все не оказалось в безопасности.

А во время войны родного Кротона с городом Сибарисом великий борец был избран полководцем. Подобно Гераклу, Милон сражался, держа в руках огромную палицу, и одет был в львиную шкуру.

Богатырь из Кротона был не только очень сильным, но и достаточно ловким. Приходя на осенний праздник урожая, посвященный богу виноделия Дионису, Милон ради забавы становился на диск, смазанный оливковым маслом, и предлагал окружающим столкнуть его с этого скользкого пьедестала. Но никто ни разу так и не смог «низвергнуть» знаменитого атлета. Даже тогда, когда Милон становился не на диск, а на зыбкий бурдюк с вином!

Так же точно ни один силач не мог отнять у Милона гранатовое яблоко, которое тот сжимал в руке (что, впрочем, легко делала Астилла — девушка, которую любил Милон...).

Из современников, как гласила легенда, сильнее Милона был лишь простой пастух Титорм. Ухватив за задние ноги двух огромных быков, он заставлял их стоять неподвижно. Правда, был случай, когда один бык все же вырвался. Но при этом он оставил в руках силача... свое копыто.

Милон, говорят, захотел познакомиться с Титормом (тем более что и олимпиец, как помните, сам в юности пас скот). В его присутствии пастух поднял и вынес из реки такой тяжелый камень, что прославленный кротонец едва смог сдвинуть его с места. Писатель Элиан передает, что, увидев такое, Милон будто бы воскликнул: «О Зевс! Ты послал нам нового Геракла!» — и впервые в жизни признал себя побежденным. Ибо факты (даже легендарные) — вещь упрямая.

Величественным лаконизмом отличается двестишестидесятилетнее, написанное Симонидом Кеосским для статуи великого борца:

«Милона славного эта прекрасная статуя, в Писе¹

Семь одержал он побед и поражений не знал»².

¹ Писа — селение в Элиде, которое поэтами часто отождествлялось с Олимпией (в порядке поэтической вольности).

² Перевод Ю. Шульца.

Тут, правда, вызывает недоумение упоминание о семи победах: ведь достоверно известно, что в Олимпии Милон победил только шесть раз...

Некоторые предполагают, что седьмой победой Симонид считал победу над общественным мнением, которое долгое время было не на стороне знаменитого атлета (возможно, из-за его заносчивости). И лишь в последний раз «болеельщики» Олимпии единодушно приветствовали Милона.

Рассказывают, что уже в сравнительно преклонном возрасте он как-то отправился в лес, намереваясь принести побольше дров для своей старенькой матери. Забив клинья в щель толстого ствола, Милон попытался руками разодрать его надвое. Но тут освобожденные клинья упали на землю, и дерево зажало пальцы силача. Милон оказался прикованным к тяжелому стволу.

Беспомощный, голодный и обессиленный, через несколько дней знаменитый атлет стал жертвой лесных хищников. Так нелепо, если верить легенде, погиб Милон Кротонский, имя которого шесть раз было занесено в списки победителей древней Олимпии.

Педагогика и поэзия стадионов

Даже в сравнительно большом очерке невозможно рассказать о всех видах и особенностях античной агонистики, о многочисленных состязаниях и играх, которые проводились эллинами в четырехлетних интервалах между олимпийскими празднествами. Это можно сделать лишь в специальной книге. Ведь кроме олимпийских игр, как уже говорилось, древние греки состязались на панафинейских, немейских, пифийских, истмийских и других священных праздниках. И о каждом из них можно писать отдельно. Однако сейчас речь пойдет о том, что объединяло эти древнейшие соревнования атлетов.

Представьте себе обычное современное судебное заседание. После краткого совещания судьи возвращаются в зал и оглашается приговор:

«Член добровольного спортивного общества «Спартак» футболист Селиванов (фамилия в данном случае роли не играет), незаконно выступивший за добровольное спортивное общество «Динамо», приговаривается к пожизненному изгнанию из родного города».

Фантастический приговор, не правда ли? Однако если в наши дни он воспринимается как анекдот, то два с половиной тысячелетия назад казался естественным.

Трудно перечислить все те почести, которых удостоивали греки олимпийцев (так назывались олимпийские победители). Но тем суровее карали они малодушных и бесчестных атлетов.

В Олимпии, возле холма Крона, в свое время возвышалось несколько десятков почти одинаковых статуй Зевса. Эти изображения отливались на штрафные деньги, которые беспрекословно платили спортсмены, совершившие различные неэтичные поступки.

Первые шесть статуй Зевса (так называемые «заны») были установлены после 98-й Олимпиады, в 384 году до н. э. Дело в том, что кулачный боец Эвпол дал взятку своему сопернику Агетору. Затем — Пританису и, наконец, Формиону — победителю на предыдущих олимпийских играх. Наказаны были все четверо. И не только солидным денежным штрафом, но и всеобщим презрением.

Недаром одна из надписей на «занах» гласила: «Победа в Олимпии добывается не деньгами, а быстротой ног и крепостью тела».

Презирали греки и тех атлетов, которые пытались использовать свое спортивное искусство с целью обогащения. Например, в 218-ю Олимпиаду был оштрафован Аполлоний — кулачный боец. Он не только пытался подкупить противников, но и опоздал на игры. Оправдывался Аполлоний тем, что, дескать, западный ветер помешал его кораблю своевременно прибыть из Египта в Грецию. Но вскоре выяснилось: атлет опоздал потому, что выступал за деньги в Ионии (область Эллады), и ветер ему не мешал. А поскольку Аполлоний и еще некоторые бойцы на состязания опоздали, то победа без боя (но в их присутствии!) была присуждена атлету Гераклиду.

Благодаря Павсанию мы также узнали, как в 192-ю Олимпиаду элейца Дамоника толкнули на бесчестный поступок... отцовские чувства. Вот как было дело.

За венок победителя предстояло состязаться Поликтору (сыну Дамоника) и Сосандру из Смирны. Дамонику, естественно, очень хотелось, чтобы победил его отпрыск, и он тайно дал отцу Сосандра крупную взятку. Но коммерческий сговор получил огласку. И олимпийские судьи наказали не сыновей, а отцов — инициаторов и авторов нечестного поступка.

Презирали эллины и трусов. Так, в 201-ю Олимпиаду был оштрафован Сарацион — участник состязаний в панкратиис. Он настолько испугался своих соперников, что пытался улизнуть из Олимпии еще до начала праздника.

Но строже всего наказывали греки тех атлетов, которые на стадионах изменяли родному городу и соотечественникам.

Когда бегун Астил из города Кротона, победив, объявил себя сиракузянином (разумеется, не бескорыстно), кротонцы немедленно постановили: его дом превратить в тюрьму и свалить статую Астила, которую поставили ему за прошлые победы.

Еще суровее покарали соотечественники критянина Сотада. Победив на 99-х Олимпийских играх в длинном беге, он, подкупленный эфесской общиной, объявил себя гражданином Эфеса. Возмущенные критяне приговорили изменника к вечному изгнанию, что для грека в те времена было равносильно смерти.

Лишь через много лет, уже будучи седым стариком, бывший олимпиец вымолил, наконец, прощение у сограждан и вернулся на родину.

Подобных случаев было немало. И хотя эллины буквально обожествляли лучших атлетов, малодушия и нечестности они не прощали даже им.

Разумеется, этические и эстетические взгляды древних греков во многом отличались от наших. Но основные моральные принципы во многом совпадают. Эллины действительно ценили физические совершенства: силу, выносливость, ловкость и, наконец, телесную красоту. Но не изолированно и абстрактно, а лишь в социальном комплексе, или, говоря по-современному, в сочетании с высокими моральными качествами.

Поэт Тиртей, живший в VII веке до н. э., возвеличивал в своих стихах Спарту. Он считал основой гражданской преданности патриотизм и воинскую доблесть, что опираются на физическую мощь:

Я не считаю ни памяти доброй, ни славы достойным
Мужа за ног быстроту или за силу в борьбе...
Если не будет отважно стоять в виду сечи кровавой
Или стремиться вперед в бой рукопашный с врагом¹.

¹ Перевод В. Латышева.

А почти столетие спустя поэт Ксенофан в одной из своих элегий жаловался на чрезмерное возвеличивание атлетов, тогда как ученые, поэты и общественные деятели, которые пекутся ежедневно о благе отчизны, остаются позади, за пределами общественных симпатий. И часто — отмечает с грустью Ксенофан — быстрота ног и крепость рук приносят человеку больше почестей, чем разум и талант. И это весьма прискорбно, ибо

...несправедливо,

Если искусству ума силу народ предпочтет.
Пусть и могучих кулачных бойцов не имеет наш город,
Нет ни борцов-крепких, ни пятиборцев лихих,
Ни бегуна быстрого (как средоточия мощи,
Что в состязаньи мужи ценят превыше всего), —
Но все равно в благоденствии город цветущий пребудет.
Радости ж мало для всех, если в упорной борьбе
Стать победителем в играх удастся кому-то:
Город ведь наш оттого станет едва ли сильнее¹.

Ксенофан воспевал гармоническое телесное развитие в соединении с мудростью, наукой и искусством. Причем поэт отдает предпочтение интеллектуальному перед физическим. И эта поэтическая критика — отзвук длительного спора между сторонниками физической и умственной культур. Но в конечном счете лишь разумное сочетание высоких телесных и интеллектуальных качеств считалось признаком настоящего гражданина и атлета.

Эта идея нашла свое воплощение в произведениях лучших поэтов и писателей Древней Греции.

Мирные игры

Будет вполне естественным, если у читателя возникнет вопрос: почему же именно в Древней Греции так расцвела физическая культура?

Ответ надо искать в совокупности фактов и общественно-исторических явлений эллинской жизни.

Первым стимулом, как уже говорилось, была необходимость создать сильное войско при сравнительно немногочисленном населении. Чувство патриотизма, развитое у греков необычайно сильно, приказывало им всегда быть готовыми к обороне отечества. Но неправильно было бы эту причину рассматривать как единственно

¹ Перевод автора.

главную. Ибо что касается необходимости отражать на падения и воевать самим, то с ней сталкивались не только эллины, а и любой народ с доисторических времен до наших дней.

Более того, многочисленные историко-литературные источники говорят нам: физическая культура всегда являлась у греков символом и принадлежностью спокойного процветания, о чем лучше всего свидетельствует мирный характер олимпийских игр.

Порою греки в самый критический момент забывали о войне ради состязаний. Как известно, после Фермопильской битвы к персам пробралась группа перебежчиков. Когда царь и полководец Ксеркс через переводчиков стал спрашивать, чем занимаются сейчас греки, прибывшие рассказали: эллины проводят очередные олимпийские игры, любясь гимнастическими и конными состязаниями. На вопрос о том, что служит наградой победителю, перебежчики отвечали: олимпионик получает, как всегда, оливковый венок. Тогда один из приближенных царя воскликнул: «Горе вам! Против какого народа мы воюем! Они состязаются не ради денег, из-за доблести!» И вполне закономерно, что опасения перса вскоре же подтвердились.

Так повествует Геродот. Однако было бы опрометчиво полагаться лишь на его рассказ. Известно, что «отец истории» нередко приносил истину в жертву красоте изложения и даже выигрышности домысла. Поэтому обратимся к более беспристрастному источнику — речи знаменитого древнегреческого оратора Демосфена. В том, что он говорит в «Первой речи против Филиппа».

Упрекая своих сограждан в излишней беспечности, когда дело касается военных приготовлений, оратор восклицает:

«Все касающееся праздников установлено законом, каждый из нас вперед еще знает, кто назначен хорегом, кто гимнасиархом от данной филы... ничего в этих делах не забыто, не оставлено невыясненным и непредусмотренным; наоборот, в том, что касается войны и военных приготовлений, — не установлено, не налажено, не предусмотрено ничего».

Кажется, трудно выразиться ясней. И хотя в данном случае Демосфен отнюдь не одобряет существующее положение вещей, из его слов ясно, как афиняне относились к войне и как к священным празднествам и играм.

Не будет ошибкой отнести слова оратора ко всей Древней Греции (исключая разве что Спарту).

Теперь представьте себе, как легко было бы врагам поработить беспечных эллинов, если б те не придавали физическому воспитанию и закалке такое большое значение. Но древние греки были отличными воинами, и захватчикам редко удавалось их победить.

Символичны и некоторые указания мифологии эллинов. Так, на легендарных играх, устроенных некогда Гераклом, Аполлон побеждает в кулачном бою Ареса (Арея) — самого бога войны! Римляне называли его Марсом.

Многочисленные гимнасии украшались статуями Гермеса, бога врачевания Асклепия, Тезея, Геракла и прочих богов и героев. Но статуи Арея там не было никуда!

Красивое, гармонично развитое тело являлось признаком свободного гражданина, выгодно отличая его от раба. Что же касается бедных слоев свободного населения, то они не могли уйти от повседневных житейских забот для систематических тренировок и состязаний. Поэтому в списках олимпийцев мы встречаем преимущественно имена архонтов, полководцев, государственных деятелей и просто богатых людей.

Что же касается рабов, то их допускали к участию в состязаниях лишь на празднике Зевса в местечке Агирини и в италийском городе Арции (где соревновались только невольники, бежавшие от своих господ).

Да, рабы не только убегали от своих хозяев, но и часто восставали против них. И многие исследователи справедливо рассматривают как одну из причин популярности агонистики в среде аристократов необходимость постоянной борьбы с восстающими рабами.

Однако считать эту причину главной и тем более единственной тоже было бы неверно.

Ибо вряд ли можно серьезно утверждать, что лишь долгие рабства заставляли греков отдавать своих детей в гимнасии и палестры, состязаться, обожествлять атлетов. Ведь, например, священные игры, сопровождавшиеся выступлениями бегунов, борцов, метателей, всадников и кулачных бойцов, проводились в Греции еще задолго до возникновения рабовладельческого строя.

Всякий равноправный гражданин должен был заниматься спортом, если он рассчитывал играть какую-либо

3) роль в своем государстве. Эти занятия делали эллины выше (по крайней мере в собственных глазах) чужеземцев, т. е. «варваров», которые по своей некультурности не были знакомы с физическими упражнениями.

4) Нельзя забывать и об эстетических требованиях. Греки стремились создать красивые формы и в искусстве и в жизни. Изображая прекрасных людей, греческие скульпторы приучали эллинов ценить красоту человеческого тела.

5) Кроме того, и религия учила, что нет лучшего способа угодить богам, как при помощи торжественных празднеств. Платон называл небожителей «друзьями игр».

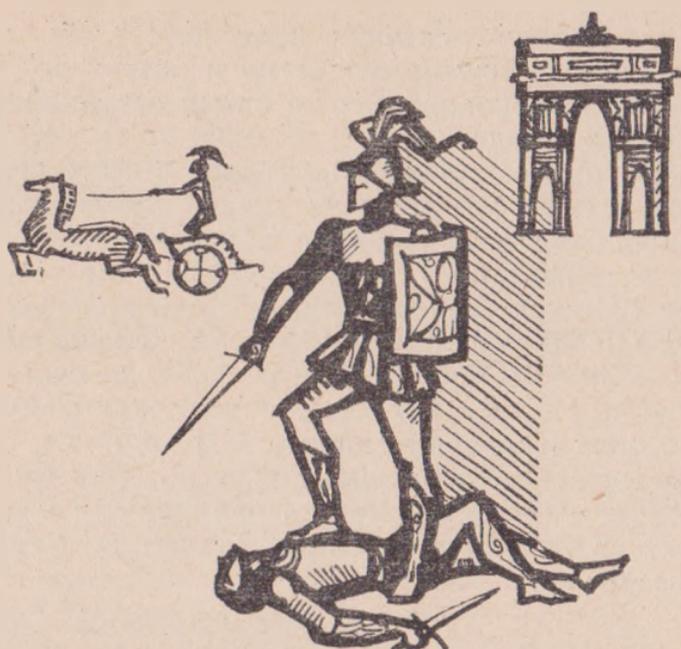
Важно и то, что на стадионе обычно присутствовали зрители из разных полисов. И было тем более почетно выиграть приз «на глазах всей Эллады».

Наконец, вспомним известную фразу Карла Маркса. Сравнивая народы на ранней ступени их развития с различными типами детей, он писал: «Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его безыскусственной правде? И почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью как никогда не повторяющаяся ступень? Бывают невоспитанные дети и старчески умные дети. Многие из древних народов принадлежат к этой категории. Нормальными детьми были греки» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 203—204).

А какой же нормальный ребенок упустит случай побегать, попробовать свои силы в борьбе, посостязаться с товарищами! Нельзя не учитывать национальные особенности того или иного народа: часто именно они играют решающую роль.

Вот те основные причины, которые только в своей совокупности могут объяснить, почему именно в Эллад так пышно расцвела спортивная агонистика и почему именно эта страна стала родиной олимпийских игр. Игры, которые вот уже почти три тысячи лет радостно празднует человечество.

Глава II **ВОКРУГ БОЛЬШОГО ЦИРКА**

По современным понятиям совсем невелик был Лаций — италийская область, ставшая родиной латинян и столицей которой впоследствии сделался Рим. Но к началу нашей эры в состав могущественной Римской империи уже вошли десятки стран Европы, Азии и даже Северной Африки. И, как в большинстве этих держав, на протяжении многих веков в Древнем Риме процветали всевозможные игры и состязания. Однако характер их был совсем иной, нежели в Греции классического периода, а задачи далеко не так благородны.

Впрочем, подобно грекам, римляне считали, что играми можно умиловить богов не хуже, чем обильными жертвоприношениями. В дни игр, посвященных, например, Великой Матери, в Рим съезжались и сходились гости почти со всего Апеннинского полуострова: состязания и представления происходили в цирке, на берегах Тибра и в театре.

Еще пышнее отмечались Сатурналии — праздники в честь доброго царя Сатурна, правившего некогда в Ла-

ции. Конные ристания и всевозможные игры проводились столь шумно, радостно и энергично, что любители тишины и спокойствия на время сатурналий заранее покидали города.

Игры справлялись не только в честь небесных и подземных богов: римляне всегда умели находить массу поводов для праздников и увеселений. Так, в 80 году н. э. император Тит отметил открытие нового амфитеатра 100-дневными играми, а Траян праздновал свою вторую победу над даками в течение 123 дней.

Или еще пример. Предотвращено очередное покушение на Нерона. По этому поводу, как сообщает римский историк Корнелий Тацит (I—II вв. н. э.), знать приняла восторженное решение: дни, в которые был раскрыт заговор, ежегодно отмечать публичными играми и приносить в жертву богам-избавителям не менее 120 отборных быков...

Термы и легионы

Мужам-римлянам к лицу военные подвиги во славу отечества. А заниматься на виду у всех кулачным боем или скачками — удел плебеев и рабов. Такова была не только частная, но и официальная точка зрения уже во II веке до н. э. Поэтому то, что для всякого эллина считалось почетным, римлянину казалось постыдным. Но каков же все-таки был круг и характер древнеримских игр и что мы знаем о них конкретно?

Ни общественных гимнасиев, ни палестр в широком смысле этих слов латиняне почти не знали. И уж во всяком случае государство не считало нужным заботиться о всестороннем физическом и гармоническом развитии своих граждан так, как это было в Элладе.

Но роль «гимнасиев для многих» у римлян в какой-то мере играли термы. Так назывались громадные и роскошные постройки с банями, служившие не только гигиеническим целям. Однако если в гимнасиях бани выполняли подсобные, второстепенные функции, то в термах им отводилось ведущее место. Ибо, как писал в книге «Быт греков и римлян» знаток античности Ф. Велишский, «римляне, укрепляя и упражняя с древнейших времен свои физические силы на войне, никогда не занимались гимнастикой систематически, так, как греки».

Тем не менее обязательной принадлежностью терм

кроме банных залов с бассейнами и фонтанами были комнаты для игр и упражнений, крытые коридоры для беготы и прыжков, залы для философских бесед и даже библиотеки и картинные галереи. Тут же посетители любовались состязаниями профессиональных атлетов или даже сами принимали участие в не слишком утомительных играх. Все это носило непринужденно домашний характер.

Играми занималась преимущественно молодежь. И лишь в особых случаях ей составляли компанию люди преклонного возраста. Из наиболее любимых римлянами упражнений первое место в термах принадлежало фехтованию с деревянным мечом и тяжелым плетеным щитом, упражнениям с металлическими гирями, играм с мячом. Последними увлекались даже самые почтенные мужи: прекрасными игроками были император Август, суровый понтифик Муций Сцевола, знаменитый полководец Гней Помпей Великий...

Играли «в подачу»: ведущий бросал мяч вверх, а другие старались его поймать. Главная задача — ловить мяч почаще и не давать ему упасть.

Или же, став треугольником, трое игроков перебрасывали мяч друг другу в одно касание (так называемая «тригонария»).

Играющие «в подбивку» имели право бить мяч только локтем или кулаком, но не раскрытой ладонью!

При игре «в подхват» бросалось вверх сразу несколько мячей и выигрывал тот, кто успевал подхватить наибольшее их число. Впрочем, считалось, что все эти игры имеют лишь «диетическое значение».

Но чем бы ни занимались посетители терм: играли ли сами или наблюдали состязания профессионалов, — все это называлось у римлян «греческие игры». Так воздавали должное учителям-эллинам.

...После рождения сына отец брал его на руки, осмигривал и официально признавал своим. Но в Риме (как, если помните, и в Спарте, и в Афинах) закон давал ему право отказаться от ребенка-урода и умертвить его.

В семьях среднего достатка сыновья под присмотром отца учились верховой езде, плаванию и владению оружием. В семье постигали они начатки грамоты и арифметики. Для девочек же все это считалось необязательным и даже вредным.

Молодые римляне (как и юноши любого другого народа) любили и бег взапуски, и прыжки, и дискометание, и борьбу, и кулачный бой, и копьеметание, и верховую езду. Все эти упражнения имели в латинском языке специальные названия (свидетельство их официального признания). Но они были лишены одного: эллинской публичности и восхищенно уважительного отношения к ним. Все это существовало лишь между прочим. Шлифовать свое спортивное мастерство тут считалось излишним и даже предосудительным. Поэтому строгости системы и последовательности физических упражнений римляне также не знали.

Но в императорский период на виллах римских богачей появляются не только термы, но также палестры и гимнасии. Цицерон рассказывает, что консул или сенатор порой часами упражнялся в полном одиночестве (присутствующие рабы, разумеется, были не в счет).

Объясняется это тем, что римские аристократы, люди суровые и деловые, не видели прока в широте и пышности публичности эллинских спортивных фестивалей. Но постепенно начинали признавать неоспоримую пользу и дивидуальной «домашней» гимнастики.

* * *

Античность, пожалуй, не знала более могучего и боевого способного войска, чем римские легионы. В любое время года и суток они готовы были к маршу, нападению и обороне.

Дальновидная и хитрая политика древних правителей (известный принцип «Разделяй и властвуй!») в соединении с блестящей военной организацией — вот что позволило потомкам скромных латинян необозримо раздвинуть границы могущественной Римской империи.

Хотя большей частью легионеры сражались в пешем строю, седло и стремяна тоже были им хорошо знакомы. Однажды Гай Юлий Цезарь в нужный момент без колебаний посадил на коней весь 10-й легион и выиграл битву: пехотинцы были и превосходными всадниками (ведь недаром же так называлось одно из древнеримских словес!).

Солдат-римлянин должен был умело орудовать не только мечом, копьем и щитом, но и лопатой, пилой и топором. Предусмотрительные римляне в походе пере-

каждой почевкой строили солидное укрепление: окружали лагерь валом, палисадом и обводным рвом.

По словам одного исследователя, римское войско «словно носило с собой повсюду обведенный стенами город». И нетрудно представить, сколь регулярные и обильные упражнения способствовали рождению военной и строительной шноровки легионеров.

Военачальник тех далеких времен находился впереди своей армии в бою и на марше. Поэтому многие античные полководцы отличались незаурядной силой, выносливостью и общей тренированностью. Известно, что Гай Юлий Цезарь был великолепным всадником и копьеметателем. А как пловец он вообще не знал себе равных: с руками, связанными за спиной, великий полководец свободно и бесстрашно переплывал самые бурные реки. А уже упомянутый ранее Гней Помпей, как пишет историк Саллюстий, «в прыжках, беге и силе мужской мог поравняться хоть с кем».

И было бы ошибкой думать, что суровые римляне вообще презирали зрелища, пренебрегая состязаниями и развлечениями.

Как и всякий народ, они любили все необычное, уважали недюжинную силу и ловкость, хвалили быстрых и выносливых. Римлян в свое время восхищал силач Атланат, который прогуливался по арене в панцире весом 200 килограммов и в металлических башмаках, что весили центнер. Атлет Фульвий Сильвий мог подняться по лестнице, неся на плечах 320-килограммовый груз. А в начале III века н. э. необычайной популярностью пользовался в Риме атлет Аврелий Гелик — непобедимый борец и кулачный боец. Его сравнивали с лучшими олимпийскими Эллады.

Но всегда и во всем ли такие сравнения были справедливы? Советские ученые, ленинградцы В. Брабич и Г. Плетнева в книге «Зрелища древнего мира» пишут так о римских атлетах: «При взгляде на них, увы, вспоминаются слова философа Сенеки, что атлеты — недалекие люди, тела которых упитанны, а ум груб. В Риме, должно быть, забыли о красоте и грации юношей — принципе олимпийских игр».

Такие выводы можно сделать не только читая сочинения древних авторов, но и рассматривая мозаики и античные фрески, изображающие состязания римлян.

На опасных поворотах

Латинское слово «цирк» означает просто круг. Но это вовсе не означает, что все древнеримские цирки точно соответствовали геометрической окружности. Нет, чаще всего они напоминали греческие ипподромы и служили тем же целям: конным ристаниям.

Лишь со временем цирковые развлечения становятся разнообразнее и цирки в какой-то мере принимают вид, соответствующий этому названию в нашем сегодняшнем представлении. Но тогда они уже чаще называются не «цирки», а «амфитеатры»...

Согласно легенде, первый цирк был построен в Риме этрусским царем Тарквинием Гордым. Почему этрусским?

Отважные мореходы, великолепные мастера-ремесленники и прекрасные воины, этруски долгое время, вплоть до VI века до н. э., были хозяевами в Лации. И закономерно, что наряду с греческим влиянием римляне испытывали и мощное культурное воздействие этрусов. Оно заметно сказывалось в принципах ведения государственных дел, в искусстве, а также в сфере торжественных церемониалов и праздничных традиций.

Итак, если верить легенде, примерно в 520 году до н. э. по указанию Тарквиния (который был и этрусским, и римским царем одновременно) сооружается так называемый Большой Цирк (Circus Maximus). Из семи холмов, на которых стоит Рим, наиболее известны Паладин и Авентин. В узкой долине между этими холмами и были воздвигнуты сначала деревянные, а затем (при императорах Домициане и Траяне) каменные трибуны-сиденья.

А в трех километрах от Рима, у древней Аппиевой дороги, находился Максентиев цирк — не столь большой, но тоже весьма посещаемый.

В 221 году до н. э. близ третьего холма — Капитолия — был сооружен цирк Фламиниев (почти на берегу Тибра) — для проведения игр в честь подземных богов. А уже при императоре Калигуле — неистовом любителе скачек и лошадей — построили еще и Неронов цирк. Были цирки, разумеется, и в других городах древнеримской державы. Но вернемся к самому первому и самому славному из них — Большому Цирку.

В уютной долине меж Палатином и Авентином с незапамятных времен проводились бега и скачки. Чаще всего их устраивали осенью, в дни священного праздника урожая. Почтенные отцы семейств и безбородые юнцы умело правили конными четвернями или парными упряжками, с одинаковым азартом стремясь победить на столь славных состязаниях.

Окрестные склоны — самой природой созданные места для зрителей — никогда не пустовали в эти дни: на травянистых откосах этого естественного амфитеатра удобно и непринужденно располагались тысячи античных болельщиков. И в глубокой древности, когда эти состязания являлись составной частью священного праздника, самые знатные и богатые римляне почитали за великую честь не то что победить, а хотя бы просто выступить на бегах в знаменитой лошине.

Но уже со II века до н. э. ристания эти становятся преимущественно уделом возниц-профессионалов, теряют постепенно свое ритуальное значение и превращаются в обычное зрелище — развлечение для праздной толпы разгоряченных и возбужденных зрителей.

К началу нашей эры Большой Цирк мог принять уже 260 тысяч человек. Но в дни особо интересных состязаний тут собиралось до 300 тысяч зрителей.

Император Траян, перестроивший и расширивший этот цирк, говорил, что «теперь тут поместится весь Рим!» И он был не слишком далек от истины: ведь, например, при Гае Юлии Цезаре во всей необъятной Римской империи по официальной переписи насчитывалось всего 5 984 072 гражданина. Конечно, следует всегда помнить, что далеко не каждый, живущий на этой территории, удостоивался римского гражданства. Но все равно — эта цифра сегодня впечатляет своей скромностью.

* * *

Толпы болельщиков собирались в цирк еще на расвете. Многие приносили с собой съестные припасы, чтобы спокойно высидеть весь «беговой день». Но еду можно было купить и здесь: нпподром был окружен десятками всевозможных лавчонок, пекарен и мастерских. Между сидящими и стоящими зрителями сновали продавцы-разносчики, предлагавшие все, начиная от пресных лепешек и кончая драгоценностями.

Тут же совершались жертвоприношения, а статуи богов водружались на «спине» — продолговатом возвышении, делившем поле по центру на две части. Впрочем, ниже будет сказано о «спине» подробнее...

Затем император шествовал в свою ложу вместе с приближенными. Позднее эта ложа даже соединялась специальным ходом с императорским дворцом. Занимали свои места и остальные патриции. И вот в настороженной тишине магистрат-устроитель бросает на поле белый платок — сигнал открытия состязаний.

В тот же миг опускаются ограничительные канаты перед 14-ю узкими стойлами (они по-латыни назывались «карцеры»), и на поле выносятся 14 колесниц. Бега начались!

Впрочем, чаще на арену выезжали не сразу 14, а 8 или 6, или даже всего 4 двуколки. Но борьба от этого не становилась менее напряженной. Обычно и лошади, и возницы хорошо знали свое дело: скорость неуклонно нарастала, то одна, то другая колесница вырывалась вперед, и острые ситуации возникали все чаще. Зрители вскрикивали, привставали с мест и вели себя так, как, вероятно, ведут себя во все века завсегдатаи цирков, ипподромов и стадионов.

Беговое поле Большого Цирка было вытянуто почти на 700 метров. С трех сторон его окружали трехъярусные трибуны для зрителей. Знать занимала специальные крытые ложи (они находились прямо над карцерами), а простой люд неистовствовал и переживал на скамьях под открытым небом.

Посередине ристалища вытянулась уже упомянутая «спина». Низенькая кирпичная стенка, она украшалась маленькими алтарями, искусно выполненными статуями богов, императоров и, наконец, самых знаменитых возниц и наездников. В ширину «спина» имела до шести метров и, подобно хребту, делила беговое поле на две части.

Именно вокруг нее и мчались круг за кругом состязющиеся. Как и на древнегреческом ипподроме, в каждом конце «спины» стояла мета — конечная веха, которую надо было обогнуть как можно искусней. Римская мета состояла обычно из трех конических столбиков.

Количество пройденных кругов обозначалось довольно своеобразно. У каждой меты стояла специальная подставка с углублениями. «На плоской крыше одной четы-

режколонной постройки покоились семь позолоченных фигур дельфинов, а на крыше другой — столько же позолоченных яиц. Всякий раз, когда вырвавшаяся вперед колесница завершала очередной круг (а их обычно полагалось семь), с подставок снимали по одному дельфину и яйцу. Эти цирковые «счетные единицы» были связаны с божествами — покровителями конных состязаний: Нептуном (так назывался у римлян заимствованный греческий Посейдон) и братьями Диоскурами. Первому посвящались конные соревнования вообще (вспомним, что по понятиям греков бог морей владел лучшими лошадьми, стремительно носившими его по водной глади); кроме того, прямое отношение к Нептуну имели дельфины, которых считали спутниками этого божества — вдохновителя истмийских игр в греческом Коринфе. Что же касается Диоскуров, то, согласно легенде, оба они родились из лебединого яйца и оба же прославили свои имена в конном спорте» — так увлекательно раскрывают символику одного из первых счетных устройств В. Брабич и Г. Плетнева в упомянутой уже книге.

Кроме скорости, огромную роль на бегах играло и умение маневрировать. Каждый возница старался обойти мету как можно ближе, впритирку, так сказать, чтобы выиграть в расстоянии. Именно тут, у поворотных столбиков, разыгрывались беговые трагедии: нередко ось или даже все колесо цеплялось за мету, колесница опрокидывалась, а то и рассыпалась на части и сброшенный наземь возница получал тяжелые увечья.

Победители выезжали с ипподрома через Триумфальные ворота. Но существовали, к сожалению, и Ворота смерти и печали: через них в скорбном молчании выносили изувеченных и погибших возниц...

Малейший толчок (камень, неровность почвы, просто испуг лошади) мог сбросить возницу с легонькой, открытой сзади двуколки. Поэтому низкий шлем защищал его лицо и лоб, а туника была плотно обвязана вокруг тела, чтобы не развевалась и не мешала править лошадьми. Кроме того, густая ременная обвязка (бандаж в полном смысле слова) предохраняла руки, икры и голени от внезапных ударов и обжигающего трения вожжей.

Порой для устойчивости ристатель обматывал вожжи вокруг талии. Но это было очень опасно: сброшен-

ный наземь неудачник оказывался намертво связанным с мчащимися лошадьми. И разгоряченные кони тащили его за собой по каменистому полю цирка-ипподрома. Поэтому участники ристаний, как правило, затыкали за перевязь острый нож, чтобы в критический момент быстрым движением перерезать натянутые вожжи и таким образом спасти свою жизнь.

Малоопытные или просто слабые возницы правили двуколками, запряженными лишь парой лошадей (биги), кто посильней — тройками и четверками (триги и квадриги), были и колесницы, которые увлекали вперед сразу шесть коней (сеюги). По условиям состязания полагалось объехать вокруг «спицы» семь раз, что составляло примерно 9 километров. Участники преодолевали эту дистанцию в среднем за 20—22 минуты (опасные повороты сдерживали скорость).

В древнейшие времена совершалось в день лишь 10 заездов по 4 колесницы в каждом. Причем 6-й заезд был более длительным, ибо являл собой не столько напряженное состязание, сколько театрализованное представление на мифологической основе. Это была своеобразная передышка для зрителей, устававших от беспрерывного напряженного внимания.

Но уже со времен Нерона бега длились целый день: соревновались 24, 36 и даже 48 миссов (так назывались заезды). А Домициан дал однажды целых 100 миссов за один день (правда, при этом длина мисса была сокращена до 5 кругов).

С гораздо меньшим интересом наблюдала публика скачки на неоседланных конях и вольтижировку. Хотя, по словам летописцев, среди римских наездников были и такие мастера, которые демонстрировали свое акробатическое искусство одновременно на двух и даже на четырех лошадях.

Но у древнеримских ристаний была черта, существенно отличающая их от конных агонов Древней Греции: их, так сказать, организационная сторона.

Если элдины всегда выставляли на состязания своих собственных лошадей и свои колесницы (хотя управлять мог не сам хозяин, а наемный возница), то у римлян это было не обязательным условием. Тем более что магистраты, устраивающие на потеху публике состязания, не имели, как правило, ни хороших беговых лошадей, ни опытных жокеев. Все это за определенную плату мож-

но было получить в специальных беговых обществах, которые принадлежали знатнейшим представителям сословия всадников. Такое общество называлось «факцио» (фракция). Это были могущественные (не только в финансовом, но и в политическом отношении) организации, содержавшие уйму людей всевозможных специальностей. Тут находили применение своим талантам не только наездники, объездчики молодых лошадей и конюхи, но и ветеринары, шорники, мастера по изготовлению колесниц, портные, саножники, ювелиры и представители еще многих ремесел. В мастерских шилась специальная одежда и обувь, сбруя оснащалась серебряными и даже золотыми украшениями, а бортики колесниц расписывались замысловатым орнаментом.

А сколько овса и сена нужно было заготовить для сотен лошадей! Этим занимались «кондиторы» (от латинского глагола «кондэрэ» — хранить, собирать, прятать). На одном из старинных надгробий археологи обнаружили изображение такого кондитора: стоя меж двумя лошадьми, он кормит их пучками травы.

Сотни людей работали на каждую из факций и поэтому полностью зависели от нее: члены беговых обществ, которые вкладывали сюда свой капитал, были дельцами большой руки и вели свои дела с размахом. С ними считались и преторы, и консулы, и даже императоры.

Прекрасный знаток античного быта М. Е. Сергеенко в книге «Простые люди Древней Италии» пишет так: «Цирковая факция представляла собой своеобразный магнит, к которому со всех сторон стягивались люди».

Азарт беговых состязаний и смертельный риск, с которым они были сопряжены, делал возниц героями в глазах зрителей. Ведь лишь человек огромного самообладания и великолепной выучки, идеально подготовленный и физически и тактически, мог выиграть, стать «первым среди равных» в момент, когда на огромной скорости сшибались колесницы, разлетались в стороны осколки колес, а взбешенные кони влекли по полю тело твоего менее удачливого сотоварища.

Поэтому знаменитых возниц почитали чуть ли не наравне с победоносными полководцами, а их статуи стояли по всему Риму рядом с изображениями богов. Кроме пальмовой ветви (отсюда, кстати, пошло выражение

противников и их коней. Каждая такая надпись дышит яростной, слепой ненавистью, дикой жадной гибели соперника:

«Свяжите, запутайте, помешайте, порвите, опрокиньте, погубите, убейте, изломайте возницу Еврихия и его лошадей завтра в Римском цирке! Чтоб он не смог благополучно выехать из карцера, чтоб не состязался достойно, чтоб не обогнал, чтоб не обогнул счастливо мету, не победил и не получил бы награду!»

Такие находки отнюдь не уникальны; аналогичные таблички были найдены при раскопках в Карфагене, на территории нынешней Болгарии и в других местах. А схожая форма заклинаний свидетельствует о том, что на сей случай даже существовали сложившиеся и чуть ли не узаконенные «стандарты».

подавляющее большинство древнеримских колесничих были рабами. Лишь изредка этим опасным ремеслом занимались свободные люди (преимущественно из низов). Правда, бывали и исключения. Рискуя своей репутацией знатного гражданина, Домиций Агенобарб — отец Нерона умело правил колесницей на виду у изумленного Рима.

Сам Нерон бредил скачками и бегами с детства. Став же императором, он не только пытался выступать в цирке как колесничий, но даже решил принять участие в олимпийских играх (правда, без достаточных оснований для этого). И хотя кони на всем скаку сбросили в пыль самонадеянного жокея, раболепствующие приближенные подняли взбешенного и жалкого императора, отряхнули с него ипподромную пыль, увенчали его масляным венком и... объявили победителем.

Правда, к чести правителей и знати Рима надо сказать, что среди них было немало гораздо более искусных возниц. И хотя с презрительным возмущением, но Ювенал описал все же консула, который на легкой цирковой двуколке лихо несется по дороге, самодовольно приветствуя встречных взмахом витого бича.

Но о сословных предрассудках будет подробнее сказано через несколько страниц.

В годы заката республики на базе факций — беговых обществ — возникают конкурирующие группировки и партии, охватывающие и строителей игр, и зрителей. К моменту возникновения империи (т. е. в конце I века до н. э.) этих партий было четыре. По цвету одежды воз-

ниц они назывались «белые», «красные», «зеленые» и «голубые». В уже упомянутом исследовании В. Брабич и Г. Плетнева пишут: «Поскольку зрители в цирке постоянно держали азартные пари, а сами победители были предметом восторга римлян, население города разделилось на четыре враждующих между собой лагеря. И пусть не покажется странным, что цирковые партии превратились с течением времени в партии политические, активно вмешивающиеся в государственные дела».

К середине I века н. э. во всех сферах первенствовали «зеленые», которым открыто покровительствовали императоры Калигула, Домициан и Нерон. По их указке (и даже при их непосредственном участии) другие общества не только существенно ущемлялись, но и даже подвергались продуманному и систематическому террору. Вполне естественно, что в такой обстановке цирковые страсти накалялись до предела и болельщики нередко теряли нормальный человеческий облик: все чувства их были подчинены «любимому цвету».

Плinius-младший писал по этому поводу: «Если бы в самый разгар состязаний участники их могли бы обменяться своей цветной одеждой, то зрители обменяли бы и предмет своей горячей приязни и сразу покинули бы тех возниц и тех лошадей, которых они узнают издали, чьи имена они выкрикивают. ...я чувствую некоторое удовольствие от того, что нечувствителен к их удовольствию».

Итак, суть, оказывается, не в людях, не в спортивной борьбе, а в спортивных цветах, защищаемых и представляемых возницами и их лошадьми. Причем взгляды Плиния-младшего разделялись многими учеными, писателями и философами античного Рима. Но особенно единодушно осуждался ими Нерон. Об этом взбалмошном и жестоком императоре уже шла речь. Его самовлюбленность и самонадеянность «питали многие странные и постыдные страсти» — так говорил наставник императора, философ и писатель Сенека, знавший своего ученика весьма хорошо.

Олимпийскому позору Нерона предшествовали многие события, связанные с цирковыми ристаниями. Историк Корнелий Тацит в этом смысле наиболее красноречив и откровенен. Вот что он писал о Нероне:

«Уже давно он был одержим страстным желанием усовершенствоваться в умении править квадригою на ри-

сталище и не менее постыдным влечением овладеть ремеслом кифареда (т. е. музыканта, играющего на кифаре.— Ю. Ш.). Он говорил, что конные состязания — забава царей и полководцев древности; их воспели поэты и они устраивались в честь богов. ...Убедившись в невозможности побороть эти его увлечения, Сенека и Бурр сочли нужным снизить к одному из них, дабы он не отдался им обоим В Ватиканской долине было огорожено для него ристалище, на котором он мог бы править конной упряжкой в присутствии небольшого числа избранных зрителей; но вскоре он сам стал созывать туда простой народ Рима, превозносивший его похвалами, ибо чернь, падкая до развлечений, радовалась, что принцепсу свойственны те же склонности, что и ей. Но, унизив свое достоинство публичными выступлениями, Нерон не ощутил, как ожидали, пресыщения ими... Он заставил выступать на арене и именитейших римских всадников, склонив их к этому своими щедротами; впрочем, плата, полученная от того, кто может приказывать, не что иное, как принуждение».

Историка, строгого блюстителя социальной правственности, больше всего возмущает тот недопустимый, с его точки зрения, факт, что правитель могущественной империи унижается до забав, достойных лишь черни: плетеев и рабов.

Как видим, взгляды римлян на агонистику существенно отличались от мировоззрения эллинов. Ибо державные мужи, полководцы и правители Древней Греции своими спортивными победами гордились не меньше, чем победами на поле боя, с удовольствием фиксируя их в надписях на каменных досках — стелах. А исключение, которое собой являл Нерон, лишь подтверждает основное правило древнеримской действительности.

Собратья Спартака

Даже не верится, что слова «гладиатор» и «гладиолус» находятся в очень близком филологическом родстве. Наименование прекрасного цветка и название сурового атлета, обреченного убивать себе подобных!

Роднит их латинское слово «гладиус» (меч). Помните: ведь листья гладиолуса имеют мечевидную форму. А «гладиатор» означает «владеющий мечом».

Эта часть нашего очерка об играх и состязаниях древних римлян, к сожалению, не имеет никакого отношения к спорту и подлинным физическим упражнениям. Тем не менее это — существенная страница истории римского цирка и зачеркнуть или вырвать ее невозможно.

Мы не в силах представить себе и понять, как тысячи зрителей могли получать удовольствие, наблюдая убийства, происходящие на цирковой арене. Убийства, возведенные в ранг развлечений! Но сначала — немного истории.

Вы помните, конечно, что во времена первобытного язычества богам и душам умерших приносились жертвы. Сначала во время этих жертвоприношений убивались пленные или провинившиеся перед племенем, затем их постепенно сменили жертвенные животные.

У этрусков существовал обычай: на свежей могиле какого-либо знатного человека заставляли насмерть сражаться пленных воинов противника или рабов. Считалось, что такие «погребальные игры» угодны и богам, и душе покойного. Поэтому гладиаторские бои у этрусков были обязательной частью тризны.

Римляне переняли у них этот жестокий обычай. В 262 году до н. э. впервые в римской истории сыновья Пэры Брута — Марк Брут и Децим Брут — заставили в память о своем отце на площади Коровьего рынка биться шестерых гладиаторов. Охочим до зрелищ римлянам это показалось столь необычным и увлекательным, что упоминание о «замечательных поединках» даже попало в летописи.

Печальное назначение «погребальных игр» сначала определялось весьма четко, ибо официальное их название было «мунус» (обязательство), т. е. долг живых перед мертвыми, которым следует воздать обещанные траурные почести.

Однако уже в период империи гладиаторскими боями торжественно отмечались не только печальные, но и радостные события: военные победы, завершение постройки храма, священные праздники и даже дни рождения императоров. Так, в «Истории» Корнелия Тацита читаем: «День рождения Вителлия, прежде никогда не отмечавшийся, ...отпраздновали с редким великолепием, устроив гладиаторские бои в каждом квартале Рима».

Если учесть, что Рим I века н. э. делился на 300 квар-

талов, то можно представить, сколько гладиаторов рисковали жизнью или расстались с ней в день рождения императора Вителлия.

Итак, «погребальные игры» постепенно превращаются в зрелище — не совсем обычное, но и отнюдь не редкое. А главное, это, с позволения сказать, развлекение казалось римлянам столь захватывающим, что театр, например, никак не мог с ним конкурировать. Римский сатирик Теренций (живший во II веке до н. э.) в прологе к одной из своих комедий с горькой проницательностью повествует, как на ее премьеры вдруг разнесся слух, что «в цирке выступают гладиаторы», и... театр мгновенно опустел: все спешили, дабы не опоздать к началу варварского зрелища.

Кто же такие гладиаторы? Кто и как попадал в их число? Наконец, какие кривые тропинки приводили сильных и порой неглупых людей на арену цирка?

Как уже говорилось, подавляющее большинство гладиаторов составляли пленные, у которых просто не было выбора, так как с их желаниями никто не считался. Впрочем, известно немало случаев, когда пленные воины, не желая своими страданиями развлекать бессердечных завсегдатаев цирка, предпочитали такому позору самоубийство.

Так, в свое время даже суровых консулов потрясла история сорока саксов. Попав в плен к римлянам, они по общему уговору ночью передушили друг друга, чтобы только не попасть в гладиаторы и не служить забавой для жестоких посетителей амфитеатра. И случай этот был не единственным...

Отдавали в гладиаторы также преступников: осужденных убийц, поджигателей, святогатцев, предателей. Наконец, хозяин имел право продать в гладиаторы своего раба. Лишь во II веке н. э. император Адриан издал закон, ограничивший это право: отныне хозяин мог сделать раба гладиатором только с согласия последнего (а о причинах такой «доброй воли» вы узнаете немного ниже).

Если же раб совершал какое-нибудь преступление, то его владелец должен был доказать это городским властям, прежде чем те разрешили бы осудить виновного на «гладиаторскую каторгу».

А теперь, наконец, о сути гладиаторских поединков, о жизни и смерти подневольных убийц.

Слово «арена» известно каждому. Но знаете ли вы первоначальное латинское значение? На языке древних римлян «арена» значило «песок». Тот самый песок, которым посыпалось круглое поле сражения гладиаторов: ведь песок очень хорошо впитывает кровь! А после очередного боя, когда служители специальными металлическими крюками утаскивали тела погибших в подполья-мертвецкие, потемневший и влажный песок перепачивали, взрыхляли, сверху насыпали свежий слой, и арена опять была готова для новых поединков. В день поединков публика уже с утра собиралась в большом цирке-амфитетре и с нетерпением ждала выхода на арену первых пар. О том, кто будет сражаться, общалось заранее: в надписях-объявлениях, сделанных крупными буквами прямо на стенах домов, в специальных программах (они существовали в Риме уже в I веке н. э.), и, наконец, об этом с вечера говорили во всех кварталах. В Помпеях сохранилось несколько рекламных настенных надписей. Вот одна из них: «Три боя пар гладиаторов Аллия Нигидия Майя будут вестись в 8-, 7- и 6-й дни до декабрьских календ (т. е. 23 и 24 ноября). Будет и звериная травля».

Наконец парад гладиаторов начинался. Все, кому предстояло сегодня сражаться, проходили торжественным шествием вокруг арены. И если в ложе сидел сам император (а такое случалось нередко), то гладиаторы возглашали свое знаменитое: Ave, Caesar! Morituri te salutant! (Здравствуй, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют Тебя!).

Затем — короткая разминка: будущие соперники потягиваются пока деревянными мечами (чтобы потешить публику, показать свое искусство и, самое главное, — подготовить мышцы к настоящему поединку).

А вот на арене и первая боевая пара! Один — высокий и широкоплечий — вооружен кривым коротким мечом-ятаганом и круглым щитом. На ногах — поножи, на голове — простой шлем с перьями. Такие гладиаторы вывались «фракийцами», ибо именно этому народу принадлежало описанное вооружение.

Его противник — сухощавый и подвижный — вооружен гораздо проще: легкий трезубец, маленький меч и... болтовня. Ни поножей, ни шлема! А тело одето легкую тунику. Это «ретиарий» (по-латыни «рэтэ» означало «сеть»). Его задача — опутать «фракийца» своей

невинной на первый взгляд снастью, повалить и пришить сдать или же просто убить.

Тяжеловооруженные «галлы» с большим полуцилиндрическим щитом и массивным мечом имели порой и второе название — «мурмиллоны». Тогда у них на шлеме вместо гребня или султана красовалась металлическая рыба («мурма»). И когда ретиарий охотился за мурмиллоном, зрители особенно веселились: какая интересная «рыбная ловля» происходит на арене!

Но еще чаще против ретиариев выступали самниты, секуторы или гопломахи (всё это названия тяжеловооруженных гладиаторов).

У самнитов шлем был с забралом и крыльями, кроме малого щита и поножей — плетеные набедренники; плечи также закрыты, а в руке — короткий меч.

Секуторы (дословно — «преследователи») имели длинные щиты, гладкие шлемы (чтобы соскальзывала сеть ретиария!), широкий меч, а поножу — лишь на левой ноге. Но в императорский период самниты и секуторы одевались уже одинаково и эти категории слились в одну.

Тяжелее всех вооружались гопломахи: не только щит и шлем, но порой и настоящие латы, которые полностью закрывали спину и грудь.

Были еще и «димахеры» — бойцы, вооруженные двумя мечами одновременно, а также «провокаторы» — почти безоружные «дразнители» (они, выкрикивая в адрес гопломахов, галлов и секуторов разные обидные слова, должны были рассердить их и таким несколько странным образом заставить поскорее вступить в бой и драться как можно яростней).

Наконец, выезжали иногда на арену конные гладиаторы и даже гладиаторы на колесницах. В более поздние времена бились не только попарно, но и небольшими отрядами (например, галлы против фракийцев).

Тонкостям своего страшного ремесла гладиаторы обучались в специальных школах. Обычно хозяин такой школы — отряда назывался «ланиста». Происходит это слово от того же корня, что и «ланиус» (мясник), — сходство красноречивое и отнюдь не случайное: ведь ланиста занимался не только обучением гладиаторов, но и покупкой их, и перепродажей. Поэтому он имел дело как с официальными работарговцами, так и с представителями преступного мира — пиратами и разбойниками,

для которых похищение людей было выгодным ремеслом. Захватывая путников на морских и сухопутных дорогах, они продавали их как своих рабов. И тут-то первым покупателем всегда был ланиста. Поэтому его ремесло считалось низким и подлым, а дружба с ним для порядочного римлянина — постыдной.

Самые бедные или начинающие ланисты вели бродячий образ жизни. Вместе со своим гладиаторским отрядом они брели от одного городка к другому и давали представления всюду, где были для этого подходящие условия. Их заработок часто зависел от слепого случая и даже от погоды.

Оседлый ланиста имел и школу, и даже контору по найму и продаже гладиаторов. Ему жилось сытней и спокойнее. А бродячий ланиста не мог о таком и мечтать.

Но содержали гладиаторские школы отнюдь не только презренные и необразованные «мясники». Например, самая старая из них принадлежала всеми уважаемому консулу Аврелию Скавр. Во времена республики многие знатные римляне превращали в гладиаторов своих рабов.

Друг прославленного оратора Цицерона — некий Аттик купил хорошо обученный отряд гладиаторов с откровенными коммерческими целями. И это никого не возмутило. Более того, Цицерон, образованнейший человек своего времени, спокойно писал другу: «...отдай своих гладиаторов в наем для игр, и уже после двух боев твои деньги вернуться к тебе».

Кроме того, гладиаторы широко использовались как телохранители. Именно с этой целью держали их при себе и Аттик, и Сулла, и Катилина, и даже сам Гай Юлий Цезарь.

Да, он не считал для себя зазорным опереться на мощные плечи и щиты «владеющих мечом». Более того, и Цезарь, и другие императоры имели собственные гладиаторские школы. Сюда отбирались лучшие бойцы, обучались они особо тщательно, и поэтому чаще всего в поединках побеждали именно они. И каждый ланиста мечтал заполучить (за немалые деньги, конечно) хотя бы несколько «императорских гладиаторов» — лучших из лучших. Таким образом, императоры продавали своих гладиаторов или «сдавали в аренду» устроителям

игр на несколько боев, т. е. откровенно и беззащитно наживались на них.

В помпейских надписях среди прочих гладиаторов упоминаются «нероннианцы» и «юлианцы» (т. е. бойцы из школ Нерона и Цезаря), которые, как видим, сражались не только в самом Риме. И при этом никто, разумеется, не стыдил императора, не называл его «презренным ланистой».

Гладиаторская школа строилась почти в каждом более-менее крупном италийском городе. Размещали бойцов в специальных казармах. Казармы обычно шли сплошной линией по периметру квадратного или прямоугольного двора со сторонами 44 и 55 метров. Были они двухэтажные и состояли из множества коморок по 4 квадратных метра каждая. Окон не было: лишь иногда в двери — маленький «глазок». И обязательно прочный замок!

В императорском Риме было четыре гладиаторские школы. Самая главная из них — Большая Школа — находилась неподалеку от Колизея. Внутри казарменного прямоугольника располагалась арена: гладиатор должен был сразу же привыкать к ее виду. Возглавляли такую школу обычно прокуратор и его помощник; оба — обязательно из сословия всадников.

Тут была своя кухня, столовая, оружейная мастерская и даже свой школьный врач: за здоровьем гладиаторов прокураторы и ланисты следили особенно тщательно, ибо от этого непосредственно зависели их доходы. Кстати, знаменитый Гален начинал свою врачебную карьеру именно в гладиаторской школе.

Педагог, обучающий будущих гладиаторов правилам боя, назывался «доктор» или «магистр». Среди них были учителя-универсалы, а были и узкие специалисты: ведь гопломахи, фракийцы, ретиарии, секуторы и димахеры сражались по своим, сугубо индивидуальным законам и правилам, обусловленным их национальным происхождением, вооружением и сложившимися традициями.

Всякий зачисленный в гладиаторы навсегда терял свои гражданские права и доброе имя, попадая в разряд «обесчещенных». И впредь, даже при самых благоприятных поворотах судьбы, он уже не имел никакой реальной надежды войти в сословие всадников или, предположим, занять какую-либо государственную должность. Более того, и после смерти он не мог рассчиты-

вать даже на приличные похороны, ибо если богатый гражданин завещал или просто дарил своему городу участок земли под кладбище, то он предусмотрительно запрещал хоронить на ней людей заторных профессий, и в том числе гладиаторов. Поэтому их могилы часто находились на специально отведенных для этого участках.

Дисциплина в школе была строгая и другой не могла быть: ведь тут жили и рабы, и убийцы, и недавние разбойники или пираты, и военнопленные. Почти все они мечтали о свободе, думали о побеге. Поэтому гладиаторов сторожили постоянно и тщательно. Например, императорские школы охранялись военными подразделениями (что являлось одной из официальных форм несения караульной службы).

Из этих же соображений для учебных занятий выдавалось деревянное оружие, а не боевое. В крайнем случае — металлические мечи, но с затупленными остриями и гранями.

Режим был строгий и однообразный: сон, еда, упражнения, еда, упражнения и еще раз упражнения, упражнения, упражнения... Порой даже каторга казалась легче этого отупляющего, мучительного и безысходного существования.

Доктора и магистры сперва обучали новичка быстро и точно попадать мечом в указанные точки вкопанного в землю деревянного столба. Затем переходили к поединкам с партнером. Иногда для фехтования выдавали доспехи и оружие более тяжелые, чем настоящие: так приучали к выносливости. Кроме того, надо было в совершенстве усвоить довольно разнообразный технический словарь гладиаторского ремесла. Огромное значение имело умение не только нападать, но и защищаться с помощью щита и маневрирования.

Издавна существовала своя неписаная иерархия: новобранец после определенного числа победоносных боев получал звание ветерана. Затем шли пять гладиаторских рангов с подразделениями внутри каждого. И в надгробных надписях родные или друзья никогда не забывали упомянуть, что покойный был гладиатором первого или второго ранга (более низкими званиями хвалиться не было смысла).

В каждом бою ставкой гладиатора была жизнь, и вряд ли даже самые опытные ветераны выходили на арену без волнения. Пары назначались по жребию. Поэтому

случай мог свести новичка с закаленным и испытанным противником — жестоким и расчетливым. Правда, и ветеран мог допустить промах и получить серьезные ранения в самом начале боя. А жизнь побежденного зависела не только от его более опытного (или более удачливого) партнера, но и от настроения зрителей. Если он сражался мужественно и красиво и завоевал благосклонность сидящих на всех ярусах, то иногда весь амфитеатр в едином порыве ревел: «Отпустить!», т. е. помиловать. При этом выбрасывали платки и тысячи зрителей поднимали вверх большой палец. Но если несчастный гладиатор оказался трусом или еще чем-нибудь не угодил орущей толпе, то в этом случае пальцы опускались вниз и под яростные вопли «Добей его!» победитель поворачивал поверженного лицом вниз и всаживал ему клинок в затылок или спину...

Иногда побежденный обращался непосредственно к сидящему в ложе императору или консулу. И тот сам решал его судьбу. Но при этом правитель вынужден был, как правило, учитывать настроение толпы. Так было спокойнее.

Однако, увы, не все императоры были милосердны. Домициан, например, требовал, чтобы бойцы сражались без щитов. Порой в афишке заранее писалось: «Отпуска не будет», т. е. поединок продлится до последнего издыхания одного из соперников.

Лишь Август запретил бои «без отпуска». Но и этот «гуманный» закон соблюдался далеко не всегда. В 242 году н. э. магистрат из городка Минтурны на одном из празднеств с гладиаторскими играми самолично повелел перебить всех побежденных. А уже упомянутый Домициан нередко приказывал бойцам сражаться даже после того, как зрители требовали отпустить израненных меченосцев.

Случалось, что гладиаторы были равны по силе и технике, поединок проходил остро, но без преобладания одной из сторон. В таких случаях публика иногда смягчалась и давала знак прекратить бой. На языке римского амфитеатра это называлось «отпустить стоящими» (т. е. не дожидаясь, пока один из сражающихся упадет на песок).

Победитель обычно награждался пальмовой ветвью и, подняв ее над головой, обегал арену. Кроме того, магистрат подносил ему деньги на дорогом подносе (кото-

рый тоже становился собственностью бойца). Некоторые имели десятки таких почетных подносов.

В особых случаях победителя «опоясывали мечом» — торжественно вручали ему деревянный учебный меч. Это было счастьем, ибо означало: отныне гладиатор освобождается от боев на арене, оставаясь в школе как помощник доктора или судья состязаний.

Но это было еще не высшей формой признания и восхищения. Если известный гладиатор всегда сражался мужественно и выходил без поражений из многих боев, то случалось, что после очередной его победы — особенно красивой и впечатляющей — весь амфитеатр поднимался с мест и требовал отпустить победителя на свободу. Юридически боец был собственностью ланисты и полностью зависел от последнего. Но толпа бывала настроена столь решительно и даже угрожающе, что обычно хозяин уступал: гладиатор вновь становился свободным человеком и мог вернуться на родину.

Однако такие случаи, к сожалению, не были частыми. Большинство гладиаторов кончали свои дни на арене в сравнительно молодом возрасте. По надписям Большой Школы рекорд долголетия установил мурмиллон Ульпий Феликс, которому удалось дожить до 45 лет. Чаше же встречались такие надгробные надписи: «Макодону, фракийцу, новобранцу из Александрии, весь отряд фракийцев. Жил 20 лет 8 месяцев и 12 дней».

Итак, по римским аристократическим понятиям стать гладиатором (вольно или невольно) означало дойти до крайней степени человеческого падения. Цицерон называл этих несчастных «потерянными людьми», а поэт Лукиллий — «замаранными и запятнанными».

И тем не менее популярность гладиаторов была очень велика. Ими восхищались, о их смелости и мастерстве говорили постоянно и повсюду, их достоинства обсуждались еще более горячо, чем достоинства знаменитых возниц — кумиров ипподрома. Поэты воспевали гладиаторов, а художники и чеканщики увековечивали в своих творениях эпизоды боев и даже лица отдельных бойцов. Пергамент, металл и камень сохранили для нас образы лучших и храбрейших из них.

Притягательная сила арены была столь велика, что иногда в гладиаторы шли свободные (а порой даже и обеспеченные) люди. Презрев социальные барьеры, сознательно расставаясь со своим общественным положе-

нием, юноши из всаднических семей становились фракийцами или ретиариями. Ради минутной славы, из-за жажды острых ощущений, которые многим из них стоили, увы, слишком дорого.

Чаще же свободного гражданина в объятия ланисты бросала нужда и надежда поправить свои дела: ведь опытные гладиаторы получали вполне приличное денежное вознаграждение. Тем более что по прошествии определенного срока они получали, вероятно, и право на некоторую личную свободу. Более того, известно, что иные гладиаторы даже обзаводились семьями и могли жить дома, а не в казарме.

Иногда же в гладиаторы уходили из чувства протеста или из солидарности с попавшим в беду товарищем. Однако на пути неблагоразумных стоял закон. Доброволец обязан был заявить о своем намерении народному трибуну, а тот имел право и не разрешить, если находил волонтера по физическим или иным данным непригодным для гладиаторской службы. При заключении первого договора с будущим гладиатором ланиста вручал ему задаток, который по закону не должен был превышать 2000 сестерций — сумма довольно скромная. Такое ограничение также было введено для того, чтобы несчастный задумался: «А стоит ли за такую мизерную плату продавать свою жизнь и свободу? Ведь я могу погибнуть в первом же бою...»

Если же эти препятствия были не в состоянии отпугнуть юношу, он автоматически лишался звания римского гражданина.

Трудно перечислить все поводы, по которым давались гладиаторские представления. Кроме того, что они устраивались как погребальные жертвоприношения, этими кровавыми забавами отмечались различные священные праздники, восшествие на престол, военные победы и многое другое. Иногда же организаторы использовали игры, чтобы завоевать популярность в народе (и нередко преуспевали в этом).

Сам Цезарь в 65 году до н. э. устроил бои, в которых участвовало 320 пар гладиаторов. Его политические противники были этим не на шутку встревожены: в то время такие пышные зрелища стали уже верным средством привлечения на свою сторону тысяч римлян и, следовательно, обеспечения себе голосов на ближайших выборах.

Поэтому в 63 году до н. э. по предложению Цицерона был принят закон, запрещавший кандидатам на важные государственные должности в течение двух лет до выборов «давать гладиаторов».

Но главные ограничения начинаются при императорах, которые боялись усиления влияния и популярности сенатской аристократии. Так, Август разрешал устраивать игры только преторам и не чаще двух раз в год. При этом нельзя было выпускать на арену более 60 пар гладиаторов. Кроме того, каждый раз требовалось специальное разрешение сената, и устроитель мог рассчитывать лишь на свои личные средства (дотации, ранее поступавшие из казны, отменялись).

Сам же Август во время своего правления давал гладиаторские игры восемь раз и вывел на арену в общей сложности 10 тысяч гладиаторов: в среднем по 625 пар на каждом празднике.

Такое же число меченосцев сражалось по приказу Траяна в 107 году н. э. на празднестве, данном по случаю завоевания Дакии и длившемся не день, не неделю и даже не месяц, а ровно 120 дней (!).

Но что же чувствовал человек, помимо своей воли, в силу трагических обстоятельств очутившийся в казарматорье? Это представить нетрудно. Ведь античные писатели откровенно считали даже каторжный труд на рудниках и в каменоломнях более сносной формой существования, чем жизнь гладиаторов.

В Капуе, городе с особенно благодатным климатом (в нем легко осваивались представители самых различных племен), издавна существовало немало гладиаторских школ. Но благоприятный климат не делал жизнь в этих школах более сносной, чем в других итальянских казармах. Именно отсюда в 73 году до н. э. 200 отважных и свободолюбивых рабов бежали во главе со Спартаком, начав одно из самых знаменательных восстаний во всей истории античного рабовладения.

А спустя еще девять лет 26 гладиаторов попытались освободиться из Пренестинской школы, что находилась неподалеку от Рима. Корнелий Тацит в своих «Анналах» так писал об этом: «...гладиаторы в городе Пренесте попытались вырваться на свободу, но были усмирены представленной к ним военной стражей, а в народе, жаждущем государственных переворотов и одновременно трепещущем перед ними, уже вспоминали о Спартаке и

былых потрясениях». Даже из этих слов историка, относящегося к рабам без тени сочувствия, видно, какое влияние оказало на современников спартаковское восстание.

Страшная жизнь гладиаторов была полна не только физических, но и душевных мук. Среди гладиаторов, как упоминает Гален, больше, чем в какой-либо иной среде, распространялись психические заболевания.

Но сильные натуры не сгибались даже под гнетом самых страшных обстоятельств. И пусть не всегда успешно, но решительно и бесстрашно они шли тем же путем, что и Спартак.

Как-то даже не верится, что олимпийские игры эллинов и страшные будни Колизея существовали одновременно. Существовали в странах, которые постоянно были связаны и культурно, и экономически, и политически.

Древнеримские игры не дали мировому спорту ничего. Они были бесплодны по самой своей суги. Уйдя от принципа равноправия, гордой свободы и добровольного физического воспитания, римский спорт скатился до уровня позорного ремесла.

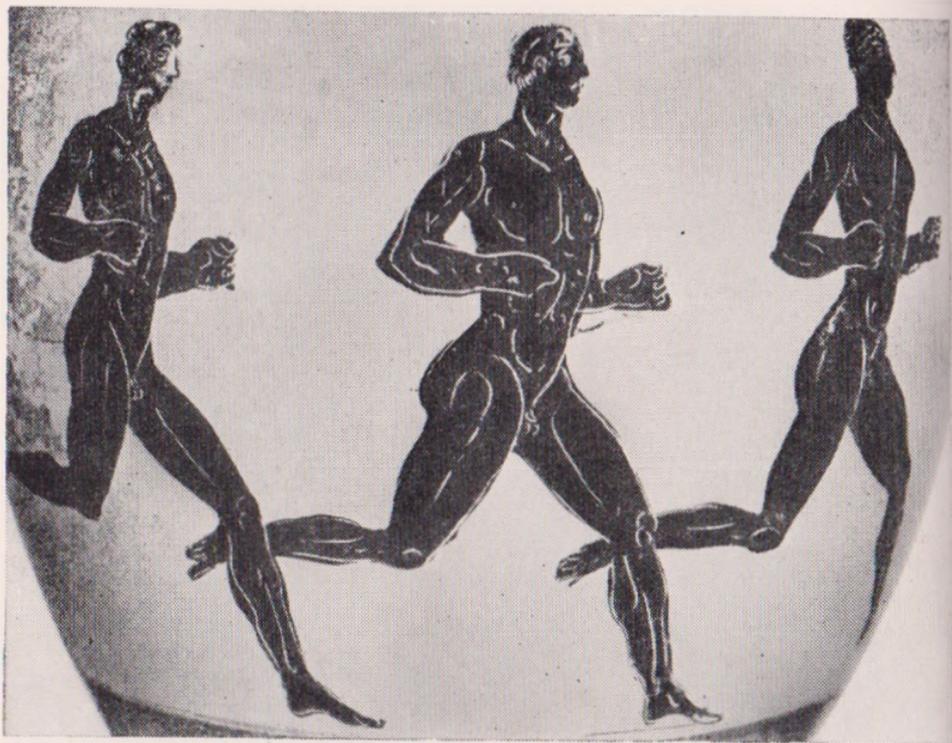
Гоплитодром (бег в доспехах).
Краснофигурный килик. V век до н. э.

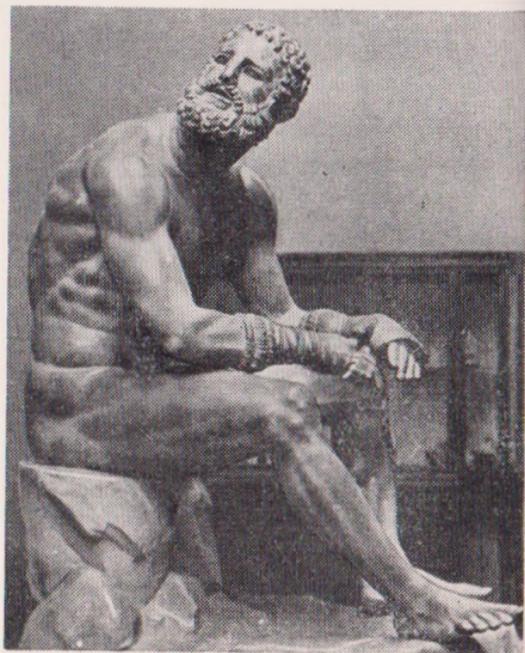
Прыгун с гирями. Краснофигурный килик.
V век до н. э.

Кулачный бой. Панафинейская амфора.
IV век до н. э.

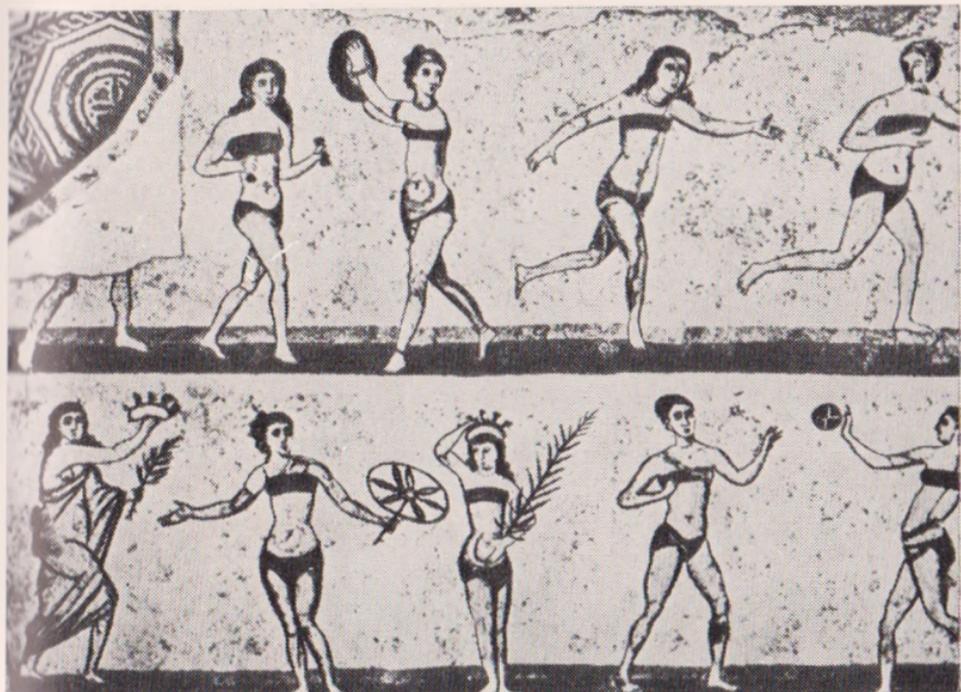

Долихос (длинный бег). Панафинейская амфора. IV век до н. э.

Кулачный боец. Работа афинского скульптора Аполлония. I век до н. э.

ДРЕВНИЙ РИМ

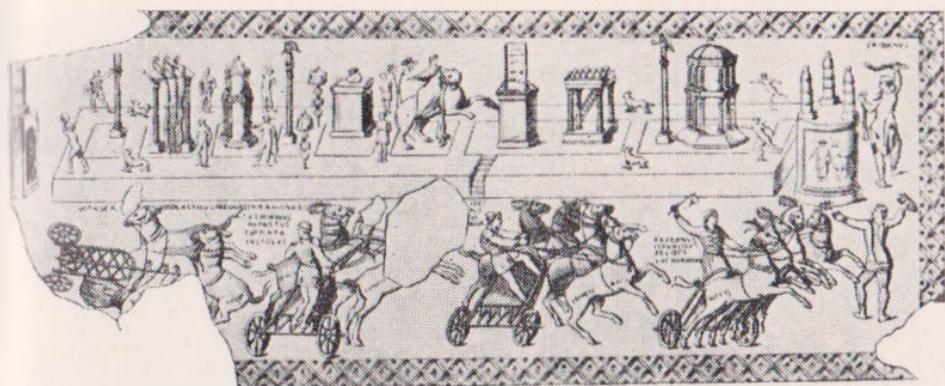
Женщины-атлеты. Мозаика. I—II век н. э.

Римские атлеты. Мозаика. II век н. э.

Возница с пальмовой ветвью победителя.
I век н. э.

Состязания на колесницах. Мозаика.
I—II век н. э.

Чествование коня-победителя
(изображение на светильнике).
I—II век н. э.

АВСТРАЛИЯ

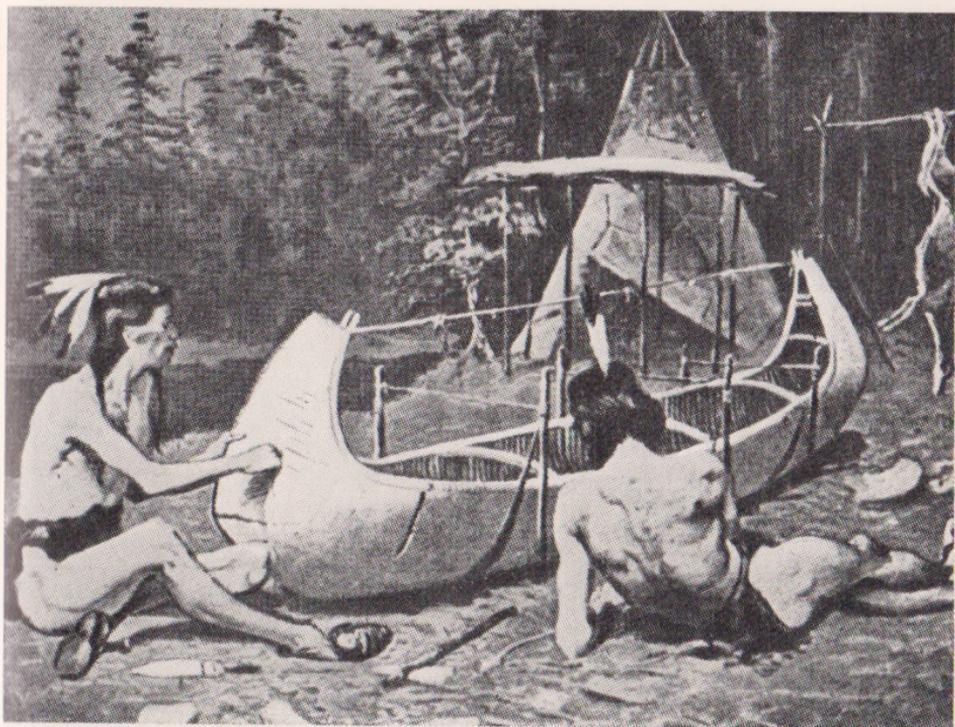

Метание с помощью копьеметалки

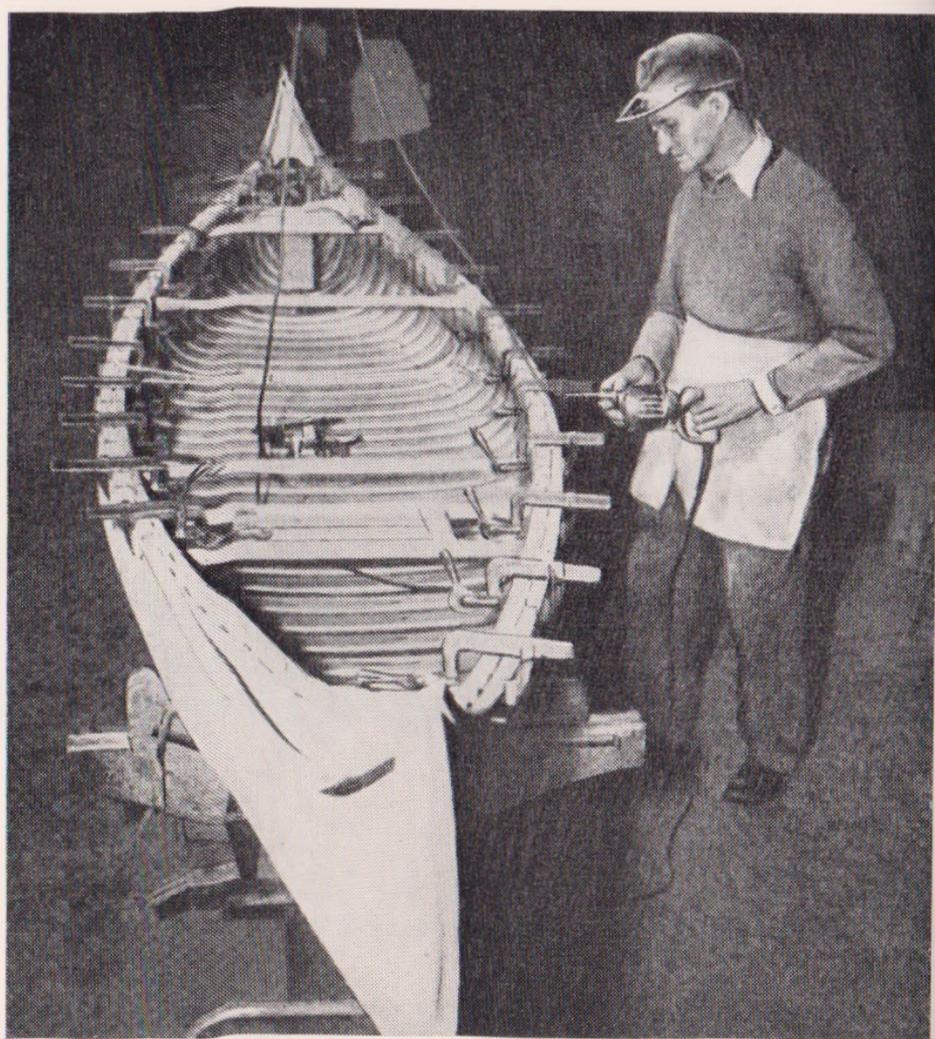

Абориген с бумерангом и щитом

АМЕРИКА

Индейцы обшивают берестой байдарку.
Картина американского художника
Фредерика Ремингтона

Мастер-индеец из племени пенобскотов
завершает постройку «кану»

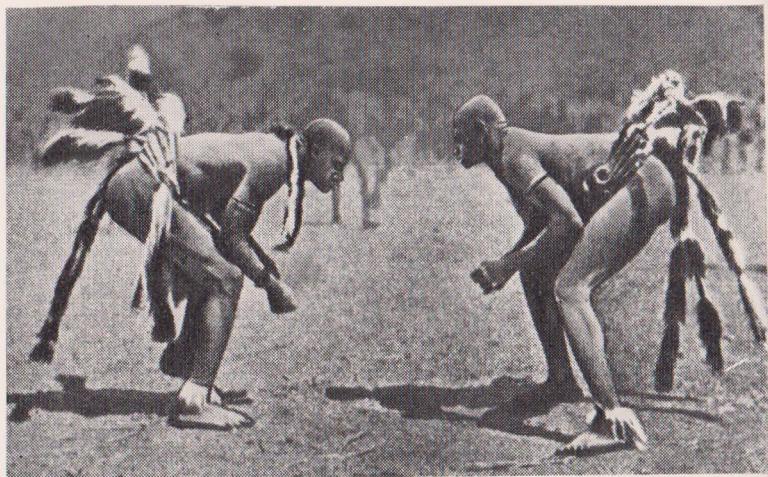
АФРИКА

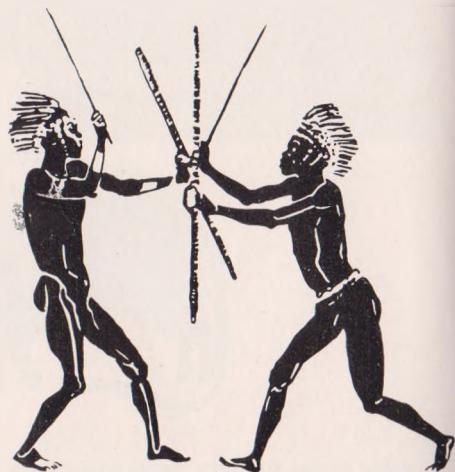
Древние африканские боксеры.
Наскальный рисунок (Южная Родезия)

Прыжки через быка(?). Наскальный рисунок

Борцы племени «куба».

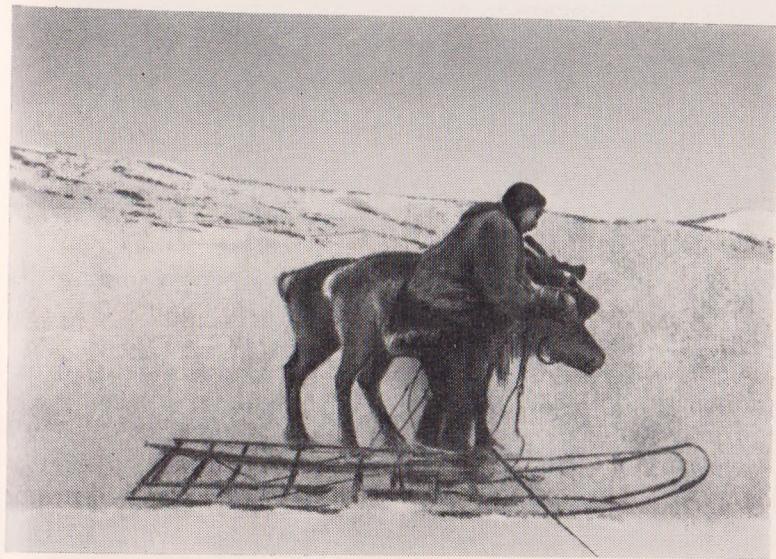
Фехтование на палках.
Рисунок конца XIX века

НАРОДЫ СЕВЕРА

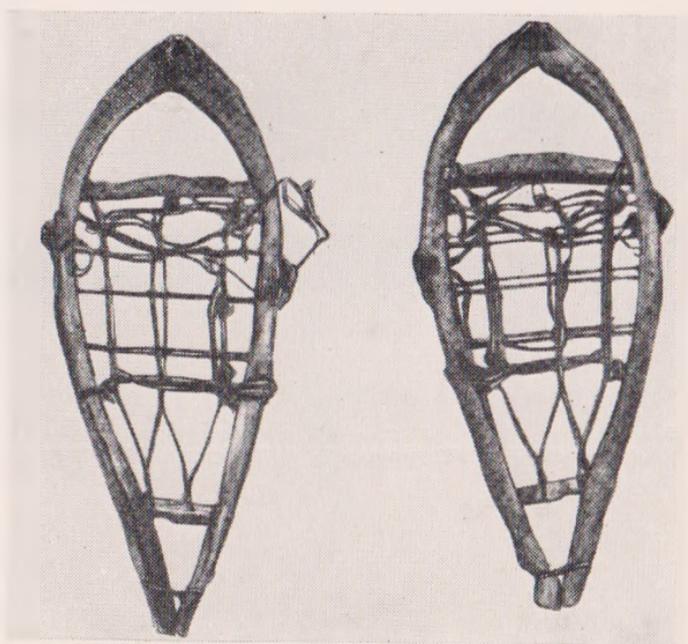
Алтайцы на лыжах с нартой

Оленья упряжка

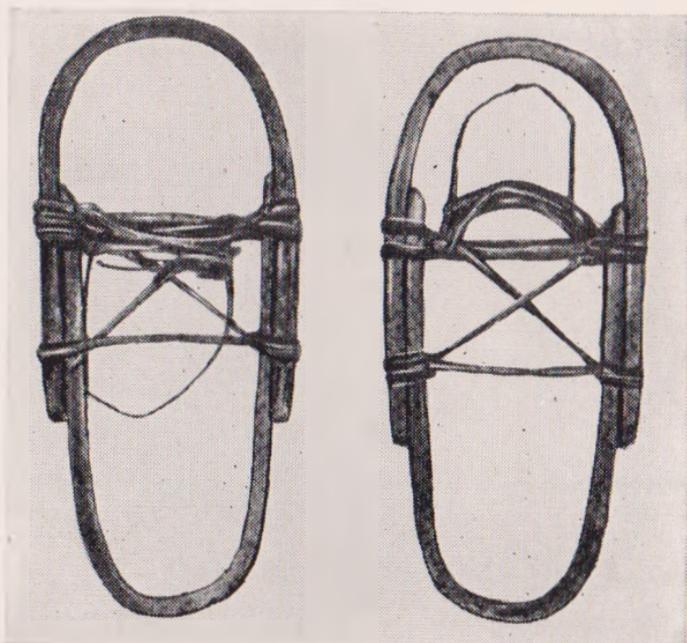

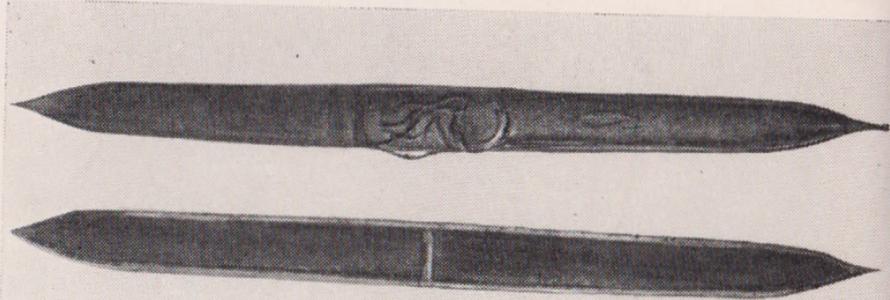
Итэльмен на лыжах-«лапках»

Сетчатые
лыжи-«лапки»,
что издавна
были в ходу
у эскимосов

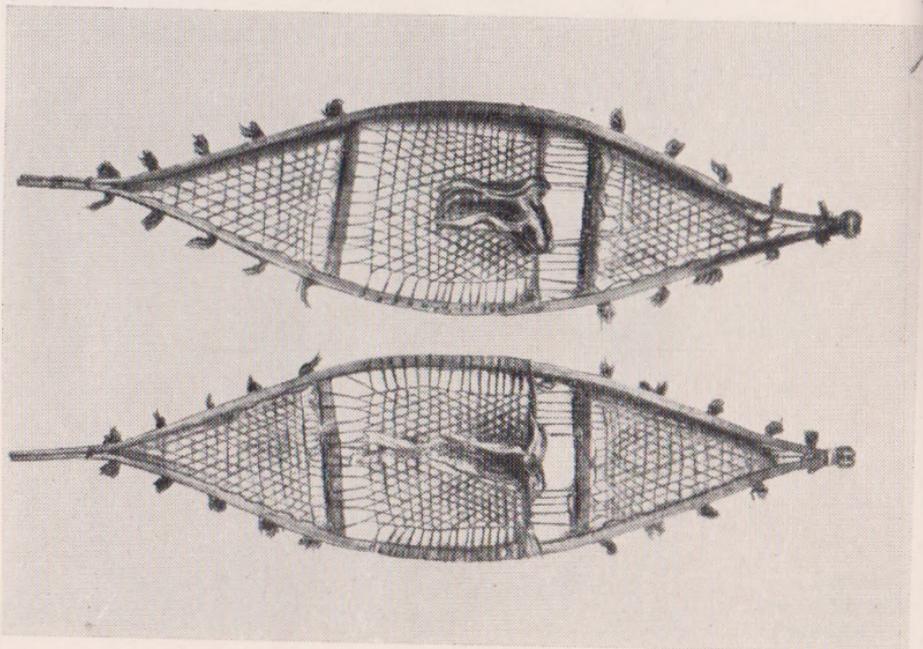

Айнские
лыжи-«лапки»
(о. Сахалин)

Нивхские лыжи с нащепами

Лыжи-«ракетки»

Глава III АТЛЕТЫ ДЖУНГЛЕЙ И ПУСТЫНЬ

Еще сравнительно недавно Африка привлекала к себе всеобщее внимание преимущественно как страна малоизвестных племен и экзотической природы, сотни тайн которой пока не раскрыты.

А сегодня весь мир с радостным напряжением следит за могучим освободительным движением африканских народов. Африка просыпается! И яркие свидетельства этому мы находим не только в политической жизни, но и в спорте. Достаточно вспомнить хотя бы выступления африканских легкоатлетов на олимпиадах в Риме, Токио, Мехико и Мюнхене.

Фальсифицируя науку, определенная часть буржуазных ученых упрямо отказывает африканским народам в праве на собственную историю, на собственные достижения в области искусства, культуры, и в частности физической культуры и спорта. Расистские теоретики всеми силами пытаются убедить человечество в том, что история физических упражнений у коренного населения Африки начинается лишь с приходом европейцев (читай — европейских колонизаторов).

В действительности же Африканский континент — родина многих выдающихся цивилизаций, и народы Африки внесли немалый (но пока еще недостаточно изученный) вклад в историю мировой культуры. В том числе и культуры физической.

К сожалению, в пламени беспощадных захватнических войн погибли неисчислимые сокровища: исчезли с лица земли целые города и даже государства Центральной и Южной Африки. Лишь сегодня, при условии могучего подъема национально-освободительного движения, появилась возможность объективно исследовать колониальную и доколониальную историю Африки, изучив многочисленные национальные культуры Черного материка.

Наскальные росписи, найденные в горах Атласа и в Скалистых массивах ныне безводной пустыни Сахары (в Тассили, Эннеди и других местах), относятся к эпохе неолита и свидетельствуют о глубокой древности африканской культуры.

К более позднему периоду развития человечества принадлежат наскальные рисунки, обнаруженные учеными в различных районах Ливии, Южной Родезии, Батсуоленда, Танганьики, Конго и даже вблизи Кейптауна. Рисунки эти, поразившие исследователей своей динамичностью и высокой художественностью, изображают древних бегунов, танцоров, пловцов, прыгунов и даже боксеров. Так, на одной из скал в Ливийской пустыне воспроизведены фигуры нескольких прыгунов, выполняющих... сальто! Доисторический художник изобразил даже кривую прыжка. Причем не сплошной линией, а пунктиром. Указано, таким образом, и место толчка.

Ученые не без оснований считают, что это не просто рисунки, а наглядные пособия, которыми пользовались древние африканские тренеры-воспитатели для обучения молодежи.

Рисунок, найденный в одной из пещер Южной Родезии, рассказывает о состязаниях доисторических кулачных бойцов. Причем на их руки надеты круглые рукавицы; делались они, вероятно, из шкур животных. Подобные соревнования ученые-путешественники наблюдали уже в наше время среди негров ниатру (Центральная Танганьика): руки их были защищены огромными рукавицами из шкуры гиены.

Дошли до нас также изображения стрелков из лука. На пяти скалах сохранились весьма рельефные рисун-

ии, безвестные авторы которых воспроизвели на камне экзотические игры: прыжки через быков и еще каких-то (пока не разгаданных учеными) животных.

Все это — убедительные доказательства распространения физических упражнений среди африканских народов еще в самой глубокой древности. Впрочем, иначе и быть не могло!

И подтверждения этому щедро рассеяны в книгах путешественников. Так, например, во многих странах Африки очень популярны различные виды спортивной борьбы. В Восточном Судане во время праздников борцы надевают пояса с колокольчиками и цветными перьями. Борются стоя, лежа, а иногда на коленях. Побеждает тот, кто четырежды заставит противника локтем или спиной коснуться земли (в положении лежа — несколько иные правила). Ранее эти состязания проводились на праздниках сева и сбора урожая. Старики суданцы рассказывали одному из французских этнографов, что «так боролись наши пращурь еще тогда, когда взрослые мужчины умели говорить ненамного лучше теперешних трехлетних детей». Как видно, так витиевато старики высказывали мысль о глубокой древности народных борцовских поединков.

Большинство племен Черного континента с доисторических времен вело охотничий образ жизни. Безукоризненное владение копьем, ловкость, сила, умение быстро преодолевать большие расстояния — вот лишь некоторые качества, абсолютно необходимые для успешной охоты.

Многочисленные ритуальные танцы с элементами спортивных упражнений испокон веков сопровождали религиозные обряды и церемонии. Постепенно, с разложением родового строя, у многих племен роль шамана и колдуна становилась все менее значительной, а обряды приобретали все более «светский» характер. Даже такой священный ритуал, как праздник инициаций (посвящение юношей в звание «настоящих мужчин»), у большинства африканских народов становится сегодня гражданским обрядом.

Ученые не раз убеждались, что во многих случаях религиозная сторона обряда являлась лишь внешней оболочкой. В этом отношении весьма интересны и точны наблюдения известной писательницы Мариэтты Шагинян: «Народы Азии и Африки гораздо практичнее,

чем мы о них думаем. Там, где мерещится нам «мистика», лежат в основе умные, на опыте основанные, свои (применительно к климату, образу жизни) правила физического развития, гигиены, душевного воспитания».

Действительно, при научном подходе даже в самых непонятных (на первый взгляд) явлениях можно обнаружить рациональное зерно.

Конечно, кроме элементов охоты, ритуально-праздничные обряды содержали и разнообразные военные упражнения. Впрочем, они практиковались не только на праздниках, а и в будни, как неотъемлемая черта жизни африканцев.

Вот что рассказывает в своей книге «Путешествия и исследования в Южной Африке...» Давид Левингстон: «По дружелюбно-повелительному знаку вождя в круг вышли четверо вооруженных воинов. Один из них стал быстро и четко выполнять ряд боевых приемов, принимая угрожающие позы и делая молниеносные выпады: именно те, которые необходимы в настоящем бою. Он бросал копье в воображаемых врагов, отражал щитом их удары, маневрировал, мгновенно приседал или отскакивал в сторону, и разнообразие этих маневров было поистине удивительным».

Что же касается плясок вообще, то вряд ли они еще где-нибудь так же популярны, как в африканских селениях. Такое явление на первый взгляд может показаться необоснованным и даже несправедливым (по отношению к прочим континентам, где танцы любят тоже, и отнюдь не только молодежь). Но читатель поймет, что это действительно так, когда узнает: пляски в Африке порой заменяли (а кое-где заменяют и сейчас) несуществующие... паспорта. Ибо вопрос «какую пляску считаешь своей?» там значит то же, что и «к какому племени ты принадлежишь?». А знатоки могли определить этническую принадлежность даже не по всему танцу, а всего по нескольким его па.

Многие исследователи и путешественники рассказывают о феноменальной выносливости черных охотников. Пальма первенства среди них принадлежит, безусловно, зулусам и бушменам.

Молодой зулус способен весь день бежать рядом со всадником по пересеченной местности, лесом и сквозь кустарники. На подъемах он даже иногда опережает лошадь.

А вот что рассказывает датский ученый Йенес Бьерре о жителях пустыни Калахари — бушменах: «Они фантастически выносливы. Бушмены могут безостановочно преследовать антилопу и тридцать, и сорок километров. Животное в конце концов устает, ибо оно бежит беспорядочно и отчаянно, часто останавливается, чтобы оглянуться, и снова бросается вперед. Когда оно уже обессилено, бушмен прекращает преследование. Антилопа ложится отдохнуть, ее организм постепенно охлаждается, мышцы деревенеют, и тогда охотник внезапно бросается ее преследовать снова. Нередко животное, не успев даже подняться, становится жертвой бушменского копья».

А у некоторых племен существует даже такой обычай: если хочешь получить право на женитьбу, сумей догнать на охоте антилопу или жирафа. В противном случае ни одна уважающая себя девушка не согласится стать твоей женой.

У юношей племени бергдамов посвящение в мужчины состояло из трех этапов (преимущественно охотничьего характера). Рацион молодых охотников сводился до минимума, а в первые день-два они не ели вообще ничего, всю добытую дичь отдавая членам своего племени. Только многократно повторив этот церемониал, юноши получают право сесть подле «общего огня» и могут находиться рядом со взрослыми.

У бушменов инициации обычно проводятся во время дальних охотничьих походов. Посвящаемые обязаны продемонстрировать не только столь необходимую выносливость, но и умение читать следы (как животных, так и людей), метко стрелять из лука и маскироваться.

Юноши кафры в период инициаций покидают родное селение почти на год. Под присмотром «старшего охотника» они без усталости выполняют упражнения по прыжкам, лазают по деревьям, бегают и пляшут. При этом нагрузка так велика, что нередко испытываемый падает в изнеможении. Но отдыхать он имеет право не более трех-четырех часов. После отдыха посвященные испытания возобновляются.

Весьма достойны внимания метательные упражнения зулусов. С детства мальчики учатся бросать короткое копьё (ассегай) в шарообразный корень земляной эвфорбии, который быстро катится с холма. Или стараются попасть маленькой (не длиннее 10 сантиметров)

заостренной палочкой в круглые ягоды, что специально разбросаны по земле. Попадешь — и получишь ягоду как приз!

Приблизительно такие же метательные упражнения распространены и в Конго, и в Того, и в Уганде.

А как далеко может африканец метнуть свое копьё? Давид Левингстон вспоминает, что когда он гостил у племени пхела, по случаю местного праздника состязались и копьёметатели. «Помню негра, которого звали Муога. Он бросил свой ассегай, — пишет прославленный путешественник, — на расстояние 320 футов (т. е. не менее 100 метров. — Ю. Ш.). А были и такие, что превзошли этот результат».

В связи с такой записью невольно возникает вопрос: как возрастет цифра мирового рекорда в копьёметании на очередных олимпиадах? Ведь с каждым новым четверехлетием Черный континент посылает на олимпийские игры все больше участников!

Давно известно: большой спорт часто начинается с детских игр, которые в большинстве своем носят характер состязаний. Самое любимое развлечение маленьких зулусов — охота на птиц с помощью метательных палиц. В конце 60-х годов небольшая группа советских исследователей, стоявших лагерем возле зулусской деревни, в воскресенье устроила соревнования городошников. Основной «спортивный инвентарь» был изготовлен тут же, на месте. На стук бит и веселые возгласы в лагерь потянулась местная молодежь. Один из юношей зулу, долго наблюдавший, как проходит «русская игра», неожиданно попросил позволить и ему бросить тяжелую палку. К изумлению наших соотечественников и восторгу соплеменников, он с первого раз «разнес» четыре довольно сложные фигуры. А на похвалу старейшего советского городошника-перворазрядника ответил, скромно улыбувшись: «Это гораздо легче, чем попасть палицей в летящую птицу».

Очень популярны у зулусов «битвы», проводимые с помощью двух палок: одна (в правой руке) — для нападения, а вторая — для обороны. Видевшие эти упражнения свидетельствуют: они носят характер фехтования.

В игре «укелекелекобо» дети становятся в ряд и, подсакивая на одной ноге, выкрикивают: «Келекелекобо! Я напоролся на колючку!» Выигрывает тот, кто дольше

устоит на одной ноге. Так укрепляются мышцы ног и вырабатывается чувство равновесия.

Есть и другая игра: «упобаква». Упершись руками в бока, дети бегают наперегонки, максимально наклоняясь вперед и при каждом шаге ударяя себя пятками по игодицам.

Ну и, конечно же, отчаянно-упоительное раскачивание на лианах (иногда весьма высоко!) тоже по нраву маленьким зулусам! Это увлекательное упражнение они называют «умжикени».

А то еще: ухватившись за толстую ветку или горизонтальную балку своей хижины, протягивают ноги вперед (т. е. делают «угол»), потом поднимают их, пропуская между руками, и соскакивают по другую сторону. Это называется «иназоло».

Вот что писал по этому поводу в своей книге «Зулусский народ до прихода европейцев» этнограф и миссионер А. Брайант:

«Хоть все эти детские упражнения весьма просты, при внимательном наблюдении нельзя не заметить, что они составляют определенный гимнастический комплекс: при «умжикени» напрягаются все мышцы тела, «иназоло» укрепляет мышцы спины, рук и ног, а «укелекелекобо» расправляет и также укрепляет суставы и мышцы ног».

А дети уже упомянутых бушменов очень любят игру, напоминающую общеизвестный бадминтон. Птичье перо привязывают к короткой палочке, которую затем втыкают в большую ягоду, подбрасывают вверх и ударами специальных палиц стараются удержать в воздухе как можно дольше.

...У народности хауса есть прекрасная легенда об основательнице рода — царице Дауре. Это африканская Диана. Только скачущая верхом на антилопе с охотничьим копьём в руке. И подобные легенды существовали не только у хауса.

В Эфиопии во время праздника «тимкет» и сейчас устраивают конные состязания, в которых иногда участвуют и женщины. Все всадники вооружены старинными щитами и деревянными тупоконечными пиками. Они скачут наперегонки, стремясь догнать лидера и коснуться его плеча своей пикой.

Распространена здесь и игра «генна», напоминающая своими правилами крокет, но требующая значительно

больших физических усилий. Так же как и в крокете, игроки гоняют шары деревянными молотками. Однако молотки весят порой 10—12 кг, а шары достигают в поперечнике 35—38 см.

Во всех отношениях достойны упоминания состязания «протоэму», что распространены среди племен банту и нилотов. Их суть заключается в том, что юноша или девушка (тут полная эмансипация) как можно сильнее раскачивается на толстой лиане, нависающей над неширокой лесной речкой. Побеждает тот, кто не только перелетит на другой берег (этого условия состязающиеся придерживаются уже хотя бы потому, что в воде спортсменов нередко поджидают крокодилы), но и прыгнет дальше своих товарищей.

Один из самых известных путешественников-африканологов О. Бауманн наблюдал во время праздника урожая игры негров племени ваньятуру (восточные банту). Это очень сильное и высокорослое племя. Юноши состязаются преимущественно в палочном фехтовании и танцах (где равно ценятся и выносливость, и изящество исполнения).

Среди специалистов большой интерес вызвали в свое время сообщения о людях из племени ватусси. Представители этого племени еще выше представителей племени ваньятуру (здешние мужчины обычно бывают не ниже 1,9—2 метров) и показывают великолепные результаты по прыжкам в высоту и в метании копья.

Выполняя прыжок, спортсмены делают короткий, но очень энергичный разбег, отталкиваясь при этом от небольшого термитника. Некоторые ватусси таким способом преодолевают высоту 2,5 метра, а на 1,8 метра они прыгают даже без разбега. Что касается мальчиков, то их результаты колеблются от 1,7 до 2 метров (с разбега, разумеется).

Ни один юноша этого племени не будет назван «зрелым мужем» до тех пор, пока не прыгнет выше собственного роста (что при солидных габаритах ватусси отнюдь не просто). Ватусси также прекрасно стреляют из лука и бросают копье.

* * *

Этот перечень игр далеко не полон. Можно еще и еще приводить примеры широкого распространения физических упражнений среди народов Африки (причем

почти всюду спортивная тенденция все увереннее вытесняет ритуальную). Но даже лишь упомянутые здесь факты убедительно свидетельствуют о давних и стойких национальных традициях в сфере народных игр и развлечений.

Высокие результаты, которые неизменно показывают африканские атлеты, неслучайны. И уж отнюдь не являются результатом колониального влияния. Наоборот! Расцвет спортивной Африки начинается только сегодня.

И снова обратимся к фактам. Впервые на Олимпийских играх в Токио спортсмены молодых африканских государств выступили под своими национальными знаменами. Выступили достаточно успешно! Впрочем, выходящие спортсмены Африки принимали участие в этих всемирных состязаниях и раньше, но тогда они вынуждены были выступать за команды своих порабощителей, ибо не имели других возможностей попасть на олимпийские игры.

История спорта знает немало талантливых африканских спортсменов. Так, рекорд Франции в беге на 100 и 400 метров (10,2 и 45,9 секунды) долгое время принадлежал сенегальцу А. Сею, который теперь (как и многие его соотечественники) вернулся на освобожденную родину. Широко известны имена нигерийского спринтера Абдуллы Аму (пробежал 200 метров за 20,3 секунды), олимпийского чемпиона по марафонскому бегу Абебе Бикилы из Эфиопии, победителя британских игр по прыжкам в длину М. Ахея (Гана), рекордсмена Республики Чад по прыжкам в высоту М. Удрисса (его лучший результат — 2,22 метра). Все чаще встречаются в мировой спортивной прессе имена боксеров Нигерии, Ганы, Берега Слоновой Кости (например, Н. Ли — чемпион Африканского континента и Франции).

О талантливости негроидных народов убедительно говорят и достижения чернокожих спортсменов Соединенных Штатов Америки, начиная от триумфатора Олимпийских игр 1936 года в Берлине Джесси Оуэнса (блистательные победы в беге на 100 и 200 метров и в прыжках в длину) и кончая фантастическим прыжком Боба Бимона на Олимпиаде в Мехико.

А в Риме из 11 золотых медалей, завоеванных командой США в легкой атлетике, 7 принадлежат не-

гритянским спортсменам. Неграми были все три победителя из состава боксерской команды американцев.

Успехи африканских атлетов на XX Олимпийских играх в Мюнхене еще более красноречивы. Команда Кении увезла из ФРГ 9 олимпийских медалей, опередив представителей Канады, Норвегии, Чехословакии, Мексики, Югославии и многих других стран.

Всего же спортсмены семи африканских государств, выступавшие в Мюнхене, завоевали 17 олимпийских медалей. И лучшим среди них сегодня по праву является бегун из Кении Кипчого Кейно — золотой медалист на дистанции 3000 метров с препятствиями и серебряный — в беге на 1500 метров. А квартет его соотечественников уверенно победил всех соперников в легкоатлетической эстафете 4 × 400 метров.

К этому прибавились бронзовая медаль эфиопского марафонца Мамо Волде, серебряная Мохаммеда Гамуди (Тунис) в беге на 5000 метров и бронзовая, которую завоевал Мерус Ифтер (Эфиопия) на дистанции 10 000 метров.

Призерами Мюнхенской олимпиады стали многие африканские боксеры: Лео Рвабвого (Уганда), Филипп Варуинге, Самуэль Мбугва и Дик-Тайгер Мурунга (все трое из Кении), Исаак Даборг и Исаак Ихурия (оба — Нигерия) и Принс Амарти из Ганы.

* * *

Перечислить все спортивные игры и упражнения африканцев невозможно, хотя бы потому, что часть из них еще просто не исследована. Но бесспорно одно: спортсмены Африки в самое ближайшее время внесут немало поправок в таблицы мировых рекордов. И отправной базой для этого будут служить национальные спортивные игры, развлечения и природные склонности, которые возникли под влиянием жизненных условий и формировались на протяжении столетий.

Глава IV   **ПОСЛЕДНИЕ НЕ ТОЛЬКО ИЗ МОГИКАН**

Солидные академики и шумливые шквальники, прославленные спортсмены и задумчивые авторы научно-фантастических повестей — все они в свое время одинаково лихорадочно, страница за страницей глотали захватывающие романы Майн Рида, Фенимора Купера, Луи Буссенара... Это волнующие повествования о благородных и бесстрашных обитателях североамериканских лесов и прерий. Об их быте, приключениях и подвигах.

Но все это, к сожалению, осталось лишь на страницах книг. Прежних (настоящих!) хозяев Америки — мужественные индейские племена — неумолимая капиталистическая «цивилизация» уже почти стерла с лица земли. В резервациях грустно доживают свои дни последние потомки Большого Орла и Маленького Бизона — обездоленные, обкраденные, униженные, лишенные главного в жизни — свободы.

Некогда многомиллионный народ вымирает. А вместе с народом гибнут его искусство, легенды, обычаи, праздничные и ритуальные игры...

Игры гордых племен

«Медвежье слово», «Кроличья дубинка», «Кривое крыло», «Снежная змея» — несколько странные названия, не правда ли? Но не удивляйтесь! Так именовались игры, с помощью которых североамериканские индейцы воспитывали у молодежи силу, смелость, меткость и быстроту.

Разумеется, игр было очень много: сотни и сотни! И характерно, что содержание их определялось той стадией родового общества, на которой находилось данное индейское племя. Поэтому вполне понятно, что игры охотничьих племен отличались от обрядовых упражнений скотоводов или земледельцев. Но при любых обстоятельствах ни один праздник, ни одно мало-мальски значительное событие в жизни племени не обходилось без общинных игр.

Главные из них проводились в определенные сроки, и часто им предшествовали религиозные обряды, шаманское камланье и ритуальные танцы.

Так, индейцы-чейоны исполняли магическую пляску, одевшись в бизоньи шкуры. Они верили, что это принесет успех на охоте. Но ритуальная сторона танца не была бессмысленной: охотясь на бизонов, индейцы накрывались шкурами этих животных и на полусогнутых ногах приближались к стаду. Так, искусно имитируя движения бизонов, охотники порой проходили несколько километров. И теперь ясно, сколь велико для них было значение предварительной «праздничной» тренировки.

А у индейцев-гуронов существовали такие состязания: молодой охотник-бегун должен был догнать оленя и на аркане привести его к своему вигваму. Олень издавна служил символом успеха и процветания рода.

Часто орудиями игр охотничьих племен были лук и стрелы (и даже их отдельные части). У индейцев-кечуа юноши состязались в стрельбе так: по лесной поляне катилось маленькое серсо (лубяной обруч), в которое надо было попасть стрелой. Затем серсо подбрасывалось вверх, и юные стрелки старались поразить его на лету.

А что же такое «Снежная змея»? Эта игра была известна почти всем североамериканским индейцам. Заостренный с обоих концов обломок стрелы скользящим движением бросали вперед по твердому снегу. Палочка

несколько раз подскакивала и «бежала» иногда на расстоянии 50, 70 и даже 90 метров. При этом важно было, чтоб она в своем движении сохраняла определенное направление. Часто след палочки был извилистым: отсюда — название игры. Победителем считался тот, чья «змейка» убегала дальше других...

Традиционные весенние состязания юношей кечуа, прокезов и хопи состояли из бега, борьбы и стрельбы. Барны и бегуны обязательно надевали вышитые пояса из кожи и красной фланели. Юноша хопи должен был не только быстро пробежать лесными тропинками 40—50 километров, но и добыть по дороге пять белок или трех больших птиц.

Мальчики и взрослые индейцы постоянно упражнялись, метая в цель копья, ножи и тамагавки. Некоторые даже умели бросать свой боевой топорик стоя спиной к мишени, которой служила в этом случае голова волка. И попадали в нее с расстояния до 30 метров! Секрет их меткости тем загадочней, что зеркалами метатели, насколько известно, не пользовались...

Великолепно описал быт индейцев-чейонов американский путешественник и художник Джордж Кетлин: «...они — лучшие укротители мустангов, а ловят их пешком, без помощи лошадей. В левой руке чейон несет лассо, а в правой — кнут; в кармане — горсть сушеного перца, которое он ест на ходу. Быстрым и ровным шагом (которым может идти и день, и два) он следует за испуганными животными и в конце концов догоняет окончательно обессиленных мустангов».

Многие состязания приурочивались к инициации. Испытания эти нередко носили весьма суровый (чтобы не сказать — жестокий) характер. Ибо индейцы справедливо полагали, что преодоление трудностей закаляет будущего воина и охотника. Иногда посвящаемый бежал по каменистой почве до тех пор, пока его босые ноги не начинали оставлять кровавые следы. На ритуальных состязаниях юноши чейоны пробегали за солнечный день 120—150 километров и после этого, вернувшись в селение, еще принимали участие в общинных танцах, длившихся до утра.

Во время инициации юношей испытывали муравьиными укусами, кололи стрелами, делали на их коже весьма глубокие надрезы. Все это полагалось сносить терпеливо, безмолвно и желательно с улыбкой (!).

В некоторых племенах методы физической закалки распространялись и на девушек. Так, у пуэбло и патагонцев это привело к тому, что женщины почти не уступали мужчинам в росте и силе.

Но самыми любимыми и популярными среди индейцев всех племен были игры с мячом: кожаным, тряпичным, деревянным, веревочным и даже каменным. Мяч у индейцев считался священным предметом, символизирующим Солнце, Луну и Землю одновременно. Поэтому во многих играх запрещалось касаться его руками: играли специальными ракетками. И не случайно один из родов племени ирокезов так и назывался — «мяч».

В играх род выступал против рода, селение против селения, а иногда даже племя против племени. Представляете себе команду в 200 игроков? Трудно, почти невозможно вообразить такое. Тем не менее у племени майами в две команды порой входило... 2000 участников. А команды в 300—400 человек считались явлением замечательным. Приглашением к игре служил специальный жезл, который торжественно приносили в селение будущих «соперников».

Деревянный, каучуковый, кожаный или сплетенный из мягких корней мяч гнали по игровому полю, длина которого превышала порой два километра. Чаще всего поле располагалось на полпути между двумя индейскими деревнями. По краям ставились ворота: два высоких столба с поперечной перекладиной. Игра начиналась с центра, и, естественно, мяч надо было забить в ворота противника. Каждый гол отмечался не только мощными боевыми криками, но и небольшим перерывом. Время игры чаще всего определялось количеством голов (о которых договаривались заранее).

Чоктавы, сименолы и сенеки всегда играли держа в правой руке (а иногда и в обеих) специальную ракетку: на конце ее был сделан кармашек из переплетенных ремешков. Другие племена — ирокезы, чиппева, чероки, дакота и могикане — пользовались тисовыми клюшками.

Как только мяч, подброшенный судьей из нейтрального селения, опускался в центре поля, один из игроков, подхватив его ракеткой, мчался к воротам соперников. Защитники другой команды всячески пытались отнять у него мяч (что сделать было значительно легче, когда играли не ракетками, а клюшками). Разрешались пере-

дачи мяча партнеру по всем направлениям и... перепрыгивание через соперников. Но при этом строго запрещалось задевать ногами перья головного убора того, через кого ты прыгаешь. Легко представить себе высоту и мощное изящество этих прыжков.

Достигнув ворот соперников, надо было забить мяч так, чтобы он рикошетом отскочил от столба-штанги (угол падения равен углу отражения!). Защитники, естественно, старались перехватить мяч и отбить его обратно в поле.

Порой сила удара была очень велика. Тем не менее, даже получив неожиданный удар клюшкой или мячом по лицу, индеец должен был, пересилив боль, весело рассмеяться. Сердиться в таких случаях или тем более плакать считалось позорным и недостойным мужчины.

Правда, следует учесть: никогда и ни за что игрок-индеец не позволил бы себе ударить соперника умышленно, ибо это считалось крайним проявлением бесчестия и низости. Поэтому вопрос об оскорблении отпадал сам собой даже при довольно тяжелых травмах...

Но, пожалуй, самой оригинальной была игра ирокезов, называвшаяся «Высокий мяч». Индейцы состязались, передвигаясь по полю на высоких ходулях. Мяч можно было подбрасывать не только ракеткой, но и головой. Количество голов тут обычно ограничивалось тремя или пятью. А в повседневной жизни ирокезы использовали ходули при переправах через речки, широкие рвы и овраги. Есть упоминание и о том, как индейцы встали на ходули, штурмуя один из деревянных фортов европейских переселенцев...

Все описанные и подобные им состязания проходили в непринужденной обстановке племенных празднеств. А иногда поводом для них могла послужить просто удачная охота. Характерно и то, что наградой победителям чаще всего служили почет и уважение соплеменников. Ибо награды выше этой индейцы не признавали.

Челн Гайаваты

Из всех спортивных суден самые легкие, как известно, байдарки и каноэ. А тысячи путешественников из всех стран мира ежегодно отправляются в увлекательные походы по речкам и озерам на разборных туристских байдарках самых различных си-

стем и размеров. Корпуса этих лодочек обтянуты брезентом или прорезиненной тканью.

Наконец, вспомним и знаменитые «кану» (теперь в Европе их чаще всего делают из пластмассы) — лодки, которыми все охотнее пользуются слаломисты.

Все эти легкие и красивые суденышки ведут свое начало от многочисленных предков, среди которых почетное место принадлежит лодкам североамериканских индейцев.

Вы помните, как мастерил свой челн Гайавата — герой индейских сказаний и прекрасной поэмы Генри Лонгфелло? Да-да, именно из березовой коры — материала, казалось бы, очень непрочного, но...

Эта великолепная байдарка из бересты вызвала восхищение первых исследователей-европейцев. Изящная и прочная, к тому же очень легкая, она неизменно быстро стала для них (а со временем и для охотников-переселенцев и торговцев мехами) такой же необходимой, как и для ее создателей — индейцев. Все большие и малые реки Северной Америки вплоть до их далеких верховий впервые были исследованы именно на берестяных байдарках.

И хотя сегодня путь в еще не освоенные районы чаще всего прокладывает самолет, байдарка (в современном ее варианте) остается важным вспомогательным средством передвижения для геологов, этнографов, фотографов и др. Как и раньше, ее высоко ценят охотники и рыбаки.

Причина такой популярности индейского «кану» понятна: он достаточно прочен, чтобы выдержать сильный напор воды (даже во время шторма!), и обладает столь незначительной осадкой, что свободно продвигается даже по ручьям, глубина которых всего несколько сантиметров.

При умелом владении «гребком» — так называется короткое однолопастное весло — «кану» одинаково легко идет как по течению, так и против. И движется абсолютно бесшумно, что особенно ценно для охотников. Если же байдарка перевернется, она не тонет, удерживаясь на поверхности воды и сутки, и трое, и больше.

Как же изготовляли этот идеальный челн? Решив сделать байдарку, индеец первым делом обдирает высокую стройную березу с неповрежденной корой и стволom без нижних ветвей и наростов. Самой ценной считалась

так называемая «бумажная береза», которую во многих областях США и Канады называют еще и «челночной».

Жители районов, где это дерево не растет, иногда покупали драгоценную кору у других индейцев, совершая с этой целью путешествия за много сотен километров.

Толстый легкий слой коры чаще всего снимали весной. В то же время береста, снятая зимой, ценилась выше (как самая прочная). Но снимать «зимнюю кору» так трудно, что делать это отваживались лишь очень опытные мастера. Чтобы придать бересте пластичность, ее грели над огнем и сворачивали в рулон (точно так, как сворачивают ковры). Положив сверху тяжелые камни, кору опускали в речку, где она разбухла и становилась водонепроницаемой.

Сотворение «кану» сравнительно с изготовлением обычных лодок происходило в обратном порядке. Вместо того чтобы сначала заложить киль и смастерить остов, индейцы прежде всего делали берестяную обшивку. Затем вставляли фальшборты и переборки и лишь потом — «ребра» (шпангоуты). Все эти детали изготовлялись из белого кедра и для гибкости заранее размачивались и распаривались.

К деревянному остову кору пришивали с помощью тонких волокнистых корешков лиственницы или сыромятных ремешков. Случайные разрывы заклеивали сосновой смолой, смешанной с салом. Внутренняя поверхность бересты служила внешней поверхностью байдарки. Сперва золотисто-желтая, со временем она серела. На носовой части челна мастер обязательно изображал символический знак — свой личный или всего племени.

Формы «кану» были достаточно разнообразны. Размеры — тоже: от одноместных охотничьих, которые можно поднять одной рукой, до «семейных», рассчитанных на несколько человек с багажом.

Один из путешественников XIX столетия оставил достаточно выразительное описание флотилии управляемых индейцами грузовых лодок на озере Онтарио:

«Соревнуясь, кто пришвартуется первый, они мчат по воде стрелой до самого причала, где внезапно останавливаются, словно при помощи какой-то магической силы. Для этого каждый гребец что есть мочи табанит, а потом все разом поднимают ярко-красные лопасти гребков на борт, обдавая себя ливнем брызг. Прибытие такой флотилии — радостное и незабываемое зрелище».

Остается пожалеть, что сегодня в США уже никто подобного не увидит...

До середины XIX столетия по Великим озерам большинство грузов перевозилось именно на таких лодках, вмещающих шестнадцать гребцов и полторы тонны багажа. А перенести гигантскую байдарку из одного водоема в другой могли четверо!

Для обшивки «кану», изготавливаемых сейчас в США, применяется парусина. Это тоже индейское изобретение.

Рассказывают, что охотник из племени пенобскотов (или олд-таунов), которые жили в нынешнем штате Мэн, как-то летом повредил свою лодку. В это время года очень трудно достать хорошую кору. И ему пришла мысль залатать пробоину парусиной. Произошло это примерно в 1880 году.

Опыт оказался удачным. Прошли годы, и байдарки целиком обшитые парусиной, уже стремительно неслись по всем рекам Северной Америки. Впрочем, в 1910 году еще можно было встретить и берестяные суденышки...

В честь своего изобретателя парусиновые байдарки носят название «олд-таунских». Изготавливают их во многих городах на севере США и Канады. Непревзойденными знатоками этого дела и сейчас считаются немногочисленные представители вымирающего племени пенобскотов.

В наше время парусину обязательно покрывают слоем водонепроницаемого лака и красят в синий, желтый, красный, а чаще всего в зеленый цвет. Такую байдарку можно приобрести в любом американском магазине спорттоваров. Ими пользуются теперь для прогулок даже курортники.

Наиболее распространены пятиметровые «кану», борта которых в самом широком месте отстоят друг от друга на 86 сантиметров при глубине 30—33 сантиметра. Суденышко рассчитано на четырех пассажиров. Но справиться с ним может при необходимости и один (как на берегу, так и на воде). И плывут по малым и большим рекам легкие и яркие «кану» как напоминание о своих мужественных, обездоленных создателях.

Таков краткий рассказ про вчера и сегодня берестяного челна, который сделал для себя и своих соплеменников легендарный Гайавата. Тот самый Гайавата, что курил поквану — трубку мира.

Неутомимые тараумара

Повествование о спортивных свершениях американских индейцев было бы неполным без упоминания обитателей Западной Сьерра-Мадрэ в Мексике — представителей племени тараумара. «Быстрая нога» — так переводится это название.

Известно немало примеров почти фантастической выносливости этих индейцев. Как-то один девятнадцатилетний тараумара за 70 часов перенес сорокапятикилограммовую посылку на расстояние 120 километров. Его соплеменник, неся важное письмо, за пять дней преодолел расстояние 600 километров. И недаром индейцев-тараумара часто нанимают именно для срочной передачи важных сведений (ведь телеграф в горных районах отсутствует!). Хорошо тренированный посланец способен пробегать за 12 часов не менее сотни километров и может бежать в таком темпе четверо и даже шестеро суток.

Некоторые мексиканцы — хозяева ранчо — нанимают быстроногих индейцев для охоты на мустангов.

Тараумара ведут полукочевой образ жизни. Большую часть года они проводят на горных плато, а зимой спускаются в глубокие и теплые каньоны бассейна реки Фуэртэ. Там «быстроногие» занимаются охотой, скотоводством, земледелием и работают лесорубами. Образ жизни требует от них постоянной подвижности. Большую часть суток они на ногах, причем почти все время передвигаются бегом.

Серьезным испытаниям подвергаются тараумара на традиционных состязаниях «далахипу». Это бег с деревянным мячом. Обычно состязаются раздельно мужчины, женщины и дети. Но иногда проводят соревнования и, так сказать, «одной командой».

Попытайтесь представить себе такую картину: две группы-команды (все босые, и в каждой команде от 2 до 12 участников) гонят перед собой два деревянных шара величиной с апельсин. Лидеры постоянно меняются. Бегун все время подбрасывает шар и толкает его вперед пальцами ног. Трасса неизменно пролегает по сильнопересеченной местности. Поэтому обе группы то и дело скрываются в оврагах, небольших рощицах, перелесках или за складками холмов.

Продолжительность бега достаточно велика. Например, воскресные соревнования мальчиков 6—12 лет длятся с небольшими паузами 24 часа (!).

Талии бегунов обязательно перехвачены кожаными поясами, к которым подвешены кусочки камыша, оленьи копыта, пустые патронные гильзы. Считается, что их подбрякивание не даст бегуну... задремать на дистанции.

Обычно на таких состязаниях соперники пробегают от 120 до 300 и более километров. С наступлением темноты вдоль трассы загораются костры, а болельщики зажигают факелы и бегут рядом с участниками, помогая отыскивать мяч, когда он скатывается с тропинки в кусты. Отдыхают бегуны считанные минуты во время еды.

Недавно выяснили, что в период состязаний тараумара теряют более 10 000 калорий за сутки. Это превышает предельные нормы расхода энергии лыжников-марафонцев, альпинистов и даже участников многодневных велогонок.

Загадочная выносливость «быстроногих» еще не нашла обоснованного научного объяснения. Тем более что условия жизни и питание индейцев, мягко выражаясь, оставляют желать лучшего. Однако можно с уверенностью сказать: важную роль играют суровый образ жизни этого племени и многовековые традиции.

Возникает неизбежный вопрос: не удивят ли представители племени тараумара зрителей и участников ближайших олимпийских игр своими сенсационными результатами?

Пока, вероятно, не удивят. Ибо для подготовки спортсмена международного класса в наше время нужны годы и достаточно, как говорят ученые, адекватное питание. Племя же тараумара чаще всего влачит жалкое существование, граничащее с голоданием.

Кроме того, для победы в современном марафоне необходима скорость около 19 километров в час. Тараумара же привыкли бегать значительно медленнее, преодолевая за час лишь 10—13 километров.

Им недостает быстроты, хотя ее, несомненно, можно развить на базе феноменальной выносливости тараумара. Но это, как уже было сказано, требует времени и нормальных условий жизни.

Русский этнограф и неутомимый путешественник Ю. Зубрицкий еще в середине прошлого столетия про-

За шесть лет среди кечуа и других индейских племен.

Эпиграф:

«...исполненные отваги и ловкости, состязания юношей индейцев проникнуты самобытностью и говорят о жостком праве на жизнь». Да, право на жизнь! Но, к сожалению, именно этого элементарного права лишены сегодня индейцы — коренные обитатели и бывшие хозяева Америки.

Глава V ГОЛ ЦЕНОЮ В ЖИЗНЬ

Теплым осенним днем 1528 года по всей Испании звонили в колокола. В храмах проходили торжественные молебны в честь победного возвращения одного из покорителей Нового Света — Энрико Кортеса.

Огнем и оружием сломив сопротивление ацтеков, Кортес завоевал их империю, достаточно оперативно превратив всю Мексику в испанскую колонию. Что говорить о методах конкистадора, если даже в те неласковые времена его называли не иначе как «Энрико Жестокий».

А теперь, ступив с корабля на Пиренейское побережье, он вез на многочисленных телегах подарки Карлу V: удивительные изделия индейцев, неизвестные ранее европейцам лекарственные растения, душистые коренья, драгоценные камни и, разумеется, слитки мексиканского золота.

На передней телеге сидели четверо грустных индейцев-ацтеков. Тела их были раскрашены красной, синей

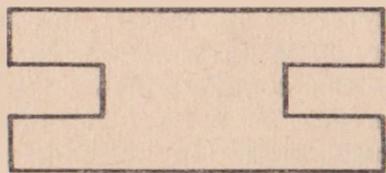
в черной красками. Один из индейцев держал в руках шарик мяч. То был каучуковый мяч для национальной игры «тлачтли», которая возникла очень давно и называлась «тлачтли».

Вообще-то в мяч, как вы помните из предыдущих глав, играли еще древние греки и римляне. Но ни резина, ни каучук, естественно, им не были известны. Первый каучуковый мяч вместе с другими редкостями был привезен в Европу в 1496 году матросами Колумба. Но на своей родине он существовал издавна: этому мячу не меньше 3000 лет.

Испанские летописи подробно рассказывают об игре «тлачтли»: ею увлекались в разных частях Америки. Но еще больше сведений дают нам археологические раскопки.

Как и каждая национальная игра, «тлачтли» отличалась оригинальностью правил. Скажем больше: эта «оригинальность» порой носила трагический характер. Но об этом позже...

У майянских племен, что обитали по низинам Древней Мексики, корт состоял из мощеной аллеи (примерно 10 или 28 метров), обрамленной с двух сторон кирпичными скамьями и с двух других — наклонной или вертикальной стеной. Вообще же поле имело такие очертания:

Резные каменные глыбы различной формы служили отметками на поле и вертикальных стенах болкорта. В игре принимали участие две команды (от двух до десяти игроков в каждой). Играли очень массивными каучуковыми мячами (весом от 2 до 4 килограммов). Эта игра майянцев походила и на футбол, и на баскетбол одновременно.

Игроки поддерживали мяч в движении, подбивая его всеми частями тела, кроме... рук и ног. Точнее, можно было касаться мяча коленом или локтем, но бить стопой или ладонью строго возбранялось. При этом учитывались многие моменты: коснулся ли мяч определенных

зональных пометок, упал ли он просто на землю соперников или оказался в конечной зоне и т. д.

Гол засчитывался тогда, когда игрок попадал мячом в кольцо (или гнездо) противоположной команды. Крепилось кольцо к стене (достаточно низко от земли) и, в отличие от современного баскетбола, было сориентировано не горизонтально, а вертикально.

Уже проведена реконструкция болкорта, сравнительно недавно открытого археологами в городе Чичен-Ица на Юкатане. Эта площадка для игры была сооружена примерно в 850 году до н. э.

Форма гнезда, в которое залетал мяч, была заимствована юкатанскими майя у толтеков (одно из племен Центральной Мексики).

Для защиты от сокрушительных ударов тяжелого каучукового мяча игроки надевали специальные защитные доспехи, похожие на те, в которые облачаются современные хоккеисты. Широкие кожаные пояса с передниками, такие же наколенники, кожаные рукавицы до локтей и большие прочные шлемы.

Исследователям существенно помогли терракотовые фигурки древнемайанских игроков. Они были найдены во время раскопок в Британском Гондурасе сотрудниками Музея естественной истории (Чикаго).

Хотя игра в мяч у майя носила немало светских черт (например, присутствие зрителей), все же в своей основе она была культовой и ритуальной. Большие корты при специальных храмах сооружались лишь в значительных религиозных центрах. А в их оформлении виден четко продуманный символизм. На каменных фризах изображались игроки. Отдельные камни, вырезанные в виде ног, кистей рук и голов, имели не только ритуальное, но, скажем прямо, и довольно зловещее значение. Ибо самой неприятной и страшной (с нашей, современной, точки зрения) «деталью» являлось то, что эта игра была тесно связана с человеческими жертвоприношениями. Барельефный фриз большого корта в Чичен-Ица показывает капитана команды-победительницы. В высоко поднятой руке он держит только что отсеченную голову капитана проигравшей команды. Тот стоит на коленях перед победителем, и кровь (в форме шести змей) бьет фонтаном из его обезглавленной шеи. Между ними изображен мяч, на котором нарисован череп (символ смерти!).

Да, эта майянская игра была тесно связана с религией: с богами подземного царства (согласно давним сказаниям, они имели собственные болкорты и были азартными игроками), а также с богами дня и ночи, ветра, солнца и урожая.

В интересной книге советского писателя, кинорежиссера и путешественника Василия Чичкова «В погоне за Мексикой» дается весьма живое (если еще учесть и дистанцию во времени!) описание игры тлачтли.

На возвышении стоят и сидят жрецы. Среди них — верховный правитель майя. Именно его сигнала ждут игроки и зрители...

Теперь — слово автору книги: «Над пирамидой взвились струйки белого дыма. Он поднимается к голубому небу.

А на поле стадиона уже вышли игроки. Защитники бога ветра в красных набедренных повязках, защитники бога дождя — в синих. На руках у игроков браслеты из сушеных плодов. На коленях — кожаные подушки. Тяжелый круглый мяч лежит на поле стадиона. Его сделали из белых слез, которые роняет священное дерево, если его ранят.

Игроки пока не трогают мяч. Они бегают по полю. Встав на колени и локти, они прыгают, как лягушки. Среди них два лучших игрока индейцев майя: Синтейют и Шимчах...

— Защитники бога дождя и бога ветра! — разнеслись над стадионом слова верховного правителя. — Вы начинаете священную игру в мяч. И пусть каждый из вас честно отдаст свои силы и ловкость этой священной игре, и тогда мы будем знать, какую судьбу нам готовит будущее.

...Вы должны биться за победу, как за свою собственную жизнь, — снова прогремел голос правителя. — Жизнь главного игрока побежденной команды будет отдана богу!»

Минуту молчал стадион. Минуту стояли в оцепенении игроки. Но вот главный игрок команды защитников бога дождя Синтейют мгновенно подбежал к мячу и, по-змеиному изогнув тело, ударил его локтем. Другие игроки стали бить мяч коленями, бедрами, локтями, стараясь загнать его в каменное кольцо.

Но нелегко загнать мяч в кольцо, которое по диаметру только чуть больше мяча. А если вдруг мяча коснешь-

ся кистью руки или стопой ноги, тебе грозит смертная казнь.

Индейцы напряженно смотрят игру: ведь она определяет судьбу племени на следующий год — дождь или ветер?»

Напряжение все нарастает. Счастье вот-вот улыбнется одной из команд. Но мяч все не попадает в кольцо. А время тут не учитывается и не ограничивается: игра будет длиться (без перерыва!) до тех пор, пока мяч не попадет в кольцо и не оборвется жизнь главного игрока проигравших.

«Но вдруг среди игроков мелькнуло тело Синтейюта, он бьет мяч коленом вверх и в то же самое мгновение, будто подброшенный пружиной, устремляется вслед за мячом и локтем правой руки забивает мяч в кольцо.

— Победа! — гремит стадион. Игроки несут Синтейюта на руках к трибуне. Но он вырывается, бежит и падает ниц перед верховным правителем. Тот медленно снимает с правой руки дорогой браслет, украшенный бирюзой, бросает его Синтейюту.

Зрители поднялись со своих мест и стали бросать защитникам бога дождя драгоценности.

А защитники бога ветра во главе с Шимчахом стоят прислонившись к каменной стене. На их лицах печаль. Сейчас они простятся со своим лучшим игроком.

Жрец вынул из-под красной накидки большой obsидиановый нож, похожий на секиру. Он торжественно идет по полю стадиона, держа нож в вытянутых руках. В центре поля, где лежит мяч, жрец остановился и подозвал лучших игроков команд — Шимчаха и Синтейюта. Жрец вручил нож Синтейюту и дотронулся до плеча Шимчаха. Тот встал на колени, склонив голову. Тишина...

Но вот Синтейют поворачивается к Шимчаху. Взмах ножа, мгновенный удар — и голова Шимчаха падает.

Синтейют схватил голову Шимчаха, высоко поднял ее и побежал по стадиону, показывая голову всем: простолюдинам, жрецам, колдунам и самому верховному правителю».

Разумеется, такой трагический и жестокий финал не имел ничего общего со спортом в настоящем, современном, понимании этого слова. Все это обуславливалось социально-религиозными обстоятельствами тех далеких времен: рабская зависимость от прихотей природы при-

ведила индейцев к такой же зависимости от жрецов и представляемых теми богов.

Эта глава началась описанием торжества в Мадриде. По приказу короля (и под надзором Кортеса) тут был сооружен майянский болкорт и индейцы-майя воспроизвели перед изумленным Карлом V и его свитой игру своих далеких соплеменников.

Пройдет совсем немного времени, и сообщения об этой необычной игре полетят в столицы других европейских держав. Скоро появятся в Европе и каучуковые мячи, привезенные из Нового Света, и постепенно к ним прилькнут европейские спортсмены. Каучуковый мяч изменит правила старинной игры в теннис и даже повлияет на футбольные законы.

Появится волейбол, где по индейским правилам команды будут стараться изо всех сил не дать мячу коснуться земли.

А баскетбол? То же самое кольцо, но теперь оно повернуто горизонтально, а не вертикально.

Кроме сверхдлительных игр в мяч-тлачтли, которые происходили в религиозных центрах в строго определенных дни, существовали у майя, конечно, и неритуальные игры. В них, вероятно, играли во всех городах и селениях империи ацтеков. И уж, конечно, без трагических последствий, описанных выше.

О популярности этих игр можно судить хотя бы по перечню дани, которую получал знаменитый царь Монте-суми. В так называемом «Кодексе Мендосы» упоминается, что столица государства ацтеков Теночтитлан ежегодно получала 16 000 каучуковых мячей в качестве дани от 22 городов юго-западной Мексики — из страны каучуконосов. Согласитесь, что 16 000 мячей лишь для редких ритуальных игр — это, пожалуй, многовато.

Глиняные фигурки, изображающие игроков в мяч, сравнительно недавно были найдены археологами и в Тлатилко (поблизости от современной столицы Мексики). Статуэтки эти датируются приблизительно 800—500 годами до н. э.

Глава VI ДАЛЕКО ЛЕТИТ ВИТ-ВИТ...

«Непроницаемой тайной и сегодня еще окутаны аборигены Австралии. Среди прочих культурно отсталых народов они вызывают наибольший интерес ученых. Объясняется это загадочностью их истории, своеобразием жизненного уклада бродячих охотников» — так писал о коренных австралийцах известный ученый-этнограф У. Чеслинг. Действительно, исключительность условий исторического развития, многовековая изолированность от остального земного населения наложили отпечаток всесторонней оригинальности на повседневную жизнь аборигенов Австралии и соседних архипелагов. Касается это и методов физической закалки, и спортивных развлечений.

Для стоящих на средней и высшей ступенях родового строя австралийцев очень характерно органическое переплетение игр и повседневных охотничьих походов. А охота здесь часто носит коллективный характер. Ибо добывать, предположим, быстроногих кенгуру в одиночку достаточно далеко не каждому. В многочисленных облавах на этих животных порой наравне участвуют и мужчины и женщины. Коллективный характер принимают и магиче-

ские охотничьи танцы — виртуозная имитация погони и поимки животных. Физическое напряжение тут иногда ничуть не меньше, чем во время настоящей охоты. Отбросив ритуальную шелуху, можно спокойно поставить знак равенства между словами «танец» и «тренировка».

Аборигены не знают себе равных, например, в лазании по деревьям. В погоне за опоссумами, коалами (сумчатый медведь) и другими животными они легко взбираются по абсолютно гладким стволам. На дереве топором делают зарубки (да и то не всегда). Затем из сухожилий кенгуру плетется упругий и прочный пояс, который австралиец обвязывает вокруг своего тела и дерева. Упираясь ногами в ствол, а спиной — в канат из сухожилий, он ловко взбирается на любое дерево, передвигая руками пояс все выше по стволу...

Физическое воспитание осуществляется и в процессе повседневного труда: ведь изготовление простейших охотничьих орудий требует от мальчика или юноши смекалки, силы, глазомера, настойчивости и ловкости. А в легкие охотничьи походы австралиец берет сына, едва тот научится самостоятельно ходить. Так мальчик понемногу приучается владеть луком и стрелами: в качестве первого подарка отец изготовит их ему по росту.

Малолетние представители прибрежных племен начинали с того, что учились поражать из лука заплывших на мелководье рыб. При этом стрела привязывалась тонким и длинным канатиком, чтобы добыча не ускользнула, унося с собой оружие.

Теперь предоставим слово советскому ученому Н. П. Пономареву:

«В австралийском обществе имелся институт с явно выраженной педагогической направленностью. Это широко распространенные инициации — весьма обширная и разнообразная группа обрядов, которые сопровождали рождение человека, переход от одной возрастной группы в другую, прием в род и племя или исключение из них, переселение и т. п.».

...Каждый юноша с напряженным волнением ожидал того дня, когда старейшины объявят во всеуслышание, что он достоин вступить в отряд инициантов. И вот уже «мудрейший воспитатель» (один из старейших охотников) потайными лесными тропинками ведет молчаливую группу к месту будущей «школы». Еще по дороге мальчики должны убить столько дичи, чтобы ее хватило на

две первые трапезы у самостоятельно разведенного ко-стра.

Начинаются ежедневные уроки: будущий охотник должен научиться безупречно владеть оружием, безошибочно распознавать по следам и повадкам зверей и птиц, повиноваться приказам старших, а в случае необходимости — принимать самостоятельные и верные решения.

Изнурительные многодневные охотничьи походы сменяются «солнечным бегом»: юноши должны безостановочно бежать от восхода и до захода солнца. При этом дистанция проходит по густому лесу, через овраги и холмы, изобилует глубокими рвами (их надо преодолеть прыжком), завалами из переплетенных стволов и прочными сетями из вьющихся растений. Но это были лишь первые этапы трудных шестимесячных испытаний.

Обряд посвящения понимался аборигенами как вторичное рождение иницианта — рождение «не мальчика, но мужа». Он учился поражать стрелой и копьем нарисованных на песке кенгуру, ловко приземляться (будучи сброшенным сверстниками высоко в воздух), а получив, наконец, первое настоящее оружие, 14 дней участвовать в учебных боях. В середине посвятельного периода юноши состязались в борьбе и учились бесшумно подбираться к животным или соплеменникам.

Наконец наступали дни «вершины» — последней и самой трудной ступени. Это наиболее мучительные испытания, проводящиеся порой на грани человеческих возможностей: четырехсуточное бодрствование сменялось бичеванием, кровопусканиями, выбиванием передних зубов и, наконец, «испытанием огнем».

* * *

Интересно, как вы реагировали бы на предложение поймать голыми руками... акулу? Вероятно, без особого энтузиазма. А вот среди аборигенов Австралии найдется немало смельчаков, которые даже не сочтут это подвигом.

Уже упомянутый миссионер и этнограф У. Чеслинг, долгое время живший среди австралийцев, рассказывает о случае, произошедшем в море:

«Неожиданно копья моих спутников смыло волной за борт, и я не представлял себе, как они будут охотиться. Но, к моему изумлению, вечером все трое вернулись

с парой скатов и небольшой акулой. Когда я спросил как им удалось добыть этих опасных рыб, один из охотников спокойно ответил: «Я нырнул и поймал их руками».

Кроме всего прочего, этот отрывок дает нам представление о том, сколь великолепные пловцы и ныряльщики живут в Австралии. Ведь рыболовство и охота (в том числе и подводная) — главное занятие большинства аборигенов, для которых это не только жизненно необходимый промысел, но и любимый спорт.

Австралийцы и в наше время частенько пользуются на охоте копьем неолитических времен. Примечательно и вот что: дабы не спугнуть будущую жертву видом грозного оружия, абориген не спеша приближается к животному или птице с пустыми руками, передвигая копьё по земле с помощью... пальцев ног. А перехватить его в нужный момент рукой — секундное дело.

Невероятным покажется европейцу и умение аборигенов незаметно приближаться по голой, совершенно открытой местности к чуткому кенгуру. Помогает охотнику и темный цвет кожи, и серая глина, которой он иногда обмазывается для «камуфляжа», и, наконец, почти фантастическая пластичность движений и ловкость. Так австралиец незаметно подбирается к кенгуру буквально на 10—20 метров и с огромной силой (и очень точно!) бросает дротик.

Бывает, что охотник преследует животное открыто, не прячась. Кенгуру несется вперед, легко выигрывая у человека сотни метров. Но уже через час-два устает, замедляет бег и наконец останавливается. Охотник снова приближается, и погоня возобновляется, продолжаясь до полной темноты.

Немного поспав у костра, на рассвете абориген возобновляет преследование. Настойчивость человека обычно побеждает, и в конце концов обессиленное животное гибнет от удара копья. Так же индейцы-чейоны ловили в свое время диких мустангов. Только оружием их было не копьё, а лассо.

...Совсем по-иному охотятся на страуса. Птица эта бежит не хуже лошади, но, к счастью охотников, весьма глупа и любопытна. Туземец прячется в кустах и помахивает оттуда каким-нибудь ярким предметом. Заинтересовавшись, страус подходит все ближе, ближе и нако-

нец становится жертвой охотника и собственной неосмотрительности.

Иногда пользуются палкой с насаженной на нее головой эму. Мастерски имитируя движения страуса, австралиец приближается к птицам, и развязка наступает довольно быстро.

Не меньшей ловкости требует и охота на водоплавающих птиц. Охотник ныряет где-нибудь у берега, тихо приближается под водой к намеченной жертве и, поймав ее за ноги, тянет вниз. Иногда он подплывает, прячась за огромными листьями водяной лилии, укрыв голову пучками травы или надев на нее пустую тыкву.

Значительное место в меню аборигенов Австралии и Океании занимают мясо и яйца морских черепах. Выследив из лодки бронированную громадину, смелый пловец ныряет и догоняет черепаху под водой. Затем садится на нее верхом и старается направить животное вверх и к берегу! По свидетельствам путешественников, примерно три черепахи из пяти покорно вывозят охотника на мелководье. Становится понятным, почему столько мировых рекордов по плаванию принадлежит именно австралийским спортсменам!

На крокодила же аборигены охотятся коллективно. Не боясь острых зубов грозных рептилий, они заходят глубоко в воду и, выгнав крокодила на мель, убивают его копьями и дубинами.

Одним из самых распространенных спортивных упражнений у юных австралийцев является следующее: из коры эвкалипта мальчики вырезают небольшие диски (размером со столовую тарелку). Затем они пускают эти диски по воздуху плашмя в сторону шеренги своих сверстников. А те, заранее изготовясь, стараются поразить дротиком летящий диск.

Популярна тут и спортивная борьба. Ее приемы необычайно разнообразны. Так, в местности Виктория борцы обхватывают один другого за плечи, в Квинсленде — за бедра. Что же касается Полинезийских островов, то здесь борьба иногда устраивалась... в воде. Впрочем, особенно популярной «водяная борьба» не стала из-за своего грубого характера. По условиям состязаний соперника надо было как можно дольше (!) продержат под водой.

На реке Батавия в темные мартовские ночи с давних времен устраивались силовые состязания с шестом. Внешне это напоминало общеизвестное перетягивание

вината. С той разницей, что противники не тянули шест к себе, а наоборот — отталкивали. И все это — при свете факелов и в сопровождении хора девушек, исполнявших «песню сильных».

Как на островах Полинезии, так и на материке многие любят «катание на волнах». Эти игры свойственны только океаническим народам. Спортсмен берет с собой специальную короткую доску и выплывает за линию прибой. Подстеревши высокую волну, он направляет доску на ее гребень и, выпрямившись во весь рост, летит с крутого ската прямо на берег. Этот далеко не безопасный вид спорта в свое время прекрасно описал Джек Лондон. С конца прошлого века катание на досках подхватили и полюбили европейцы...

Но наиболее любимы австралийскими спортсменами всевозможные метания. Для этого используется как обычное оружие, так и специальные его виды.

До сих пор почти не известен на других континентах очень распространенный в Юго-Восточной Австралии вит-вит. Это деревянный метательный снаряд веретенообразной формы с длинным и гибким концом, за который его и держат при броске. Длинной вит-вит бывает до метра. С обоих концов палка заострена. Взяв снаряд за гибкий конец, абориген после нескольких взмахов бросает его вперед и вверх. Многочисленные исследователи-свидетели отмечают, что вит-вит летит на 200 и даже на 300 метров. Но траектория его полета не сплошная, а прерывистая: снаряд несколько раз падает, ударяется о землю, отскакивает рикошетом и летит далее в строго заданном первоначальном направлении. Побеждает тот, чей снаряд не только улетит дальше других, но и сделает наибольшее количество подскоков. Как орудие состязания вит-вит особенно часто используется в племени орунта.

Что касается копьemetания, то и тут аборигены показывают себя с наилучшей стороны. Ни один праздник не обходится без состязаний в этом виде охотничьего спорта. Длина копья колеблется от двух до четырех метров, и обычно туземец посылает снаряд на 50—60 метров. Но этот результат легко превышает вдвое и даже втрое, когда австралиец (или житель островов) пускает в ход копьemetалку — так называется небольшая дощечка, один конец которой имеет выступающий короткий зубец. При броске зубец приставляют к нижней части копья, а другой конец копьemetалки (он является рукояткой)

крепко обхватывают правой рукой. Первым и вторым пальцами этой же руки метатель придерживает копьё. Отводя руку далеко назад, он с максимально возможной силой бросает снаряд, причем копьёметалка становится естественным продолжением руки, увеличивая размах, а также стремительность и дальность полета копья. Есть сведения, что австралийцы с помощью копьёметалки посылали снаряд на 150 метров и даже далее.

Наконец, именно с Австралией всегда связывают полузагадочный бумеранг. Настало время сказать доброе слово об этом необычном, таком сложном и одновременно таком простом снаряде. Еще и сегодня он занимает почетное место в арсенале аборигенов.

Делается бумеранг чаще всего из твердых пород дерева: эвкалипта, акации, казуарины. Обычно для этой цели берут искривленный корень: он тяжелее ветвей и ствола.

Этот метательный снаряд (серпообразной формы или выгнутый посередине под тупым углом) обладает громадной убойной силой. Поверхность бумеранга почти всегда винтообразно выгнута (во многом напоминает пропеллер). Главное свойство бумеранга — способность возвращаться к метателю. Но есть и такие, которые не возвращаются.

От руки умелого охотника бумеранг может лететь в самых неожиданных (но предвиденных метателем) направлениях. Он описывает в воздухе круги, эллипсы, параболы и даже восьмерки. Особенно мастерски поражают австралийцы летящих и сидящих птиц. В последнем случае бумеранг специально бросают так, что он через 20—30 метров ударяется о землю, рикошетом с неожиданной силой летит вертикально вверх и поражает сидящую на ветке жертву. Вообще же брошенный австралийцем снаряд может описать дугу в 100—250 метров.

Недавно этнографы и специалисты по истории техники (среди них и советский ученый А. Раевский) экспериментальным путем исследовали свойства и особенности различных бумерангов. Они бросали их рукой и с помощью специальных катапульти. И неожиданно выяснилось, что «капризы» летящего бумеранга зависят не столько от его выгнутой формы и размеров, сколько от еле заметных для глаза винтообразных искривлений на поверхности снаряда. Они-то и определяют форму и характер траектории.

Этнографы различают три основные категории бумерангов: охотничий, боевой и спортивный. Практически же этих видов десятки, а может, и сотни. Но окончательно все удивительные свойства и особенности этого «самого австралийского» спортивно-охотничьего снаряда еще, пожалуй, не изучены.

В последние годы ученые и путешественники открыли миру несколько неизвестных доселе племен, скрывающихся в самых глухих и труднодоступных районах Зеленого материка. Стоящие на очень низкой ступени развития, некоторые из этих аборигенов создают тем не менее свои, неповторимые художественные орнаменты, обладают примитивным фольклором, в определенные дни года совершают ритуальные игры. И этот краткий очерк, посвященный лишь некоторым состязаниям и физическому воспитанию аборигенов Австралии, ни в коей мере не может считаться исчерпывающим.

Глава VII БОЛЬШОЙ НАДОМ

Посетители Ленинградского Эрмитажа нередко задерживаются возле так называемого «Чингизова камня» — большой каменной глыбы с древней надписью. Между прочим, это один из первых памятников монгольской письменности.

Ученым удалось прочесть древние письмена. Вот что написано на глыбе: «Когда Чингиз-Хан, возвратясь после захвата власти сартагулов, всех нойонов народа монгол поставил на состязания по стрельбе, то Исунхе выстрелил из лука на пять маховых сажень расстояния» (почти на 536 метров — Ю. Ш.). Правда, речь шла, несомненно, о простой стрельбе на дальность, а не о прицельной. И все равно достижение Исунхе вызывает почтение, ибо даже прославленный в середине века Мурада Газис стрелял «всего» на 450 метров.

С надревнейших времен монгольские воины учились побеждать в конном строю или поражать противников стрелами на расстоянии до 300 метров. Этой цели и были подчинены все военно-спортивные упражнения. Но постепенно, с изменением образа жизни монголов (переход от кочевого к оседлому), военные задачи отступают перед мирным, сугубо спортивным характером разнообразных национальных состязаний. Так, в течение последнего сто-

летия выкристаллизовались «Эринн гурван надом» (тройные состязания мужчин), которые теперь происходят в Монголии ежегодно в обстановке всеобщего праздничного энтузиазма.

Если ранее «надом» связывался с религиозными верованиями (в частности, с культом гор и бога ветра), то в наше время он превратился в настоящий всенародный праздник, который отмечается в Улан-Баторе 11 июля — в день годовщины Монгольской революции.

Сравнительно недавно родилось и второе название этого торжества: «Улсын аратын цергиин» — Государственные народно-патриотические игры, в которых принимают участие тысячи спортсменов и десятки тысяч зрителей. Есть, наконец, и сокращенное название: «Их надом», т. е. «Большой надом».

Сначала состязания проводятся в отдельных аймаках (районах), где выявляются лучшие спортсмены для участия в Общемонгольских играх. Характерно, что правительство Монголии позволяет проводить соревнования лишь в тех районах, где регулярно выполняются производственные планы и обязательства. А в прошлом «надом» проводили даже отдельные семьи.

Иные Большой надом происходит в Улан-Баторе у подножия горы Бого-Ула. Рано утром представитель Президиума Малого Хурала перерезает ленточку, что протянута под праздничной аркой, и состязания начинаются.

Первыми выступают борцы. Нередко их съезжается сюда более тысячи. Монголы говорят: «У нас национальная борьба как футбол в Европе: привлекает больше всего болельщиков!»

На ногах борцов — мягкие сапоги с национальным орнаментом, на голове — «шапка Сухэ-Батора» (островерхая, с наушниками и загнутым вверх козырьком). У каждого участника есть свой «засул» (секундант), который заботится о нем и в случае необходимости отстаивает интересы спортсмена перед судейской коллегией.

По древней традиции, идти перед зрителями борец должен так, чтобы осанкой и движениями тела напоминать льва, а руками имитировать полет птицы гаруду (которая фигурирует в мифах многих народов Востока). Правда, очень трудно изображать птицу, которую никогда не видел, но тут помогают многовековые борцовские традиции плюс опытные тренеры.

Приемы монгольской борьбы разнообразны. Они требуют не только силы, но и совершенной техники, а главное — необычайной пластичности всего тела. Порой выход некоторых борцов напоминает выход мастеров балета (особенно если речь идет о легчайших весовых категориях).

Многочисленные захваты и броски проводятся чисто и не обязательно в резкой форме. Порой даже наоборот: все происходит как при замедленной киносъемке. Это зависит от индивидуальной манеры борцов. Победленным считается тот, кто хотя бы одной рукой коснулся земли. Победитель исполняет «танец орла», пропуская под рукой (словно под крылом) соперника в знак полного мира. Поклонившись почетным гостям на трибуне, он обязательно выпивает традиционную пиалу кумыса и заедает печеньем.

Потерпевший поражение выбывает из дальнейших состязаний (не происходит этого лишь при «шахматной» системе встреч). Победители пятого и шестого туров с самых давних времен получают почетное звание «шонхор» («сокол»). Победители седьмого, восьмого и девятого туров удостоиваются титула «цзан» («слон»), а десятого и одиннадцатого — «арслан» («лев»). Наконец, двукратному абсолютному чемпиону присваивается звание «абарга» («великан», «титан») или даже «дархан абарга» («наиславнейший великан»).

Славных борцов много в Монголии. Всем известен и всеми любим абарга Дамдин: в пятидесятые годы он четыре года подряд был чемпионом страны. Абсолютный чемпион Эрдене-Очир в одних состязаниях из 21 встречи выиграл все!

Большим почетом окружены в стране борцы Бат-Суир, Тувден, Чимедочир, Цодол и многие другие. А старейший борец Монголии Тувдендорж — первый заслуженный мастер спорта МНР — раньше работал грузчиком. Увлечшись национальной спортивной борьбой, он семь раз завоевывал звание чемпиона и «великана». В последние годы Тувдендорж руководит секцией юных борцов при Дворце спорта в Улан-Баторе.

Второй вид «тройных состязаний» — скачки на лошадях (подчеркиваем: именно на лошадях, ибо еще в прошлом столетии здесь были популярны скачки на верблюдах). Причем выступают на состязаниях не только взрос-

дмы, но и дети, которые великолепно владеют всеми тонкостями верховой езды.

Дистанция соревнований в зависимости от возраста коня и наездника колеблется от 5 до 30 километров. Победитель получает почетную пиалу кумыса, пьет сам и часть выливает на голову и круп своей вспотевшей лошади. После скачек народные певцы исполняют импровизированные гимны в честь лучших коней и наездников.

Будь таким же честным и выносливым,
Как твой конь!
Тогда твой конь станет вдвое сильнее!
Умей победить в борьбе,
Но умей и достойно проиграть!
Нечестная победа опозорит тебя
На всю Монголию.
Уступив в состязании равных,
Ты останешься славен.
Но сегодня ты всех обогнал
И показал, что вы с конем —
Одно целое!
Так честно разделите почетный кумыс,
Как честно поделили свою общую победу!

Существует целая неписаная наука отбора и тренировки скакунов. Поэтому монгольские кони очень выносливы. Известны случаи, когда всадник на одной лошади преодолевал за 12 дней 2000 километров. В среднем же на одну минуту на традиционных состязаниях монгольские лошади пробегают 1600 метров. Часто можно видеть в седле семи- и даже пятилетних наездников. Правда, в этом случае детскую кавалькаду на состязаниях сопровождают два или четыре взрослых всадника (чтобы оказать детям помощь, если таковая потребуется). Но, как правило, малолетние жокеи уверенно достигают финиша, порой показывая при этом совсем не детские результаты.

Третий вид национальных состязаний — стрельба из лука. Мишени — обтянутые кожей столбики — устанавливаются на расстоянии 60—100 метров. На большой и указательный пальцы правой руки надеваются специальные напалечники, а левый рукав до локтя обматывается мягкими ремешками. Стрелы имеют тупые костяные наконечники, и поэтому возле мишеней всегда стоят судьи, которые фиксируют каждое попадание. При удачном выстреле они поднимают обе руки вверх, медленно кружатся на месте и поют хвалебную песню (но не слишком длинную, чтобы не задерживать остальных стрел-

ков). Лучший лучник получает звание «мерген» (снайпер).

Так проходят «Тройные состязания мужчин». После Народной революции женщины Монголии проявляют заметный интерес к физической культуре и спорту. Наряду с национальными видами спорта в МНР сейчас широко распространены легкая атлетика, гимнастика, лыжи, шахматы и тяжелая атлетика во всех ее видах.

В стране созданы четыре больших добровольных спортивных общества: «Сойол» («Культура»), «Худилмур» («Труд»), «Барилчагин» («Строитель») и «Хоршоолоп» («Кооперация»). Сегодня в Монгольской Народной Республике активно действуют 1200 физкультурных низовых спортивных коллективов (включая и скотоводческие). Монгольские лучники, шахматисты, конники, борцы и лыжники уже давно (и небезуспешно) выступают на международной спортивной арене.

Еще в 1959 году в Улан-Баторе был проведен 1-й Всемонгольский фестиваль молодежи и студентов, где спортивные состязания заняли особо почетное место.

Богатыри Народной Монголии смело прибавляют к своим национальным физическим упражнениям все прогрессивное, что существует в современном спорте. С 1960 года регулярно выходит газета «Монголин тамирчид» («Монгольский спортсмен»), которая рассказывает о лучших физкультурных коллективах страны, о методах тренировок лучших спортсменов Монголии и других стран, о наиболее интересных соревнованиях.

Итак, наиболее интересные и многогранные соревнования происходят в дни празднования очередной годовщины Народной революции. И особенно приятно, что в эти дни о победах монгольских спортсменов можно написать несравненно больше, чем записано на древнем «Чингизовом камне».

Глава VIII   **СВОЕОБРАЗНАЯ АТЛЕТИКА КАВКАЗА**

В древнегреческих мифах, повествующих о походе аргонавтов за золотым руном, рассказывается о том, как эллины, прибывшие к берегам Колхиды, столкнулись с весьма воинственным и лишенным сантиментов местным населением. В дальнейшем греческие колонисты стремились не вступать в контакты с кавказскими племенами, ибо в бою те часто не уступали тренированным и всесторонне закаленным эллинам.

К сожалению, сегодня мы не знаем почти ничего о системе и формах физического воспитания кавказских племен того далекого времени. Но давние и стойкие традиции свидетельствуют: зачатки такой системы существовали уже в доисторический период.

Еще недавно грузинская царица Тамара была широко известна преимущественно лишь тем, что не очень тактично обходилась со своими поклонниками: приказывала сбрасывать их с высокой башни в пропасть.

Однако время правления Тамары (1184—1213 гг.) известно не только этим: при участии легендарной царицы

или без одного грузинская культура достигла весьма высокого уровня развития.

В полной мере относится это и к физической культуре. Красноречивым свидетельством и доказательством такого утверждения служит поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»: ведь щедро и талантливо описанные поэтом состязания грузинских богатырей проходили (или могли происходить) именно в XII—XIII столетиях.

В свободное время представители знати — военное окружение царицы Тамары — развлекались охотой и игрой в мяч. Воины добивались особого совершенства в фехтовании, конных состязаниях, в стрельбе из лука и специальной гимнастике (так называемая «мошаитоба»). Историк того времени писал: «И царили повсюду мир и успех, и войска готовились к возможным (но столь нежеланным) боям с помощью охоты, скачек и упражнений с мячом».

В те времена (и даже немного позже) на Востоке были весьма известны иранские игроки в мяч. Они, объединившись в родовые команды, ездили из одной страны в другую и неизменно выходили победителями на игровом поле.

Когда во главе с прославленным игроком Амир-Мирана они прибыли в Грузию, против них выступила достаточно высокопоставленная команда: сам грузинский князь Давид Сослани и его министры: Захарий Мхаргрдзели, Иоан Зретский, Георгий Эристави и др. Грузины победили прославленных иранских игроков. Это тем знаменательней, что в те далекие времена, когда первобытнообщинный строй далеко не всюду еще уступил место феодализму, игры знати часто и тесно переплетались с народными физическими упражнениями, которые в Грузии издавна были бесконечно разнообразны и самобытны.

Конное поло («чогани»), специфический вид фехтования («парикаоба») с применением небольших круглых щитов, борьба, джигитовка — трудно перечислить все народные упражнения грузин.

Характерно, что у многих кавказских племен (у кубачинцев, в частности) издревле существовали «мужские союзы», т. е. объединения молодых мужчин (часто их в «союзе» было больше ста), которые жили отдельно от своих соплеменников, постоянно занимаясь военно-

спортивными упражнениями. Ежегодно в определенные дни они проводили традиционно-ритуальные состязания, в программе которых немалое место занимали военные танцы. В последний день состязались в беге и борьбе. Расходы на содержание «богатырей» несла вся община. В свою очередь, представители «мужских союзов» были надежной защитой соплеменников в дни военных неурядиц. И до наших дней сохранились остатки круглых бубячинских башен, которые назывались «Багирталацци» (башни богатырей). В «мужские союзы», как правило, входили люди от 15 до 25 лет. Бывали, разумеется, исключения. Ибо всем известно, что верховой езде на Кавказе начинали обучать порой уже в 5—7 лет. Поэтому вполне вероятно, что наиболее достойные ученики подготовительных групп попадали в «союз» еще до пятнадцатилетнего возраста.

Немало элементов физического воспитания можно видеть и в кавказских танцах. Слово «шушнар» в древней Грузии объединяло названия нескольких плясок. Это были и пляска охотников, и танец мальчиков, и «хореографический этюд» стрелков из лука. Одним из звеньев этой цепи был хоровод «перхули». Его можно назвать «пляской в несколько этажей». Вперед выступал первый ряд танцующих и двигался в медленном хороводе. Затем на плечи им вспрыгивала вторая шеренга (в движение все продолжалось), вскоре вырастал и третий этаж, а порой их бывало пять... Так возрождались в народном танце воспоминания о былых битвах, когда участникам штурма вражеской крепости именно таким путем удавалось овладеть неприятельской твердыней.

До середины XIX столетия почти по всему Кавказу был распространен «салдасти» — бой на деревянных саблях. Не менее популярен был и поединок с помощью «детских пращ» (в карман пращи закладывали не камень, а твердую сосновую или еловую шишку, удар которой не был слишком ощутимым). Грузинский кулачный бой «муштискриви» имел много общего с русским, но зато его разновидность «хридоли» — бой с помощью лишь одного кулака — чисто кавказское изобретение. Особенно интересны состязания «хридоли» тогда, когда соревнуются не одиночные бойцы, а целые команды.

У предков нынешних грузин, как и у других народов, физические упражнения возникли на почве суровой трудовой жизни. Игры были одним из средств первобытно-

го образования. Особенное значение придавалось воспитанию у молодежи мужества, силы и ловкости. Ибо в ту далекую эпоху такие качества были человеку жизненно необходимы: без них ему слишком часто угрожала бы смерть.

Тот, кто был в племени самым сильным и смелым, кто способен был неизменно побеждать соперников и руководить сородичами в борьбе с враждебными племенами, чаще всего и выбирался вождем.

С древнейших времен осуществлялось естественное взаимопроникновение грузинской и абхазской культур. Эти народы-соседи, народы-братья общались постоянно. И поэтому, рассказывая о народных состязаниях, порой почти невозможно провести четкую грань между играми грузин и абхазцев.

Для подготовки человека к трудовой и военной деятельности в Абхазии и Грузии широко использовались упражнения в стрельбе и лазанье по скалам и деревьям. Так было при родовом строе, так было и при феодализме. Наиболее ярко отражает эти цели абхазская игра «акен».

В землю вкапывался высокий и абсолютно гладкий столб, который в довершение всего еще и смазывался бараньим салом. К вершине его прутиком крепилась большая корзина с ценными предметами. Награда (в виде всех этих вещей) доставалась умельцу, который умудрялся взобраться по скользкому столбу наверх и снять корзину. Легко представить, сколь сильны должны были быть ноги и руки победителя в «акене». Но часто никто не мог добраться до корзины по столбу. И тогда кто-нибудь из самых метких стрелков брал свой лук, трижды обходил столб и, точно направив стрелу, рассекал прутик. Корзина падала вниз, и все ее содержимое доставалось наиболее проворным зрителям и претендентам...

Постепенно, с развитием скотоводства, ведущее место среди физических упражнений грузин и абхазцев занимают игры конников. Например, во время помолвок всадники разделялись на два отряда: группа жениха и группа невесты. Первая команда выезжала на игровое поле. Всадники были одеты в шлемы и панцири, сплетенные из ветвей молодого орешника. Вторая команда не имела доспехов.

Начиналась игра со скачек-гонок. По условиям со-

ревнования надо было догнать «противника», снять с него доспехи (представляете, как трудно было это сделать?) и облачиться в них самому. Время было строго ограничено. Если вторая команда не успевала своевременно справиться с заданием, члены первой команды сбрасывали шлемы и панцири прямо в толпу зрителей, которые по давней традиции разрывали плетеные «латы» в куски. Особенно ценилось в этой игре умение снять с противника панцирь, не нанеся человеку повреждений.

Кстати, это условие было обязательным для большинства кавказских игр. Так, например, у хевсуров издавна проводились дуэльные поединки на деревянных мечах (а со временем — и на стальных саблях). Назывался этот бой «чроба». Показывая свое искусство, противники могли наносить друг другу только легкие ранения, но ни в коем случае не серьезные и тем более не смертельные. Нарушение этого правила каралось сурово: вплоть до публичной казни или кровной мести.

У абхазцев и грузин Черноморского побережья всегда были в почете скачки, игры с мячом, бег, прыжки, плавание, гребля и спортивная рыбная ловля. А у горных жителей особой популярностью пользовались охота, поднятие тяжестей и метание камней, ходьба на лыжах (типа «ракетки»), скалолазанье, стрельба и прыжки с шестом.

Относительно последнего упражнения надо сказать, что пользоваться шестом горцам приходилось весьма часто, чуть ли не ежедневно. Они не носили его с собой, ибо горы Кавказа богаты лесами и зелеными рощами: материал для шеста всегда под рукой. Если на пути охотника или чабана случался горный поток или неширокое ущелье, он срезал подходящий гибкий ствол, разбегался и преодолевал препятствие в прыжке. Иногда же делал это и не разбегаясь, полагаясь лишь на толчок ногами и на силу своих рук. Поэтому среди горных народностей Кавказа и сейчас устраиваются соревнования по прыжкам с шестом как в длину, так и в высоту.

В седле абхазец и грузин чувствовали себя так же уверенно, как и на твердой земле. Уже упоминалась игра «чогани» — конное поло, которая популярна и по сей день.

В руках игроков, которые разделяются на две команды, длинные (до 2 метров) ракетки, грушевидные кон-

же сложили поговорку: «Среди всадников абхазца можно узнать издалека».

Свадьбы, сходки, годовщины обязательно сопровождались конными играми. На скачках укреплялись межнациональные связи, утихала вражда.

Еще одним доказательством родства грузинской и абхазской культуры является сходство грузинской борьбы «чидаоба» и абхазской «аикупари».

Борцы надевают специальные пояса, по команде судьи обхватывают один другого и стараются бросить противника на землю. Правда, грузинская «чидаоба» сопровождается музыкальным аккомпанементом.

Среди абхазских борцов минувшего столетия особенно прославился чабан Хинтба Гди из селения Гупы. Он отличался феноменальной силой: сворачивал шеи быкам, а как-то, когда его конь сломал ногу в горах, на себе отнес страдающее животное в селение. Хинтба Гди ни разу не потерпел поражения в «аикупари».

Игр с мячом у кавказских народов тоже очень и очень много. Но пальму первенства среди них, вероятно, следует отдать грузинской игре «лело».

Из лошадиной или бараньей шкуры делался мяч, набитый мхом или травой. Мяч бросали руками, передавая его товарищам по команде. Цель каждого игрока — загнать мяч за лицевую линию поля соперников.

У абхазцев подобная игра называлась «аймцакачара» и отличалась лишь тем, что каждый стремился провести мяч самостоятельно, с минимальной помощью партнеров.

Сейчас количество игроков ограничивается правилами. А ранее на поле с каждой стороны выходило от 10 до 100 человек. Длина площадки поэтому колебалась от 300 шагов вплоть до 3 километров.

Начиналась игра с центра поля, через которое иногда протекала речка. Надо было не только уметь перепрыгнуть на поле через любого игрока, но также хорошо плавать и нырять.

После окончания «лело» по традиции появлялись всадники, которые начинали состязания под названием «чараз». Наездник мчался по ровному травянистому полю. Но вдруг он заставлял коня остановиться на всем скаку и «ехать» по земле всеми четырьмя ногами. Выигрывал тот всадник, конь которого оставлял на поле самый длинный «санный след». Учитывались, кроме

...и посадка конника, и внешние данные коня, и даже то, как он уходил с поля.

Национальные спортивные традиции при благоприятных социальных условиях становятся бессмертными; вот почему сегодня в списках всесоюзных, европейских, мировых и олимпийских чемпионов по многим видам спорта так много кавказских спортсменов.

Глава IX   **ОБГОНЯЮЩИЕ ОЛЕНЕЙ**

А в этой главе мы сделаем, если можно так выразиться, резкий континентальный поворот: из благодатного и теплого Причерноморья перенесемся на дальний Север.

Еще в детстве, зачитываясь рассказами Джека Лондона и В. Г. Короленко, мы составили себе определенное представление не только о повседневном быте, но и о праздничных состязаниях, о необычайной выдержке и своеобразной закалке «малых народов» Севера.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что гонками оленьих и собачьих упряжек (мастерски изображенными этими писателями) огнюдь не ограничиваются физические упражнения и развлечения многочисленных северных племен.

С раннего детства начинают заниматься физической подготовкой чукчи, эвенки, коряки, эскимосы, юкагиры. Эта подготовка исторически связана с охотой и оленеводством, с нередкими в прошлом межплеменными и

межродовыми столкновениями. Поэтому состязания в беге, борьбе, прыжках, поднятии тяжестей, бросании арканов, стрельбе из лука, фехтовании всегда носили и носят на Севере массовый характер. Это закаляло будущих охотников и оленеводов — защитников племени, делало их смелыми, ловкими, сильными.

Вот что, в частности, писал по этому поводу исследователь И. С. Вдовин: «Возле каждого поселения чукчей на побережье обоих океанов и до нашего времени сохранились круги — дорожки с глубоко и плотно утрамбованной землей. В центре круга лежат камни разных размеров и веса. В свободное от повседневного труда время по кругу бегали подростки, воспитывая в себе быстроту и выносливость».

Чукчи издавна увлекались фехтованием с помощью длинных охотничьих копий, стрельбой друг в друга (!) из луков с тупыми стрелами (надо было успеть вернуться!), поднимали и выжимали тяжелые камни. По-чукотски эти упражнения обозначаются словом «илюлетих» (тренироваться, делаться сильным).

Во время больших состязаний, которые устраивались довольно часто, юноши и мужчины бегали наперетонки десять и более километров. Перед стартом они снимали с себя обувь и верхнюю одежду, оставляя лишь рубахи и штаны, сшитые из тонких мягких шкур, и меховые чулки, что заправлялись под шаровары и крепко затягивались ремешками вокруг щиколоток. Каждый участник держал в руках короткую прочную палку с широким роговым наконечником, чтобы лучше сохранить равновесие и отталкиваться во время бега. Чаще всего бегали до полного изнеможения или, как говорят чукчи, «пока мозг в костях не сожмется». Причем следует учитывать, что такие состязания нередко происходили на сорокаградусном морозе и даже при более низкой температуре.

Пастухи чукчи и коряки всегда были отличными бегунами. Они должны были бегать (и бегали!) быстрее домашних оленей, а охотникам-эвенкам случалось догонять и дикого оленя.

На соревнованиях чукчи иногда бежали по двум концентрическим кругам, но в разных направлениях. Бег велся без ограничения времени: побеждал самый выносливый. Причем первенство наряду с мужчинами оспаривали и женщины.

В начале тридцатых годов складываются традиции Праздника Севера (сегодня он отмечается по всей территории Советского Приполярья и Заполярья). Так вот на одном из таких состязаний, в 1931 году, бег мужчин по кругу длился более пяти часов. Победил чукча Вуквун, получивший в награду пять упряжных (т. е. ездовых) оленей.

На всех праздниках обязательно проводятся гонки на оленях и собаках. К быстрому бегу животных приучают постепенно, с раннего возраста. У чукчей-оленеводов бега начинаются осенью и длятся во всех стойбищах непрерывно до середины зимы. Правила этих соревнований в разных районах неодинаковы. Известный советский ученый, писатель, исследователь Севера В. Г. Тан-Богораз в рассказе «На реке Россомашей» так описывает начало одной гонки:

«Как только все олени были запряжены, участники бега без всякого порядка бросились вперед, каждый с того места, где находились его нарты, и рысью понеслись по дороге, понемногу выравниваясь и вытягиваясь в длинную линию».

Раньше соревновались не на время, а опять-таки на выносливость. Теперь же подобные гонки проводятся упорядоченно, по определенной дистанции и в ограниченных временных рамках. Старт бывает как общий, так и раздельный (со строгим учетом каждой секунды, проведенной в пути).

Оригинальный вид спортивных развлечений представляют прыжки на высушенной, твердой, как доска, моржовой шкуре. Несколько чукчей держат эту шкуру за специальные петли и подбрасывают на 3—5 метров вверх юношу или девушку, что стоит в центре этого своеобразного «ковра-батута». По условиям состязания надо обязательно приземляться на ноги. Все исследователи отмечают, что женщины добиваются в прыжках больших успехов, чем мужчины, и даже после четвертого прыжка умудряются сохранять равновесие. По условиям же игры каждый, кто устоит на ногах трижды, имеет право отдохнуть и дожидаться равного себе соперника.

Большой свободой правил отличается чукотская и камчадалская борьба. Главное условие — повалить и удержать на земле партнера. А каким способом — это не так уж важно. Как и в классической борьбе, сначала один участник стоит пассивно, а другой нападает. Затем

ни меняются ролями. Побеждает тот, кто бросит соперника на землю и не даст ему сразу подняться.

Интересно, что перед началом борьбы участники совершают довольно большую пробежку, чтобы согреться (т. е. делают разминку). Потом раздеваются до пояса и растирают снегом грудь и плечи, чтобы кровь прилила к коже и защитила от холода. Борются прямо на снегу, голые до пояса.

У чукчей, коряков и эскимосов распространена и борьба на скользких, только что содранных моржовых шкурах. В таких условиях бороться не очень удобно, и эти соревнования носят не столько спортивный, сколько умышленно комический характер. К таким же «несерьезным» состязаниям можно отнести и «бег на четырех косточках»: опираясь о снег носками ног и кулаками, бегут на четвереньках. Но главное условие заключается в том, что ни ноги, ни руки нельзя сгибать.

Кроме того, не снимая тяжелых меховых одежд, прыгают через веревочку, состязаются в «семящем» беге (приседают, обхватывают руками колени и так продвигаются вперед). Наконец, ползают на животе, вытянув сомкнутые ноги и отталкиваясь локтями. При этом «ползуньи» очень напоминают тюленей, когда те неуклюже передвигаются по суше. Эти комические состязания так и называются: «нерпичьи гонки» — и связаны с охотничьим промыслом чукчей.

Весьма распространены у народов Севера и соревнования прыгунов. Из старых нарт, ящичков и жердей сооружают барьеры и препятствия. Прыгают плотно сдвинув носки ног, делают несколько последовательных прыжков и в последний вкладывают всю силу, чтобы достичь самой дальней отметки. И опять дадим слово В. Г. Тану-Богоразу:

«Неловкий чаще всего попадает ногами в середину лунки деревянных обломков, и это для него бывает довольно чувствительно. В этот же раз каждый старался превзойти предшественников; победителем вышел довольно пожилой ламут (ламуты — древнее название оленков.— Ю. Ш.) с некрасивым лицом и ногами, искривленными от постоянного сидения на хребте оленя. Его подошвы, казалось, были сделаны из каучука: он легко перелетал через все барьеры, и каждый след, что оставался после его сверхъестественного прыжка на сне-

гу, был недостижимой целью для всех чукотских прыжков».

Сейчас эти соревнования проходят несколько иначе. Спортсмены Ненецкого национального округа (чаще всего они состязаются в Нарьян-Маре) обычно расставляют на площадке 10—15 нарт (параллельно друг другу и на расстоянии 50 сантиметров одна от другой). Спортсмен последовательно прыгает через нарты, отталкиваясь двумя ногами одновременно. После прыжка через последнюю он поворачивается и перепрыгивает все нарты в обратном направлении, и так до тех пор, пока не оступится или не потеряет равновесия. После приземления не разрешается ни переставлять, ни сдвигать ноги. Побеждает тот, кто перепрыгнет большее число нарт.

Состязания широко отражены в устном народном творчестве северных племен. В чукотском фольклоре немало песен и сказок, которые рассказывают о фантастической силе и выносливости юноши героя. Он размахивает копьём с такой силой, что то гнется, «словно кусок сырой оленьей шкуры», а стрелой из лука срезает травинки или рассекает пополам прутик, воткнутый в землю.

С невиданной силой расцвела на Севере физическая культура после Великой Октябрьской социалистической революции.

Теперь, как уже говорилось, ежегодно по самой широкой спортивной программе проводится Праздник Севера. Спортсмены состязаются на лыжных трассах, показывают удивительное мастерство в ловле оленей арканом. Но главным видом состязаний всегда остаются гонки оленьих и собачьих упряжек.

По снежному насту мчит четверка горделивых, быстроногих оленей, а за ней, взметая снежную пыль, бесшумно летят невесомые нарты. Скорость упряжки иногда превышает 80 километров в час!

Обычно праздник длится три дня. Первый вид программы — состязания упряжек в гонке на 1600 метров. В 1972 году на соревнованиях Мурманской области пастьух-оленовод А. Терентьев показал на этой дистанции прекрасное время: 2 минуты 22,8 секунды.

Во второй день — гонка на 3200 метров. Но самый ответственный день — третий. Завершается Праздник Севера буксировкой лыжника оленями. Далеко не всякому оленеводу под силу, стоя на лыжах, управлять парой

стремительно несущихся животных. Зато лучшие лыжники с помощью хороших оленей могут преодолеть 1600 метров за полторы минуты!

На этих же праздниках можно увидеть и еще одни весьма своеобразные соревнования. Они называются «одиннадцать прыжков». Прыгают в длину: на одной, на двух ногах и поочередно на каждой. Рекорд в последнем виде прыжков сегодня принадлежит студенту Якутского государственного университета Николаю Санникову и составляет 44 метра 18 сантиметров. А за одиннадцать прыжков на одной ноге Николай преодолел 44 метра 46 сантиметров и, наконец, в одиннадцати прыжках двумя ногами — 37 метров 41 сантиметр. Таким образом, его рекорд в троеборье равен 126 метрам 4 сантиметрам.

Итак, «малые народы» Севера не только сохраняют и совершенствуют национальные черты своей физической подготовки. Они постепенно перенимают все лучшее, чего достигла современная физическая культура. И на окраине чукотского селения на месте бывшего концентрического круга для бегунов ныне можно увидеть современную, хорошо оборудованную спортивную площадку и даже небольшой стадион.

Глава X ИЗ ИСТОРИИ ЛЫЖ

Завершив небольшую главку о северных играх и готовясь перейти к рассказу о спортивных забавах русского народа, уместно, пожалуй, будет рассказать об истории лыж, которые издавна были известны и представителям самых полярных областей, и русским богатырям.

Впрочем, не только им. В наше время лыжный спорт стал популярен почти на всех континентах. Даже в жаркой Африке близ снежных вершин Килиманджаро можно увидеть сегодня характерные парные следы!

Гонки на равнине и слалом-гигант, туристские путешествия и воздушные полеты, скоростные спуски с гор и даже состязания на воде, наконец, головоломная акробатика — все это теперь связано с лыжами!

И недаром в программе зимних олимпиад выступления лыжников занимают, несомненно, самое почетное место. Ибо лыжный спорт больше, чем какой-либо другой вид состязаний, сближает человека с природой, помогает слиться с ней. А ведь сегодня, в век бурно разви-

вающейся техники и все ускоряющегося жизненного темпа, это особенно ценно и необходимо.

Где же и когда родились эти верные спутники зимней охоты и северных спортивных развлечений?

Совершенно естественно, что археологические остатки древних лыж не сохранились до наших дней: слишком уж нестойкий материал дерево! Но есть другие доказательства того, что лыжи существовали уже на заре истории человечества. Это — следы на камне.

Самое древнее в мире изображение лыжников, которое ученые обнаружили на прибрежных скалах Белого моря, относится ко временам неолита.

Как и все прочие элементы материальной культуры, лыжи имеют свою историю. Они были порождены практическими требованиями жизни, приобретали разные формы, совершенствовались в зависимости от направления человеческой деятельности, географических условий и, разумеется, технического прогресса. Спортивное значение лыжи приобрели сравнительно недавно.

Если обратиться к письменным источникам, то в путевых заметках Пифея из Массалии (ныне Марсель), вышедших в 360 году до н. э., можно прочесть: «На землях скифов мы видели тепло одетых людей с длинными досками на ногах». Китайские летописи упоминают, что лыжами пользовались северные шивеи (жившие в III—VI вв. н. э. в районе хребта Тугэ). С VII столетия лыжи уже широко известны на всей территории Саянского нагорья (в частности, у племен дубо, милигэ и экчи). О распространении лыж на территории Алтая в XII столетии упоминал среднеазиатский ученый Марвази. К XIII веку относится сообщение историка Рашид ад-Дина. Он рассказал об охотничьем племени урянхитов (Саяно-Алтайское нагорье), которые широко пользовались лыжами.

В записях Рашид ад-Дина встречается интересный факт: ученый приводит урянхитское название лыж — «чана», которое точно совпадает с общераспространенным в наше время названием лыж почти у всех саяно-алтайских народов.

Часто упоминают о лыжах и те, кто путешествовал в XII столетии по Сибири (Ламартиньер, Витсен и др.). Наконец, немецкий ученый Олеарий, посетивший Московию дважды, в 1633 и в 1643 годах, писал: «Финны и лапландцы надевают зимой подобие коньков из древес-

ной коры длиной в полтора локтя. Они их прикрепляют к каблукам и носкам и называют «сюксит».

О московских лыжниках-воинах сохранилось немало сведений. Русские лыжные рати принимали участие во многих военных походах начиная с XV столетия. О таких походах упоминают летописи: в 1444 году русские лыжники бились с татарами, осадившими Рязань, в 1493 году совершили поход в Югорскую землю, а в 1535 году — поход на Литву. Организованные лыжные отряды появились на Руси раньше, чем в других государствах.

Шведский дипломат XVII столетия Пальм писал: «Скоростные, а не ходовые лыжи — изобретение московское...» В Швеции до этого времени скоростных лыж не знали, но уже в XVII столетии они проникали из России в Скандинавию, а в XIX веке распространяются в Англии, Германии, Франции и других европейских странах как зимний вид спорта.

Если рассматривать лыжи с охотничье-транспортной точки зрения, то их можно разделить на два типа: 1) «скандинавские» — непарные (левая лыжа длинная, для скольжения, а правая — короткая, для отталкивания) и 2) «уральские» — короткие и широкие, подбитые мехом.

Наибольшим разнообразием конструкции и внешней формы отличались лыжи народов Сибири. По технике хождения они разделялись на ступательные и скользящие.

Помните маленького Киша из рассказа Джека Лондона? Он и его родичи пользовались именно ступательными лыжами. Состояли они из деревянной рамы овальной, полуовальной или круглой формы. Иногда это была даже «восьмерка». Раму переплетали ремешками (чаще всего из лосиной или нерпичьей кожи). Двигались на таких лыжах только шагом. Кстати, ими и сегодня пользуются в высокогорных районах Центральной Азии, Японии и Северной Америки.

На территории Сибири такие лыжи называли «лапками» или «ракетками». Раму чаще всего изготовляли из двух деревянных планок, разведенных посередине и соединенных концами, передний из которых загнут вверх.

По данным этнографа В. Антроповой, у чукчей и азиатских эскимосов длина «лапок» не превышала 60—70 сантиметров (ширина 30 сантиметров). Приморские охотники пользовались ими во время охоты на тюленей

для хождения по неровному льду. Сетчатые лыжи коряков достигали 95—100 сантиметров длины, а у курильских айнов и юкагиров были еще длинней.

Но еще большее значение у народов Сибири — преимущественно охотников — имели и имеют скользящие лыжи. Делали их прямыми или выгнутыми. Снизу подбивался или подклеивался мех — для прочности и лучшего скольжения.

Шорцы использовали для них березу, черемуху, рябину. Из дерева выстругивали доску 2—3 сантиметра толщиной, шириной 12—16 сантиметров и длиной от 1,4 до 1,8 метра, соответственно ее обрабатывая. Подбивали лыжи камусом — шкурками с ног оленя, лося, коровы или лошади. Кстати, лыжами, подбитыми камусом, и сейчас широко пользуются охотники всей России.

Народы Саяно-Алтайского нагорья при хождении на лыжах брали с собой посох — длинную палку с выгнутой лопаткой на конце. Этой лопаткой можно было и зачерпнуть воды, и разгрести снег перед ночевкой, и даже насторожить капкан.

Гораздо реже встречаются на Севере голицы — лыжи, не подшитые мехом. Ими пользуются преимущественно весной, когда снег намокает.

У каждой северной народности лыжи отличались чем-нибудь специфическим. Например, нивхи по всей длине скользящей поверхности набивали «нащепы» (планки) из дерева или китового уса. Эти направляющие полозья увеличивали скорость и не давали лыжам свернуть в сторону.

Выгнутые лыжи чаще встречались у эвенков, эвенов, якутов, хантов, юкагиров. Очень тонкие, легкие и гибкие, они давали возможность развивать довольно большую скорость. А это весьма важно при длительном преследовании зверя. Мех на подъемах играл роль тормоза: лыжи не давали отдачи, ибо камус подбивался всегда ворсом назад.

В. Тан-Богораз рассказывал, что эвенские охотники, сопровождая на лыжах упряжки на протяжении многих километров, не отстают от оленей и собак.

А вот нанайские охотники на переднем конце лыж укрепляют маленькие «головки» — обклеенные мехом деревянные или костяные шарики.

К современным гоночным наиболее приближались удэгейские лыжи. Их длина 2 метра, ширина — 13—15

сантиметров. Изготавливались они из бархатного дуба или вяза и подбивались камусом дикой козы или изюбри. На лыжах северных манси и восточных хантов была и специальная площадка для ступни. Их лыжи — самые длинные (до 2,5 метра). Наконец, уже давно распространены в Сибири и обычные русские лыжи с желобком на скользящей поверхности.

...В 1888 году, после неудач многих французских и английских экспедиций, весь мир облетела весть о том, что норвежским исследователям удалось пересечь Гренландию с востока на запад. Норвежцам удалось совершить этот подвиг потому, что все они (впервые в истории научных экспедиций) встали на лыжи. А когда газеты поместили снимок руководителя экспедиции — Фритьофа Нансена, идущего на лыжах, увлечение этим видом спорта стало в Европе повсеместным. Но само слово «лыжи» (а не «снежные коньки») вошло в обиход лишь в 1910 году, а двумя палками (вместо традиционной одной) лыжники начали пользоваться только с 1920 года.

Характерно, что северные оленеводы не создали специфических видов лыж: ведь в тундре это не так уж нужно. Что же касается охотничьих народов, которые много времени проводят в тайге, то им принадлежат десятки оригинальных форм лыж, успешно выдержавших самые суровые испытания на протяжении столетий.

Лучшие качества этих моделей были учтены при создании лыж, которыми пользуются современные спортсмены.

Глава XI ПОТОМКИ ИЛЬИ И ДОБРЫНИ

Вы, конечно же, хорошо помните подвиги могучих богатырей — героев древнерусского эпоса. Далекie походы, нелегкие поединки в борьбе за свободу родных городов и счастье соотечественников, стычки не только с соловьями-разбойниками, но и с более реальными врагами — все это нашло отражение в многочисленных былинах.

Физическая закалка и военное искусство славян развивались успешно и своеобразно благодаря систематической подготовке. А подготовка эта органически связывалась с повседневным трудом, совершенствуясь на почве самобытных форм организации физического воспитания.

Византийский писатель и путешественник VI века Маврикий писал о славянах как об очень храбром и свободолюбивом народе, особо указывая на их необычайную выносливость и выдержку: легко переносят холод и жару, голод и жажду, не боятся максимальных нагруз-

зок. И все это относится ко всем славянам вообще, а к обитателям русских земель в первую очередь.

Что же составляло основу повседневной физической подготовки наших предков?

Русские геройские забавы

Когда археологи раскопали знаменитый черниговский курган «Гульбище», они нашли там не только множество нижних косточек бараньих ног, но и... бронзовые их копии. Такие же находки ждали археологов в Яблоновском кургане (что возвышается недалеко от Канева).

Впрочем, для ученых не было в этом ничего загадочного: ведь на территории Киевской Руси среди древних потех всегда в почете были «бабки» — самая распространенная и любимая игра. Еще до недавнего времени она была хорошо известна каждому деревенскому мальчишке.

Бабки (те самые косточки из бараньих или коровьих ног) расставлялись поперек улицы, и меткими ударами биты надо было разрушить их шеренгу. По-разному расставлялись бабки, различным было и расстояние, с которого производили бросок. Побеждал, конечно, лучший снайпер. Так с раннего детства развивались глазомер и координация движений.

Между прочим, один из самых древних вариантов этой игры еще в прошлом столетии был весьма распространен среди населения Сибири: тут бабки сбивали стрелами. А поскольку издавна количество игроков не ограничивалось (и бабок тоже было достаточно), то состязания в праздничные дни длились нередко с раннего утра и до позднего вечера.

Ежедневное ожидание нападения, необходимость постоянно готовиться к военным походам и столкновениям с врагами постепенно очерчивают контуры той системы, которая впоследствии получила у иностранцев многозначительное название «Русские геройские забавы».

Это были самые разнообразные (и на первый взгляд необычайно простые) игры и упражнения: поединки на палках, бросание округлых камней в цель и на расстояние, стрельба из лука, скоростное лазанье по деревьям, хождение «стенка на стенку», «взятие города», «буй»,

«чур» и многие другие забавы, родившиеся на базе первобытнообщинного строя в условиях эпохи военной демократии. Языческое происхождение большинства игр несомненно.

Древнерусская игра «чур» бытовала в селах Средней России еще в XIX веке и может считаться самой коллективной. Поскольку она проводилась в честь предка всего рода (чура, щура или пращура), то и участвовало в ней порой более сотни членов рода. Игроки делились на две команды и с помощью длинных загнутых палок (т. е. клюшек!) старались загнать шарик (или «рюху») в лунки-ямки соперников. Для игры выбирался ровный участок луга и ямки делались на расстоянии метра-двух одна от другой. Всего их могло быть от двух до восьми. Зимой же играли на льду реки или озера.

Лунки считались «городом». Попадание в ямку расценивалось как «поджог города». И вся игра отражала определенный этап развития общественной жизни человека и его оборонные склонности — борьбу за свое городище.

Уже с X столетия русские юноши систематически занимались плаванием и греблей, ходьбой на лыжах, конными ристаниями, копьеметанием и небезопасными играми с быками.

Известная легенда о киевском Кожемяке, поразившем своей силой даже князя Владимира, имеет под собой вполне реальную основу, ибо сведения о поединке могучего ремесленника с быком есть и в Лаврентьевской летописи. Между прочим, там упоминается еще и о том, что перед выходом Кожемяки на бой с разъяренным животным Владимир сам проверил его силу и якобы остался вполне доволен...

Постоянная борьба с кочевниками требовала ежедневных тренировок. Среди конных упражнений того времени особо ценилось умение легко прыгать на коня, через коня и вообще джигитовать в самом широком понимании этого слова. Поэтому почти все княжеские дружинники «скакали через гривы лошадиные, на скаку коня имали, а вои меньшие луки крепки гнули». И не только гнули, но и стреляли по мишеням: неподвижным и таким, что периодически исчезали, прятались (чаще всего это был щит, который поднимал и опускал на палке укравшийся в засаде мальчишка).

Массовые игрища славян происходили преимущественно на свадьбах, в местах обмена товаров (на «торжках»), на похоронах, во время «братаний» и после судов (независимо от результатов). Но самые древние состязания проводились на перекрестках больших дорог «между сёлы». Тут уж кроме всех упомянутых игр обязательно состязались в перетягивании толстой жерди или пенькового каната: село на село.

С XI столетия среди феодальной знати особой популярностью пользуются скачки и охота. Археологи предполагают, что на Старокиевской горе (там, где стояли княжеские дворцы) был и «конный двор», т. е. не только конюшни, но и небольшой ипподром.

Уже хрестоматийными стали рассказы о славянских воинах, которые, дыша через камышинку, могли часами сидеть под водой и даже подкрадываться к врагу, оставаясь невидимыми. Но русские были не менее умелыми ныряльщиками.

Профессор П. А. Лавровский, известный исследователь русских народных обычаев, сообщает сведения о весьма интересных и своеобразных состязаниях. На реке Почайне (приток Днепра, который сегодня течет по трубам под Киевским Подолом) собирались в начале июня лучшие пловцы-ныряльщики. В лучах заходящего солнца они все вместе прыгали в реку и оставались там до полного заката. Ныряльщики должны были руками ловить под берегами Почайны вертких рыб и выбрасывать на траву. Побеждал тот, кому удавалось поймать самых крупных рыбин. А для этого надо было уметь не только прекрасно плавать, но и долго оставаться под водой. Гасли за киевскими кручами последние солнечные лучи, и тогда определялся сильнейший. В награду он получал шелковую рыбацью сеть, сплетенную княжескими служанками...

Ценным документом, характеризующим задачи и уровень физического воспитания на Руси тех времен, является широкоизвестное «Поучение Мономаха». В своей книге «История физической культуры народов СССР» Н. П. Новоселов пишет: «Владимир Мономах, опираясь на весь предыдущий опыт Киевского государства, старался официально закрепить систему физического воспитания феодалов». Но, разумеется, рядовые дружинники тоже не могли полностью выпасть из сферы влияния этого обучения.

По своему социальному значению система военно-физической подготовки в феодальных княжествах Древней Руси была явлением более прогрессивным, чем, предположим, рыцарская система воспитания на Западе. Объясняется это особенностями исторического развития русских, и в частности огромной ролью народного ополчения на Руси. Ведь именно славянские дружины спасли западноевропейскую цивилизацию, приняв на себя основной удар монголо-татарского нашествия.

К этому времени среди русских дружинников как один из основных видов состязания распространяется бег на 20 и даже на 25 верст. Воины носят на себе одного или двух товарищей (чтобы при необходимости вынести с поля боя раненого), без усталости упражняются дружинники не только в лазанье по деревьям, но и в «путешествии по ветвям» (т. е. в умении прыгать с дерева на дерево).

Впрочем, богатыри встречались на Руси не только среди воинов. Вспомним хотя бы Микулу Селяниновича — могучего пахаря, перед которым спасовала вся дружина князя Вольги Святославовича и даже сам князь.

По просьбе Микулы Селяниновича Вольга посылает всю свою дружину с единственным заданием бросить сошку могучего пахаря «за ракитов куст».

Они сошку за обожу вокруг вертят,
А не могут сошки из земли повыдернуть,
Из лемшиков земельку повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитов куст.

Но то, что не может сделать сотня княжеских дружинников, легко делает крестьянский богатырь.

И несомненно, что среди потомков Микулы Селяниновича, Добрыни Никитича и Ильи Муромца было немало богатырей, которые сам на сам выходили против десятка врагов и побеждали тех в справедливом бою.

Кстати, прославленный Илья Муромец тоже не только стоял «на заставах богатырских», но и работал в поле, корчевал лес под будущие пашни, строил мосты и даже плотины. То есть основу «богатырства» составляли как военные упражнения, так и мирный труд.

...Среди тех истинно русских забав, где наравне с юношами принимали участие и девушки, стоит вспомнить «горелки» — отголосок прежних языческих обря-

дов, когда каждому необходимо было пройти «очищение огнем». А как не упомянуть катание на санях, деревянные коньки, игру в рюхи и, наконец, «взятие снежного города»! Именно эта игра вдохновила В. Сурикова на создание одного из динамичнейших его полотен.

Все эти игры и упражнения отражены не только в летописях и путевых заметках путешествующих иностранцев, но и в народном фольклоре. Об этом свидетельствуют пословицы «Без борца да бойца нет венца», «Кулачный боец — добрый молодец» и многие другие. Но теперь время рассказать именно о кулачном бое — одной из самых давних и самых любимых потех русского народа.

Бои отважных

Этому виду русских забав повезло в литературе: кулачный бой описывали историки, этнографы, прозаики и поэты.

Наиболее удачное поэтическое изображение единоборства русских богатырей находим у М. Ю. Лермонтова в его «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»:

Вот молча оба расходятся,—
Богатырский бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович...

Когда же возник у русских обычаи встречаться в подобном поединке? Вероятно, очень давно. По крайней мере уже в VII—VIII столетиях. А может, и раньше.

Ведь в коллективных русских кулачных боях очень долго сохранялись пережитки древних воспитательных традиций. Совсем небольшие изменения произошли за столетия в системе приемов и тактике безоружной борьбы с того периода, когда родовые отношения начали постепенно рушиться.

Уже с X—XII столетий бой вела толпа под предводительством старшего в роде, но иногда столкновение сводилось к единоборству двух сильнейших. Отражением более поздних влияний были следы военного искусства племенных дружин, которые выступали уже в четком строю и по возрастным категориям. Ведь в тради-

ционной славянской игре «стенка на стенку» принимали участие три линии, которые вводились в бой последовательно. И отдельно выделялся обязательный резерв.

Вообще, как свидетельствуют историко-литературные памятники XIV—XV веков, равно как и более поздние, принцип возрастных групп был всегда ведущим признаком коллективных славянских игр.

Итак, участники делились на три, а со временем и на четыре отряда. Первую линию борцов и бойцов народных состязаний обычно составляли подростки 13—16 лет, вторую — юноши 17—19 лет, третью — молодежь в возрасте 20—25 лет и четвертую — мужчины от 25 лет и старше.

Зачинщиками же игры, как правило, выступали маленькие мальчишки, которые заранее начинали шуточную потасовку, постепенно приобретающую все более серьезный характер.

Тактика уничтожения врага в открытом рукопашном бою, что с древнейших времен входила в арсенал русского военного искусства, нашла свое отражение и в законах кулачных поединков. Так, одно из главных правил гласило: «биться лицом к лицу и грудь с грудью». Воспитательное значение этого параграфа заключалось в том, что запрещение наносить удары сзади способствовало зарождению у бойца смелости и чувства чести. Неписаная этика народных кулачных состязаний предусматривала и такие моменты: не бить лежащего, не давать подножек; в рукавицы не класть железа или медных денег; не переходить на чужую сторону; не бить противника ногами и многое другое (всего правил было больше двадцати).

Уместно вспомнить, что в княжеских дружинах тоже существовало три группы воинов, но делились они не столько по возрасту, сколько по зажиточности и родовитости: 1) «лучшие мужи» или «бояре думающие»; 2) «младшие», «отроки», они же «охранители князя»; 3) «вой», или «мужи храберствующие», — главная сила княжеской дружины в период расцвета Киевской державы вплоть до XI столетия.

Среди дружинников также были распространены кулачные бои и бои на палках (фехтование). Ведь при подготовке к ведению ближнего боя имелось в виду не только применение короткого оружия (палицы, мечи), но и бой без оружия вообще.

Чаще всего кулачные бои устраивались зимой на льду рек и озер, которые служили границами между двумя селами или районами города. Состязались и на местах исторических битв, тем самым желая оказать уважение памяти павших. Так, еще в начале XX века в селе Покровском (Ярославская область) зимой устраивали кулачные бои на речке Сыть, где, по преданию, русские богатыри бились с ордами Батыя.

В городе Ливны (ныне Орловская область) до начала XIX столетия сохранялась славная традиция разводить костер и устраивать хороводы, борьбу и кулачные бои на месте погребения ливенских воинов, погибших в бою с монголо-татарскими завоевателями.

Конечно, кулачные забавы нельзя отнести к категории абсолютно безопасных. Кроме того что в азарте, разгораясь, бойцы нередко теряли чувство меры, иногда их слишком уж подзуживали и возбуждали зрители. А в более поздний период феодалы и купцы, местные богачи, случалось, предлагали бойцам за деньги биться не только «до первой крови», но и до полного изнеможения.

В очерке П. А. Лавровского «Первый шаг» достаточно выразительно рассказывается о нескольких боях, свидетелями которых были или сам автор, или его близкие друзья в разных приволжских городах. Вот маленький отрывок из очерка:

«Сходились зимой в праздничные дни стенка на стенку. Начинали чаще всего мальчики или подростки лет 14—17. Затем вступали в бой старшие. В стенке силы распределяли равномерно, заранее, выбирая соперников.

Волжские купцы нередко имели на своем содержании по нескольку самых лучших бойцов. Бились на льду Волги, а в Казани — на озере Кабан. Особенно прославился силой своих ударов и бойцовским умением великан, которого звали Добрыня.

На это зрелище съезжались посмотреть купцы и простые зрители отовсюду. Крови было много и калекств тоже. Но разве можно было соразмерить силу своих ударов, когда глаза застилает красный туман бойцовского азарта?!»

Конечно, не все бои оканчивались трагично. И когда та или другая «стенка» наконец побеждала, соперники нередко собирались вместе и, не чувствуя друг к другу никакой антипатии (а тем более вражды), садились за праздничные столы, заканчивая все дружеским пиром.

Русский народ заботливо оберегал положительные традиции своей физической культуры — составной части культуры общей, культуры духовной и материальной.

Так, в проекте «Договора с немецкими городами и Готландом», который подготовили немцы в 1209 году, был пункт, содержащий требование запретить кулачные и фехтовальные бои по всей территории Новгорода, где жили немецкие купцы. Пункт сей выглядел так: «...между дворами немецкими не должна быть терпима нестова забава».

Новгородцы отказались подписать такой договор. Он был ратифицирован лишь в 1270 году, но уже без пункта о запрете игр.

Во все эпохи русская общественность выступала за честные бои и соблюдение тех этических требований, которые сложились на протяжении многих столетий. В частности, сурово осуждались кулачные бои, которые начинали бой с коварными намерениями или «в состоянии подпития».

Это также нашло отражение в исторических документах, но уже более поздней эпохи.

В 1726 году вышел приказ Екатерины Первой «О кулачных бойцах»: «Ее императорскому величеству стало известно, что в кулачных боях, которые бывають на Адмиралтейской стороне и на Аптекарском острове, многие люди, вынув ножи, за другими бойцами гоияются, другие, положа в рукавицы ядра, каменя и кистени, бьют, многие без милости смертельными побоями, и это убийство между подлыми в убийство и грех не вменяется. Также и песком в глаза бросают: поэтому кулачным боям в Петербурге без позволения главной полицейской канцелярии не быть; а кто хочет биться для увеселения, те должны выбрать между собой сотских, пятидесятских, десятских и записывать свои имена в главной полицейской канцелярии; выбранные сотские, пятидесятские и десятские должны смотреть, чтобы у бойцов никакого оружия и прочих инструментов для увечного боя не было и во время боя чтоб драк не было; и кто упадет — лежа чего не бить».

Указ этот для нас всесторонне интересен. Во-первых, он свидетельствует о широком распространении кулачных боев даже в самом Петербурге (а не только в деревнях и мелких городах). Во-вторых, он как результат четкой политики Петра Первого, который ввел определен-

ные нормы физического воспитания и для зажиточных, и для бедных слоев населения, вносит элемент организованности в кулачные бои.

Конечно, надо полагать, что царский указ, регламентируя устройство массовых кулачных боев, предусматривал не только искоренение грубостей среди «низших слоев народонаселения», но и определенную безопасность для богатых обитателей Петербурга, которые иногда «попадались под руку» распаленным (боем и вином) кулачным бойцам.

В то же время эти бои, как видим, не запрещаются полностью, а лишь вводятся, так сказать, в официальное русло. То самое русло, куда направляется энергия народа, когда хотят отвлечь его внимание от насущных общественных проблем.

Кулачные бои как народные развлечения существовали на Руси более тысячи лет. Сам этот факт красноречиво свидетельствует об их жизненности и определенной социальной обоснованности.

Главное же заключалось в том, что в своей классической народной форме кулачный бой содействовал рождению смелости, силы и честности. Ведь недаром же выражение «честный бой» возникло именно здесь.

Быть может, эта глава о русских потехах даст читателю некоторое представление о причинах и многовековых традициях, которые немало способствовали выходу русских атлетов на первые места в мировом спорте минувших лет и нынешнего времени. А фрагментарность этой главы объясняется лишь одним: нельзя объять необъятное.

Глава XII   **У ДНЕПРОВСКИХ Порогов**

Одна из украинских легенд рассказывает о том, как славный казак Семен Палий затеял необычный поединок с турецким пашою, который похвалялся своим умением стрелять из лука.

Стоя возле реки, Палий пустил стрелу в турка, что стоял на противоположном берегу. Пролетев 380 шагов (примерно 250 метров), стрела пробила чалму пашы. После этого турок продолжать состязание почему-то отказался...

Многочисленные потехи и упражнения спортивного характера, издавна любимые на Украине, своим разнообразием правил и сюжетов свидетельствуют о мощных истоках, которые питали и питают их.

Тут легко найти немало такого, что является общим для всех славянских народов (например, лапта). Порой даже трудно сказать: русская эта игра, украинская или же, предположим, болгарская.

Однако есть и немало оригинальных украинских игр, подобных которым не найти больше нигде. И весьма характерен добрый юмор, которым всегда были насыщены испытания и развлечения украинских силачей.

Швыгалка и ходули

Мы не привыкли относиться серьезно к детским забавам и редко усматриваем в них что-либо стоящее внимания. Мол, играют дети — ну и пусть...

А ведь бесчисленные развлечения детворы чаще всего превращаются в маленькие состязания и способствуют развитию уже много раз упомянутых в этой книге ценнейших человеческих качеств: силы, смелости, честности, ловкости, скорости, выносливости.

С давних времен детские развлечения на Украине стали одним из источников народных спортивных потех. Элемент соревнования всегда был тут главным условием. Большинство этих развлечений и сейчас хорошо известно маленьким обитателям украинских сел и городов.

Трех-пятилетние мальчишки очень любят играть в так называемую «швыгалку». Особенно распространена эта забава на Киевщине, Черниговщине и Полтавщине.

На кончик длинной и гибкой палочки насаживается смоляной шарик. Энергичный взмах руки — и шарик летит вперед или вверх (это уж зависит от условий игры). Иногда выбирается какая-нибудь мишень, которую надо поразить.

Но вот дети подрастают, и начинается новое увлечение. Вряд ли стоит подробно объяснять, что такое праща. Лишь одно скажем: ремешок с «карманом» для камешка плотно наматывается на руку справа налево или слева направо (это зависит от того, куда хотят направить заряд). И уж поверьте, нужна немалая ловкость и меткость, чтобы заставить камень лететь именно вперед или вертикально вверх!

Иногда же праща мастерилась из дерева. Посередине длинной дощечки выдалбливался желобок, куда клали все тот же камешек или твердый комочек земли. Взмах — и камешек, прокатившись по желобку, летит со все нарастающей скоростью...

Эти детские пращи — отголосок тех далеких времен, когда подобные снаряды были не забавой, а постоянны-

ми и верными спутниками славянских племен на охоте и на войне.

А вот другая забава. Заколебались ветки ближних деревьев, и вдруг на поляну шагнул великан! Да еще какой — четырехметровый! Такого и среди баскетболистов не встретишь!

Впрочем, все вы знаете, что такое ходули и как ими пользоваться. В одном из номеров журнала «Киевская старина» за 1904 год есть подробное описание изготовления ходуль: «В две высокие жерди надо ввернуть с боков маленькие палочки или прибить дощечки. Можно даже несколько, повыше и пониже. Начинают с низких ходуль, и лучше всего делать первые шаги от забора или от стенки хаты. Зато уж тот, кто встал на самые высокие ходули, чувствует себя легко и свободно, вышагивая над головами улыбающихся взрослых. Особенно удобные и красивые ходули изготавливают в Чигирине...»

Что же касается зимних развлечений, то они на Украине поистине неисчислимы. И первое место издавна занимала «крутилка». Что ж это такое? А вот что.

Самые лихие парни отправлялись на замерзший пруд. Прорубали во льду «окно» и загоняли в дно толстый столб. Через день или два кол прочно вмерзал в лед, и тогда на него надевали колесо от воза, а вокруг щедро насыпали снег. Потом это сооружение еще раз поливали на морозе водой. Теперь ледяные тиски были достаточно крепки!

Затем к спицам колеса прикреплялись длинные палки с ременными петлями на концах, а к каждой из этих петель привязывались санки. Часть детей садилась в сани, а остальные, не жалея сил, вертели «крутилку». Потом менялись местами. И все были довольны!

Впрочем, нередко так развлекались не только дети, но и молодежь, и даже пожилые люди. Такая самодельная «зимняя карусель» известна на Украине очень и очень давно.

Очень распространен был по украинским селам и так называемый «громак» — ледяные сани. На речке или озере вырубалась большая льдина. Посередине выдалбливалось продолговатое углубление, чтобы можно было хотя бы относительно удобно сидеть. Спереди пробивалась дырка для веревки — и «громак» готов. Садись — и катись с горы!

Иногда для прочности на льдину клали слой навоза и поливали водой на сильном морозе. Конечно, усидеть на таком «снаряде» гораздо труднее, чем на санках. Но зато и почетнее!

Был еще один вариант этой народной забавы — «громак-свинья». Из льда вырубалась не плоская льдина, а нечто отдаленно напоминающее хрюшку: тут уж надо было обладать хотя бы минимальными задатками скульптора! Снизу «свинья» делалась, конечно, не совсем круглой (для устойчивости). К «пяточку» привязывалась веревка или ремень. Иногда «громак-свинья» делался столь грандиозным, что на нем свободно умещались трое, а то и пятеро. Такие комичные сани особенно часто делали накануне рождества или Нового года.

Про Ивана Купалу

Незаметно от детских забав мы перешли к народным играм, которыми увлекались и взрослые. Вторым неистощимым источником, питавшим эту цветущую ветвь народного творчества, были социально-бытовые и ритуальные игры. Ведя свое начало еще от дохристианских времен, многочисленные ритуальные забавы славянской (а со временем — русской, украинской, белорусской, сербской, болгарской, польской, чешской) молодежи чаще всего происходили на праздниках. Среди них широко известны игры в ночь на Ивана Купалу.

Возле речки хлопцы устанавливали деревянного или соломенного идола — Ивана Купалу — и разводили костер, через который прыгали. Первыми, пока огонь еще не разгорелся, входили в круг девушки. Они прыгали по одной и с краю, а не через среднюю, самую опасную, часть костра. Затем огонь разгорался все жарче, и в состязание-игру вступали парни, стараясь прыгнуть как можно дальше и (главное!) выше. Они прыгали вдвоем и даже втроем, крепко держась за руки. После этого начиналась общая часть игрища.

Юноши и девушки легко и безостановочно двигались гибкой цепочкой вокруг костра и без малейшей задержки один за другим перепрыгивали через огонь, что взметнулся уже довольно высоко. В этой части состязания участвовали только самые опытные прыгуны.

Сначала праздник Ивана Купалы был днем «великого очищения огнем». Но со временем, как и большинство

подобных праздников, он полностью утратил свое ритуальное значение. Такими и дошли эти игрища до нас: очищенными от религиозного содержания и преисполненными народного лиризма.

Социально-бытовые игры и сегодня можно наблюдать, например, во многих селах Западной Украины, и особенно в Закарпатье. И возникли они тоже весьма давно.

Народные забавы отражали все аспекты общественных отношений, и в частности отношение к религии и прежним угнетателям.

В Закарпатье наибольшее число таких игрищ происходило, как ни странно, во время похорон (вспомните абхазские поминки!). Обычай править тризну очень древний и уходит корнями в доисторическую эпоху. У гуцулов спортивные (конечно, не в современном понимании) игры занимали на похоронах ведущее место. Но возникает естественный вопрос: зачем проявлять ловкость и силу на похоронах, в обстановке печали и горя?!

Именно поэтому! — учит народная многовековая мудрость. Чтобы хоть немного отвлечь семью покойного от горьких мыслей. И гуцулы издавна считали своим священным долгом посетить родичей умершего и устроить в его дворе веселые игры. Вполне вероятно, что ранее эти забавы имели и какое-то магическое значение, но теперь они преследуют лишь единственную цель: человеческое сочувствие чужому горю.

Среди потех спортивного типа назовем «Кучи», «Черта тянуть», «Лопатки» (лапта) и «Горы».

Во время последней игры («Горы») хлопцы делали живую пирамиду (в три и даже четыре этажа) и обходили несколько раз дом, где лежал покойник.

Немалой ловкости требовала потеха под названием «Сало украсть». Длинную и узкую жердь приставляли со двора к окну и сильно трясли. А избранник должен был пробежать по шаткой жерди к высокому окну и тронуть рукой форточку. Это называлось «украсть сало» (т. е. выиграть). В случае неудачи платился какой-нибудь штраф.

Почти каждый гуцул считал для себя немалой честью принять участие в «забивании топорика». Это состязание, которое одинаково привлекало и маленьких детей, и седоусых стариков, было понятным и простым (для умеющего). На полянке выбирали старую сосну. При-

близительно на высоте двух метров прибавалась к стволу дощечка с изображением «генерала» — условной фигуры в военном мундире. С расстояния 15—20 метров гуцулы старались традиционным топориком «убить» (т. е. поразить в голову) «генерала» или хотя бы задеть дощечку. При этом дети пользовались деревянными топориками, а взрослые — металлическими.

По селам Восточной и Западной Украины и сейчас популярна «перетяжка». Игроки разбиваются на две команды: одни остаются в сенях, а другие выходят во двор. Граница между ними — порог. Передние берутся руками за длинную и гладкую жердь, которую изо всех сил тянут к себе. Партнеры, естественно, помогают им. Перетянувшие выигрывают и получают название «ангелы», а те, что проиграли, — «грешники». Другой вариант этой же игры носит название «Черта тянуть». Эта забава была пронизана ироническим отношением к религии и ее представителям.

Наконец, к этой же категории игр отпосилась потеха «Бука тянуть». Двое садились на пол, упиравшись подошвами ног друг в друга. Оба брались за прочную буковую палку и тянули. Особой заслугой считалось умение не только выиграть, но и сильным рывком неожиданно перебросить соперника через себя.

А девушки увлекались «Монеткой». Надо было стать посреди хаты, а потом, постепенно и плавно перегибаясь назад, взять двумя пальцами монету, что лежала на полу почти у пяток.

В «Стоглаве» есть сведения о том, что православная церковь вела жестокую, беспощадную борьбу с подобными потехами, особенно с теми, что пародировали церковный ритуал. Их называли не только «языческими», но и «бесовскими». И несмотря на это, в украинской повседневности подобные развлечения неизменно занимали ведущее место.

Запорожцы на воде и под водой

Воспитание крепких и выносливых воннов повсюду основывалось на неустанных физических тренировках. Не были в этом смысле исключением и запорожские казаки.

Смелые, сообразительные и неприхотливые, они целиком посвящали себя защите украинского и русского населения от турецко-татарских нашествий.

Казаки нередко предпринимали походы к турецким городам, освобождая пленных сестер и побратимов, сея панику среди врагов. Домой возвращались со славой и богатыми трофеями.

Отчаянная храбрость и благородство казаков-запорожцев общеизвестны. Но их походы по Днепру и по Черному морю на легких маленьких суденышках были бы невозможны без длительной и разносторонней подготовки. Первым и главным испытанием и средством закалки служили Днепровские пороги.

Выше этих порогов каждую весну казаки устраивали состязания по гребле поперек (!) бурной реки. Побеждал тот, чей челн финишировал на противоположном берегу точно против места старта.

А в непролазных днепровских плавнях казацкая молодежь под присмотром самых опытных запорожцев в постоянном труде закаляла свое здоровье, силу и ловкость. Этому способствовали охота, плавание, рыбная ловля и опять же непрерывные гребные состязания.

Нередко «старшина» нарочно ронял в воду свою прокуренную глиняную трубку («люльку») и молодые казаки взапуски ныряли, чтобы достать ее со дна. Особенно почетным считалось взять «люльку» с речного песка без помощи рук: одними зубами. И так вынести ее на поверхность.

Наконец, наиболее ответственным испытанием для молодых казаков было преодоление знаменитых порогов. Через все тринадцать коварных каскадов — ступеней должны были они провести свои «чайки» и лишь тогда удаивались звания «истинно запорожского казака».

Любило казачество и стрелковые состязания: лук, пистолет и ружье. Сечевики были мастерами борьбы, скачек, кулачных боев и фехтования.

Вызывает восхищение и то, с какой невиданной быстротой передвигались они на своих челнах. Французский дипломат и путешественник Пьер Шевалье в 1663 году издал в Париже интересную книгу: «История войны казаков против Польши». Рассказывая и о нападении запорожцев на турецкие города, он писал:

«...тревога распространяется сразу по всей стране и доходит до Константинополя, откуда рассылают гонцов повсюду: в Анатолию, Румынию и Болгарию, чтоб каждый был начеку. Но скорость казаков столь велика, что обычно они перегоняют всех гонцов с сообщениями о их

прибытии и так умело используют и время, и пору года, что через сорок часов доходят до Анатолии».

Большую роль играла тут дисциплина и воздержанность запорожцев. Из провианта, в частности, они брали с собой в дорогу лишь сухари, которые держали в бочке, и в меру потребности вынимали через маленькое отверстие — чоп. Кроме того, на каждом челне казаки имели бадью вареного пшена и бадью хлеба, смоченного водой. Такая еда служила им одновременно и питьем. Как же строились сверхбыстроходные казацкие челны? Преимущественно это были безкилевые суденышки, которые делались из вербы, дуба или липы (кстати, сами они так и назывались). Борта иногда обшивались досками.

Ныне запорожский челн — редкостный музейный экспонат. До последнего времени лодки XVII века были нам известны лишь по чертежам французского инженера Боплана, который в 1635 году построил на Днепре Кодацкую крепость.

Но недавно таким экспонатом обогатилась экспозиция Львовского музея этнографии и художественных промыслов. Археологическая экспедиция Львовского института общественных наук летом 1966 года под руководством И. К. Свешникова нашла на берегу реки Горынь, близ Ровно, большой челн. Одна его часть была затоплена, а другая — занесена береговыми отложениями. Наши предки выдолбили эту лодку из ствола гигантского дуба: ее длина 14 метров, а ширина — 2,6 метра. При этом сохранились даже шпангоуты.

Особенности конструкции (они совпадают с чертежами Боплана) и форма забитых в дно деревянных гвоздей дают основание допустить, что это и есть запорожский «дуб», построенный в XVII веке. Сейчас этот свидетель казацкой славы привезен во Львов и помещен в Шевченковской роще на территории Этнографического музея...

О системе физических упражнений, о состязаниях и испытаниях запорожцев пока известно не очень много. Отдельные упоминания (иногда лишь попутные, случайные) рассеяны в исторических произведениях, мемуарах, путевых заметках и этнографических статьях. Но главное нам понятно: без прочной и постоянной системы физических тренировок казаки Запорожской сечи никогда не смогли бы занять столь почетного места в военной истории Украины, России и, наконец, всей Европы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Глава I. Мифы и люди Олимпии	7
Глава II. Вокруг Большого Цирка	37
Глава III. Атлеты джунглей и пустынь	65
Глава IV. Последние не только из могикан	75
Глава V. Гол ценою в жизнь	86
Глава VI. Далеко летит вит-вит	92
Глава VII. Большой надом	100
Глава VIII. Своеобразная атлетика Кавказа	105
Глава IX. Обгоняющие оленей	114
Глава X. Из истории лыж	120
Глава XI. Потомки Ильи и Добрыни	125
Глава XII. У Днепровских порогов	135

Юрий
Владимирович
Шанин

ОТ ЭЛЛИНОВ
ДО НАШИХ
ДНЕЙ

Заведующая редакцией *З. Дворцевая*
Редактор *Н. Сулова*
Художник *Н. Абакумов*
Художественный редактор *Г. Чеховский*
Технический редактор *Н. Суровцова*
Корректор *З. Самылкина*

A12432. Сдано в производство 8/VII 1974 г. Под-
писано к печати 4/XI 1974 г. Бумага кв. журн. № 2.
Ф-т 84×108¹/₃₂. Печ. л. 4,5 + 0,5 вкл. Усл. п. л.
7,56 + 0,84 вкл. Уч.-изд. л. 7,53 + 0,65 вкл.
Бум. л. 2,25 + 0,25 вкл. Тираж 75000 экз.
Издат. № 4947. Цена 31 коп. Зак. 1516.

Ордена «Знак Почета»
издательство «Физкультура и спорт»
Государственного комитета Совета
Министров СССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли
Москва, К-6, Каляевская ул., 27

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова «Союзполиграфпрома» при Госу-
дарственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательства, полиграфии и книжной тор-
говли. Москва, М-54, Валовая, 28

